

Вьяса

XXI ВЕК.

Инструкция по обживанию

Посвящается тем, кто дочитает до самого конца

Предисловие

Если бы жизнь могла говорить
(Или хотела) простым языком,
Она б сказала тебе: «Вот дары.
Канализируй, не стой столбом.

С этого сопла выходит пиф,
А из того вылетает паф.
Одновременно подвозит лифт
Чувство, что ты, вероятно, прав».

Но оглушительный водоворот
Вместо.
Но запечатанный жизни рот,
Смутные жесты.

Тридцать три корабля
Лавировали-лавировали.
Тридцать три богатыря
Канализировали-канализировали.

Двадцать первый век.
Мы на острие.

Будучи автором этого стишка, могу пояснить, что означает «острие». С одной стороны, это накопленный всечеловеческий опыт и знания, в первую очередь, в области идеологии и психологии в самых широких и глубоких их смыслах; с другой, это совокупность идеологических и психологических проблем в мире, как личных, так и коллективных, которые достигли или вот-вот наберут критическую массу — исхожу из того, что все остальные проблемы суть их производные.

Некоторые философы, провидцы и духовные лидеры, ныне здравствующие или дышавшие земным воздухом не далее, как «вчера», дали себе труд обобщить довольно... непростое положение вещей на Земле и предложили человечеству свои «дорожные карты». Я же, перебрав некоторое их количество, остановился на *Розе мира* Даниила Андреева, *Почему мы не можем быть хорошими?* Джейкоба Нидлмана (Jacob Needleman, *Why Can't We Be Good?*), избранных работах Карла Юнга, а также *Метасовременной эпохе* и лекциях Нирмалы Шриваставы (Nirmala Shrivastava, *Metamodern Era*), более известной как Шри Матаджи Нирмала Деви. Многие мысли, а также духовные опыты, Клайва Льюиса, Антуана де Сент-Экзюпери, Григория Померанца, Виктора Франкла, Шри Раманы Махарши и некоторых других также пришлось очень кстати. Моё знакомство с основными священными текстами как бы идёт по умолчанию. Всё это, в конечном итоге, было пропущено через моё, смею полагать, небезнадёжное восприятие и синтезировалось во что-то вроде путеводителя для жизни в современном мире или, по крайней мере, понимания себя и своего места в нём. За основу этого труда была взята уже ранее написанная мной *Книга-беспокойство*, в общем, самодостаточная вещь, но я решил предложить читателю её расширенную, «разжёванную» версию. В

этой связи, стало уместным дать ей новое, более подобающее и, вместе с тем, более претенциозное название — *XXI век. Инструкция по обживанию*.

О структуре *Инструкции*. В отличие от инструкции в общепринятом понимании этого слова, где ясность, лаконичность и чёткая логическая последовательность ставятся во главу угла, линия повествования в *Инструкции* идёт довольно размашисто и извилисто, то и дело занырявая в «кармашки» из цитат, в т.ч. весьма развёрнутых (для удобства, для них будет использован отдельный шрифт), испещряясь стихами (в основном, моего сочинения), поворачивая то в одну сторону, то в другую. Какая-то логика во всём этом всё же присутствует, и даже есть условное разделение на главы: «Космология», «Религиоведение», «Гносеология», «Методология» и «Телеология». В самом конце читателя ожидает сюрприз, хотя слово «сюрприз» слишком легковесно для того, что скрывается за решёткой букв.

Карл Юнг в своё время колебался в выборе стиля для своих работ, вначале склоняясь к пророческо-патетическому, но после предпочёл более нейтральный, наукообразный тон. Я же, с одной стороны, бегу академического языка, в т.ч. правил цитирования и оформления списка литературы, хотя при этом отдаю должное правилам правописания и вообще хорошего тона. С другой — стараюсь не слишком ударяться в патетику и дидактику. В этой связи, если какие-то экстраординарные вещи будут проговариваться слишком буднично или с некоторой задоринкой, пусть читателя это не удивляет. Вообще, *ординарного* здесь будет мало.

Возвращаясь к *Почему мы не можем быть хорошими?* Нидлмана, в своё время у меня не получилось издать перевод этой книги из-за нежелания соответствующих

российских издателей идти на финансовые риски и отсутствия этих самых финансов у меня. Я постарался, чтобы *Инструкция* вобрала из неопубликованной книги самые «сливки», так что опосредованно и без особого ущерба читатель сможет с ней ознакомиться через *Инструкцию*, если последней суждено выйти в печать (читатели электронных книг оказываются в выигрыше в любом случае). Права американского правообладателя при этом формально нарушены не будут. Хотя, учитывая исключительную важность того, о чём пишет Нидлман, соблюдение их прав меня волнует в третью или тридцать третью очередь.

Надеюсь, у меня получилось достаточно заинтриговать читателя, чтобы он не ограничился одним только предисловием. Со своей стороны, предъявляю ему одно, но весомое требование — вдумчивость. Памятуя о некоторой разочарованности Юнга в способности людей *думать*, а не просто *судить*, а также имея некоторые личные наблюдения на сей счёт, особых иллюзий здесь не испытываю. И всё же...

Июль 2023 г.

Космология

«Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Ф.М. Достоевский, *Братья Карамазовы*

По Даниилу Андрееву, дышавшему воздухом (главным образом, тюремным) ещё каких-то 70 лет назад, мир, в котором мы живём — многослоен, и если воспринимаемую пятью чувствами физическую реальность или «Энроф» взять за точку отсчёта, то восходящим каскадом от него будут идти миры просветления, вплоть до тончайших палат Всевышнего. Им, с исподней стороны Энрофа, противовесят и противостоят грубоматериальные, низкочастотные, «инфразифизические», в самых своих низах — тёмные демонические миры. Как и почему произошло это разделение, Андреев описывает в своём главном труде *Роза мира*. Достаточным здесь будет сказать, что в незапамятные времена высшими Божественными иерархиями было принято решение *эволюционно* просветлять искажённый и осквернённый демоническими влияниями материальный мир (отношение «хищник-жертва» является одним из наиболее ярких

тому примеров) вместо того, чтобы, образно выражаясь, всё скóмкать и сотворить что-то новое с чистого листа. В этой эволюции, человеку, как существу, прошедшему путь от амёбы до его нынешнего состояния, отведена ключевая роль — именно через его посредство должна просветиться грубая материальность, а тем тёмным слоям, тому áду, что просветлению не подлежит, уготован окончательный «развод» с раем — уничтожение либо полная закупорка с последующим варением, что называется, в собственном соку. Этот развод, к примеру, соотносится со Страшным судом в христианстве или Днём воскресения — в исламе. Со своей стороны, могу предложить стишок «по мотивам»:

Всё, что было на дне, все подонки, весь ил,
ВЫбурлилось в грязную пену, в смрад,
Выругалось чем-то похожим на мат,
Вырисовалось в человеческий силуэт,

Нет, их была тьма, имя им — легион,
Легионеры, восстав из мутной бурды,
Харкнули в Небо, тыкнули Небу: «Ну ты!»,
Ну, а затем, канаве дали обет:

- я) возлюбить свою низость
- ю) возлюбить свою мерзость
- э) возлюбить свою смрадность
- ы) возлюбить свою пошлость
- ы) возлюбить свою грубость
- ъ) возлюбить свою жестокость
- щ) возлюбить свою безблагодатность
- ш) возлюбить свою презренность
- ч) возлюбить свою закоренелость

ц) возлюбить гнилой сыр с копошащимися в нём
личинками червей

Небо висело между делом,
Недосягаемое для плевков,
Небо висело и смотрело
На это сборище дураков.

Небо смотрело удивлённо
На весь восставший со дна ил
И одному из приближённых
Велело, чтобы он спустил

Верёвочку для тех, кто нарушит обет.

Просветлению материи, собственно, должно предшествовать просветление человеческого сознания, если быть более точным — внимания:

Ведь внимание — это такое поле математических точек;
Точки размазываются по телу, чувствам всяким и мыслям;
Точки могут закуриваться в теле и дальше по списку;
Точки куда-то направляются и возвращаются с неким уловом;
Внимание суть поле битвы между разными центрами силы;
Очень нужны для внимания хорошие лобные доли;
Слишком рассеянное внимание делает Вас глуповатым;
Слишком большая концентрация делает Вас

однобоким;
Между однобокостью и глупостью — разница не
слишком большая;
Бог собирает внимание правильным
калейдоскопом;
Только Бог собирает внимание правильным
калейдоскопом;
Для этого трепетно Богу приносят внимание в
жертву;
Жертва внимания полезней заклания стада
бизонов;
Жертва внимания лучше, чем жертва на
строительство храма;
Возможно, внимание связано как-то с бозонами
Хиггса;
Контроль за своим вниманием — это главный долг
человека;
Расслабить внимание в Боге есть величайшая
радость.
Ну, а теперь возвращайтесь к недорезанным Вашим
баранам.

К роли внимания обязательно ещё вернусь через пару-тройку глав. Из каких же компонентов складывается человеческое сознание или, лучше сказать, *самость*, т.е. психологическая целостность индивида — буквально «за поворотом».

В моём конспекте идей Даниила Андреева пока что не прозвучало ничего такого, с чем не согласились бы многие другие учения, особенно претендующие на роль «интеррелигии». Однако, в отличие, скажем, от Елены Блаватской с её теософией или Ауробиндо Гхоша с его

интегральной йогой, в чьих космологиях нет чёткого водораздела между Богом и дьяволом, мир Андреева — дуалистичен в том смысле, что дьявол не является некоей «левой рукой» Бога («Бог есть свет, и в Нём нет никакой тьмы»). В то же время, Андреев говорит о вынужденности «сынов Бога», т.е. демиургов, участвовавших в создании материального мира и руководящих судьбами вверенных им на Земле народов, породить так называемых «уицра́оров», демонов государственности, для защиты этих народов от внешних угроз, в т.ч. инспирированных с ещё более инфернальных планов (о них чуть позже). К несчастью для людей, психологический портрет этих демонических или полудемонических существ таков, что они склонны выходить за рамки своего «ареала», т.е. расширяться без высшей на то санкции, им присуща тираническая тенденция, и о нравственности они имеют самое смутное понятие (по крайней мере, на момент написания *Розы мира*). В заложниках уицраоров, таким образом, оказываются сокровенные «души» народов — спутницы или супруги демиургов, призванные облагораживать, читай просветлять человечество через красоту и любовь. В этом свете, Елена Прекрасная, томящаяся в темнице Кощея, или Сита, «гостящая» примерно в таких же условиях в замке демона Раваны, могут являть собой не просто сказочных или мифических персонажей, а вполне себе метафизическую реальность. На «поверхности» же, т.е. в мире физическом, Энрофе, чрезмерная, несанкционированная активность уицраоров-кощеев будет выражаться как жёсткая система подавления личности внутри соответствующего государства и/или *несправедливая* агрессия вовне, шовинизм всех мастей, сакрализация власти вне зависимости от её действий, общая грубость нравов и эстетическая притуплённость. По крайней мере, *суще-*

ствование этих вещей, каковы бы ни были их психологические или метафизические предпосылки, ни у кого сомнений вызывать не должно.

Согласно Андрееву, в исподнем мире помимо уицраоров наличествуют и более «прожжённые» существа, в частности, главный антагонист Бога — дьявол, он же Люцифер, Гагтунгр или Великий Мучитель, собственно, и заваривший кашу с искажением материального мира эоны тому назад. Поскольку дьявол не бездействует, просветление человеческого сознания и вместе с ним материи усложняется тем паче, в особенности, если человек не вполне осознаёт, в чём состоят пути Света и тьмы. В этом смысле, привычная многим «серая зона» существования между Светом и тьмой, иными словами, отсутствие твёрдого «да, да» или «нет, нет», либо *неправильные* ответы на важнейшие философские и нравственные вопросы жизни, скорее, играет нечистому на́ руку. Более подробно об этом при рассмотрении юнгианского понятия «тени». А пока — ну да, стишок:

Да, я — серый, но зато
У соседа оттенок темнее.

У соседа темней, но зато
У того, что дальше — грязнее.

У того грязней, но зато
Тот, что ближе к хвосту — чернее.

У того черней, но зато
Самый хвост не станет белее

Никогда и ни за что —
Беспросветностью собственной греем

И немножко адовым тлом.

Так что мы спокойно белеем
На том фоне и делаем то,
Что обычно, то есть сереем,
Хотя если смотреть под углом
Белизны, вероятно, чернеем,
Устилаем грязным ковром
Нисходящие плавно ступени
В то отверстие, что под хвостом,
В том числе, у благородных оленей.

Стоит особо остановиться на разделении Даниилом Андреевым религиозных учений на религии правой и левой руки. Если вкратце, религии правой руки, к коим относятся основные мировые религии, ведут своих приверженцев по мирам восхождения или, по крайней мере, открывают им туда двери, тогда как религии левой руки заводят в миры тёмные, демонические. Ради справедливости нужно сказать, что это разделение не является каким-то новшеством Андреева. Например, в Коране говорится о владыках правой стороны, т.е. тех, кто в День воскресения окажется в раю, и владыках левой стороны «в самуме и кипятке, и тени чёрного дыма, ни прохладной, ни благой», проще говоря — обитателях ада. Индуистская тантра подразделяется, опять-таки, на правую и левую руку: судя по их методам и плодам, с некоторой натяжкой к ним также можно применить означенный принцип. Сам Андреев популярно не объясняет, какие тонкие, глубинные процессы кроются за этой несколько причудливой развилкой между «пойдёшь направо» и «пойдёшь налево». Со своей стороны, постараюсь восполнить этот пробел, поскольку считаю это исключительно важным для

понимания устройства жизни в общем и человеческой в частности. Для этого мне понадобятся несколько глав из *Книги-беспокойства*:

В одной из школ суфизма, «глубоководного» течения ислама, самый страшный грех — быть оскорблённым. Возможно, это вызовет недоумение у тех, кому созвучно более привычное и понятное «Не убей», «Не прелюбодействуй» и т.д. Суфийская заповедь заходит издалека.

Говорят, Бог есть истина. И ещё, что Бог — непоругаем. Следуя этой логике, истина — непоругаема. Продолжая в том же ключе, тот, кто стоит на истине, также становится непоругаем, и, в этом смысле, оскорбление есть ничто иное, как проверка его духовных основ. По сути, непоругаемость означает сохранение покоя. После всех этих выкладок можно сказать, что покой есть признак истинности или истины в некоем абсолютном значении. Если более «светским» языком: собака лает — слон идёт.

Однако, покой не исключает какой-то событийности или «колебательных движений». Скажем, волнение на море несколько не противоречит безмятежности его глубин. Точно так же табу на богохульство, к примеру, легко может соседствовать с непоругаемостью Бога. Даже если хула действительно способна вызвать Его гнев, читай, шторм, то это, в первую очередь, чревато для хулителя существенной встряской. Ничто не «прилипнет» к Богу, не повлияет на Его самосознание — в этом проявится Его покой.

Возвращаясь на человеческий план и уже говоря о покое и колебаниях в самом широком смысле, любая потреб-

ность, желание, влечение — можно назвать это совокупно «жаждой» — будет нарушать условное равновесие или устоявшийся порядок вещей. Утоление жажды должно возвращать утраченный мир и, возможно, становиться ступенькой для более глубокого умиротворения с присущими ему более утончёнными и возвышенными жаждami и т.д. Утрата покоя и возвращение к нему, обогащённым или опустошённым, создаёт если не рисунок, то чертёж человеческой жизни.

И снова к высоким материям. Если абсолютный покой, истина и Бог суть одно, наиболее возвышенной можно назвать ту жажду, что утоляется познанием истины, приобщением к извечному покою Бога. Особенность этого покоя, помимо его незыблемости, в том, что он неотделим от радости. К примеру, в философии веданты формула «сат-чит-ананда» — бытие-внимание-радость — описывает природу Бога. Ощущение радости или утоление жажды на более низких ступенях происходит благодаря контрастности переживаний, игре противоположностей, по сути, мужского и женского начал.

Движение от неких имитаций покоя к покою истинному есть «срединный путь», он же «прямой путь», или просто *Путь*. На этом *Пути* означенные начала превращаются в спутников и, в конечном итоге, должны слиться в некое неразрывное целое. В различных духовных традициях им соответствуют *янь* и *инь*, *радхас* и *тамас*, *солнце* и *луна*, *явь* и *навь* и т.д. Тожественным *Пути* будет *Тай-цзы*, *саттва*, *правь*, *Великое делание*. Выбрав из всего этого многообразия *солнце* и *луну*, а также *Путь*, пожалуй, двинусь с ними дальше.

Для удобства можно представить ось, читай, *Путь*,

вдоль которой обвиваются две спирали, т.е. *солнце* и *луна*, берущие начало у её основания и постепенно истончающиеся по направлению к вершине. Несколько более объёмно это будет выглядеть как ступенчатая, конусообразная конструкция, что-то наподобие буддистской ступы. Так или иначе, при отклонении любой из спиралей всё это, скорее, будет напоминать маятник — на смену союзничеству приходят негативные зависимости. Но об этом несколько позже.

Об онтологических качествах *солнца* и *луны*. Теплота, свет, порядок, жёсткость и лёгкость, присущие *солнцу*, контрастируют с холодом, темнотой, хаотичностью, мягкостью и тяжеловесностью *луны*. Применительно к человеческой психике, главному предмету сего повествования, *солнце* будет выражаться как динамизм, сознательность, самоутверждение, абстрагирование, трансцендентность. *Луна* же, со своей стороны, будет приносить восприимчивость, инертность, чувственность, эмоциональность, самоумаление, интуитивность.

Можно сказать, что из различных *солнечных* «отсветов» складываются индивидуальность человека, а *луна* её сопрягает с некоей вещественностью, чувственностью, принадлежностью общему целому. Вместе всё это образует динамическую *самость*: под динамичностью подразумеваются не только текущие, сиюминутные психические состояния, но и восхождение либо нисхождение по оси *Пути* в долгосрочной перспективе. Кажется, некоторые индивиды оказываются влекомы восходящим потоком, вплоть до Всевышнего или истины, или незыблемого покоя. Среди прочего, это делает их менее чувствительными к каким-то словесным выпадам в их адрес.

Вот почему для некоторых последователей суфийской традиции самый страшный грех — быть оскорблённым.....

.....Коль скоро общая динамика *самости* более или менее прояснена, её составные части стоит рассмотреть более пристально.

За исходную точку во всей этой сложносочиненной конструкции можно взять инстинкт самосохранения. Ощущение уязвимости и страх, исходящие от *луны*, сопряжено здесь с *солнечной* реакцией борьбы или бегства. *Животное «я»*.

Следом идёт инстинкт размножения. Мужская или женская, иными словами, активная *солнечная* или более пассивная *лунная* сексуальность обуславливает *гендерное «я»*. Здесь *лунная* чувственность также спаяна с *солнечным* смыслом продолжения рода.

Покорность будет ещё одним качеством *луны*, которая тяготеет к внешнему, *солнечному* источнику силы и авторитета. Его как бы зеркальный *солнечный* аспект, направленный вовнутрь — стремление к самоутверждению и независимости. *«Я» слуги/хозяина*.

Чувство эстетики и творческое наитие становятся новыми дарами *луны*. *Солнце* их будет «высветлять» в какие-то конкретные, законченные формы и смыслы. *«Я» творца*.

Следующим *лунным* ликом является стремление к накопительству, сбережению и обладанию, а *солнце* будет его переводить на язык символов — имущество, деньги, статус, традиция и т.д. и, собственно, претворять в жизнь

и поддерживать статус-кво. *«Я» обладателя.*

Любовь, более тонкий *лунный* свет, будет сиять несколько выше. В первую очередь, он направляется на ближайший круг, т.е. родителей, братьев и сестёр, далее — на супруга и детей. Благодаря *солнцу* происходит осознание своей роли и обязанностей по отношению к любимым. Иными словами, на этом уровне зарождается любовь и ответственность. *Семейное «я».*

В *социальном «я»*, чувство материнства, отцовства, братские и сыновние чувства, равно как сестринские и дочерние, суть *лунное* сияние, направляются на людей, не связанных с «я» непосредственными родственными узами. Это происходит благодаря тому, что *солнечные* лучи освещают новые «просторы», что, в свою очередь, позволяют проявиться более утонченному чувству любви, сопричастности, сорадования и сострадания. Тончайшей формой *социального «я»* будет ничем не обусловленное *общечеловеческое «я».*

Все вышеупомянутые «я» в *самости* показаны не в хронологическом порядке их возникновения и развития, а, скорее, по мере утончения *солнечного* и *лунного* света. За отслеживание и, по необходимости, корректировку развития остальных «я» будет отвечать *созерцательное «я»*, охватывающее их и, одновременно, превосходящее их, как бы несколько «парящее» над ними. Память, чувственный опыт, эмоциональность со стороны *луны* вкупе со всеми *солнечными* идеями, формами и принципами будут его столпами.

До сих пор во всех этих «я» не значился *Путь*, который, в идеале, незримой нитью проходит через все смычки *солнца* и *луны*, предотвращая искажения и перекосы в ту

или иную сторону. По сути, это означает *гармонию между внутренним и внешним*. В этой гармонии, к примеру, *животное «я»* не будет нагнетать страх или принимать излишние меры для своей защиты без реальной, соразмерной опасности. Или, скажем, *гендерное «я»* будет ограничено узами супружества, понимаемого как союз мужчины и женщины, а также *благоприятными* формами сексуальности, в отношении которых основные мировые религии более или менее сходятся в своих оценках. Иными словами, гармония в границах *Пути* неразрывно связана с понятием «благоприятности», т.е. сплавом нравственности, функциональности и эстетичности.

Если все «я», от низших до более высоких, пребывают в гармонии, это создает наилучшие предпосылки для проявления *Божественного «я»*. Если мне позволено судить об этом уровне, здесь достигается максимально тонкое и целостное восприятие, а сообразные ему действия свершаются в состоянии глубокого покоя. Библейский образ льва и агнца, мирно возлежащих в раю, вполне может символизировать высочайшую гармонию *солнечного* и *лунного* светил. Коран несколько иначе живописует райский сад, однако главная фраза его обитателей — «мир», суть покой. Бхагават Гита говорит о состоянии йоги, союза с Божественностью, как о «действии в бездействии». Если под бездействием понимать совершенный покой, а не бездельничанье, в общем, вырисовывается та же самая картина. Помимо прочего, всё это прекрасно согласуются с суфийской заповедью в несколько расширенной её трактовке.

Вернусь, однако, на более низкие ступени.

Как уже говорилось, *солнцу* присуща трансцендентность или стремление выйти за некие рамки. *Луна* же склонна замыкаться на себе. В этом смысле, *Путь* становится чувством меры для обоих начал, даёт каждому из них представление о другом спутнике, ограничивает естественные эгоистические (относится больше к *солнцу*) и эгоцентричные наклонности (скорее, *лунное* качество), тем самым увлекая за собой.

В отношении *животного* и *гендерного* «я» примеры уже приводились.

Если идти дальше по нарастающей, в «я» *слуги/хозяина* для *луны* должен действовать ограничитель «Не создай себе кумира». *Солнце*, со своей стороны, должно признавать необходимость высшего авторитета, т.е. иметь понятие о покорности. Слово Экзюпери:

Я понял: твёрдость и послушание — две стороны одной медали. «Твёрдый орешек» — говорим мы с одобрением об одном, «сама себе хозяйка» — о другой, — я обнял её, но она была далека от меня, словно яхта на морском горизонте, — их я и называю людьми: они не торгуются, не вступают в сделки, не подлаживаются, не идут на компромиссы, не предают себя из корысти, сладострастия, усталости, сердце их твёрже оливковой косточки. Я могу стереть их в порошок, но не выдавлю масла тайны, и я не позволю тирану или толпе властвовать над их алмазными сердцами, потому что именно такие люди и бывают по-настоящему послушны. Именно они бывают кроткими, дисципли-

линированными, почтительными, они способны на веру и на жертву, став покорными сыновьями глубинной мудрости, став хранителями добродетели...

В «я» *творца* *Путь* будет проявляться примерно следующим образом. Ориентиром для творческого вдохновения или наития — даров *луны* — будет уже означенная благоприятность. Кроме того, вдохновение должно быть выражено, а не томиться в плену воображения, поэтому *Путь* его будет как бы «выталкивать» к *солнечному свету*. С другой стороны, *солнце* должно выражать то, что имеет под собой какую-то реальную основу, а не «пускаться во все тяжкие», т.е. излучать свои собственные смыслы. Иными словами, мерой для *солнца* на этом уровне, как, впрочем, и на всех последующих, будет ощущение реальности.

Стремление к накопительству и обладанию в «я» *обладателя* будет умеряться способностью довольствоваться малым. Благодаря этому *луна*, «насытившись», будет более склонна отдавать, т.е. проявлять щедрость. Её *солнечным* эквивалентом будет чувство достоинства, основанного на умеренности и каких-то более высоких истинах. Выход за эти рамки будет означать излишнее тяготение в сторону символического — статуса, компетентности, превосходства, а также несколько патологического чувства собственности по отношению к вещам ли, людям, стране или даже Богу.

В *семейном «я»* *Путь* будет сохранять тонкость *лунного* сияния, сиречь любви, во избежание излишнего замыкания и растворения в кровных родственных узах.

Солнце, со своей стороны, получает понятие о взаимности чувств. В противном случае, оно склонно эгоистично эксплуатировать других. Примерно тот же принцип работает в *социальном «я»*, только в более широком контексте.

Что касается *созерцательного «я»*, здесь *луна* тяготеет к весомости и незыблемости знания, а *солнце* будет занимать более критическую, оценочную позицию. *Путь* становится чем-то вроде третейского судьи. С одной стороны, «непогрешимость» *луны* будет испытываться новым, *солнечным* знанием; с другой, в противовес *солнцу* будет предлагаться нечто уже испытанное и сбереженное *луной*. Гармоничный союз *солнца* и *луны* на этом уровне достигается приверженностью обоим истине или некоему высшему порядку, во многом благодаря способности отпускать ненужный или потерявший актуальность «груз», иными словами — прощать.

В свете всего этого, в *Божественном «я»* объединение *солнца* и *луны* будет означать наиболее деликатное, тонкое и интимное слияние сознательности и чувственности. Глубокое и ясное сознание, суть *солнечный* свет, будет здесь сопряжено с тончайшей любовью — сиянием *луны*. К примеру, в буддизме подобное состояние именуется «бодхи». На языке йоги это звучит как «нирвика́льпа сама́дхи» — осознание без сомнения.

Если подытожить основные качества *Пути*, освящающие гармонии *луны* и *солнца* — благоприятность, чувство меры и смиренномудрие, т.е. признание того, что есть, и покорность высшей истине.

Важный момент: покой и радость становятся более

тонкими и продолжительными с каждой восходящей гармонией, а их кратковременные и грубые формы как бы будут отходить на задний план. К примеру, чувство материального достатка и семейного благополучия умеряет сексуальное влечение, однако, в свою очередь, само оно будет утрачивать вес из-за более высоких эмоций, в т.ч. исходящих из *социального «я»*. Скажем, ради защиты своей родины мужья и сыновья оставляют семьи и уходят на войну. *Социальное «я»* способно расшириться до всечеловеческого — надполового, надрасового, надкланового, надэтнического, надконфессионального, в котором во главу угла ставится истина, и в угоду ей жертвуется всё остальное. Во многом это происходит благодаря *созерцательному «я»*. Сократу принадлежат слова: «Платон мне друг, но истина дороже». Есть более жёсткое евангельское высказывание, передающее тот же смысл:

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня

Вероятно, эта истина должна смягчиться тем, что взамен всему, приносимому ей в жертву, даётся нечто настолько умиротворяющее и прекрасное, что должны затянуться все полученные на пути к ней раны. В том случае, конечно, если берётся последняя высота.....

.....Следование *Пути* вплоть до достижения каких-то сияющих высот — это идеальный сценарий. Однако, как это нередко бывает с идеалами, происходит это крайне

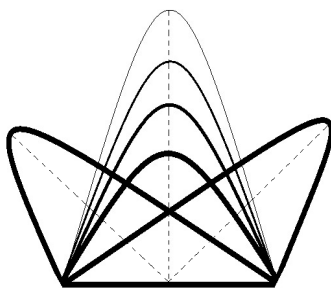
редко. Что бы там ни говорили последователи суфийской и прочих традиций, есть ещё одна фраза, перечёркивающая многие благие начинания: «Человеку свойственно ошибаться», читай — отклоняться.

Верным признаком отклонения будет несостыковка *солнца* и *луны* на какой-то высоте и, как следствие, излишнее притяжение или подверженность каждого из них более грубому «излучению» своего компаньона. Иными словами, при отклонении от Пути возникает некая дисгармоничность. Ранее я сравнил это отклонение с качанием маятника. Чтобы как можно лучше запечатлеть эту динамику, необходимо добавить сюда ещё несколько штрихов.

Читателю предлагается немного пустить в ход воображение, представив пружину в форме дуги, прикреплённую обоими концами к горизонтальной плоскости. В верхней точке дуги будет что-то вроде перемычки, разделяющей её на две равные стороны или боковины. Через центр дуги будет проходить вертикальное силовое поле, постепенно и равномерно поднимая пружину, сближая её боковины и тем самым предохраняя их от чрезмерных колебаний.

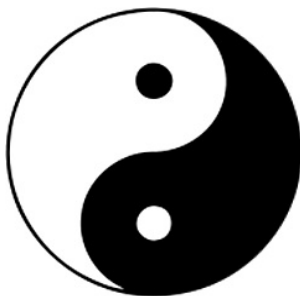
При настойчивых попытках одной из боковин «перетянуть одеяло» на себя и уклониться от силовых линий поля — подобное своенравие также необходимо учесть в воображаемой картине — она будет в той или иной мере лишаться его поддержки. Кроме того, ограничителем и противовесом отклонившейся стороне становится одновременно её собственное основание и другая боковина. Последняя будет натягиваться сильнее, тем самым увеличивая свою «потенциальную энергию».

Если курс движения не меняется в сторону центра, то происходит неизбежное колебание или схлопывание пружины в противоположную сторону — наискось вниз. Стоит подчеркнуть: схлопываются *обе* стороны, вопрос лишь в уклоне. Вероятно, нетрудно догадаться, что пружина символизирует взаимосвязь *солнца* и *луны*, двух боковин, в силовом поле Пути. Ниже очень схематично показана эта «эквилибристика»:

Если ещё слегка пофантазировать, *солнечная* сторона будет иметь довольно мало изгибов, и, в основном, это касается только её *нити* или верхней части. У самого же основания она подобна прямому, толстому *жгуту*. *Лунная* боковина целиком спиралевидна, начиная от больших, тяжеловесных *колец* вплоть до более лёгких и маленьких *витков* в верхней её оконечности. По большому счёту, к восхождению стремится или склонна лишь верхняя часть пружины благодаря *отпечаткам*: некоторая витиеватость *нити* свидетельствует о наличии в ней частичек *луны*, а более лёгкие и подвижные *витки* — о содержании в них золотых крупниц *солнца*. Именно это делает возможным более глубокое взаимопроникновение и сопряжение светил. Даосский символ

«инь-янь», в котором каждое из начал содержит в себе частицу своей противоположности, в общем, отражает этот принцип:

Что касается нижних частей — *жгута* и *колец* — они слишком поляризованы, чтобы нести в себе *отпечатки*. В этой связи, поиск своей противоположности или дополнения на этом уровне направлен практически полностью вовне.

Переводя всё это на нормальный, человеческий язык, уровень *жгута* и *колец* означает удовлетворение базовых потребностей в безопасности и материальном достатке, довольно приземлённые радости, заботу о статусе, а также относительно грубые эмоциональные привязанности и наития. *Витки* и *нить* сообщают жизни более высокий смысл, будь-то создание произведений искусства, стремление к более справедливому мироустройству, поиск научной истины или истины в некоем абсолютном значении, подкреплённый более тонким чувством вдохновения, любви и сопричастности. Иными словами, они становятся источником идеализма посреди тривиального, низменного, будничного.

Перед тем, как двинуться дальше, хотелось бы дать более чёткое определение «отклонению». Как уже говорилось, отклонение происходит в результате несостыковки *солнца* и *луны* на некоей высоте, если более конкретно — между *нитью* и *витками*. Однако, возможна и более незамысловатая ситуация — преобладание гармоний *жгута* и *колец*. Возможно, это прозвучит довольно резко, но, по сути, это означает животную или полуживотную жизнь. Памятуя о гармонии между внутренним и внешним, в частности, *внешностью*, человеку подобное существование не к лицу. В этой связи, более уместным здесь будет говорить не об отклонении, а *перевороте*, т.е. приоритете грубого над тонким. Кроме того, если отклонение приводит к дисгармонии, то *переворот*, в каком-то смысле, есть гармония, но очень непрочная и лишённая утончённости. Речь здесь не о том, чтобы грубым материям не быть — дело в *приоритете*. Так или иначе, отныне *отклонением* будет обозначаться приоритет возвышенных вещей, но не совсем в здоровой форме; *переворотом* — главенство низменных вещей в ущерб более возвышенным.

Кажется, наступил подходящий момент перекинуть мостик между предыдущей частью повествования и всей новой «терминологией» или, если угодно, жаргоном. Низу пружины, то есть *жгуту* и *кольцам*, будет соответствовать *животное* и *гендерное «я»*, а также «я» *слуги/хозяина*, «я» *творца* и «я» *обладателя*. Условный водораздел между низом и верхом будет проходить через *семейное «я»*. Иными словами, для обретения человеческого подобия нужна, как минимум, любовь и ответственность по отношению к другим живым существам.

вам.

Верх — *нить* и *витки* — охватывает собой *социальное* и *созерцательное «я»*, в некоторых случаях дотягиваясь до Божественной высоты.....

Если «скрестить» всё это ещё и с предлагаемой читателю космологией, во многом совпадающей с воззрениями Даниила Андреева, то грубоматериальные и инфрафизические миры будут соотноситься по большей части или исключительно со *жгутом* и *кольцами* и находящимися в их ареале «я», от «я» *животного* до «я» *обладателя*; миры восхождения — с *нитьями* и *витками*, а также сопутствующими им более высокими «складками» самости. Религии правой руки по сути задействуют *нить* (высокие идеи, принципы и особую ментальность) и частично *жгут* (волевое усилие, дисциплину) для контроля грубых страстей и сопротивления инертности, исходящих от *колец*. Предполагается, что благодаря этой практике создаются необходимые духовные условия для *витков*, т.е. более возвышенных эмоций, которые даруются как бы в награду за претерпевание не совсем естественной, регламентированной жизни, лишённой *чувства потока* (об этом несколько позже).

Однако, всё это по-прежнему не объясняет разделение религий на правую и левую руку. Здесь приходит на выручку достаточно классическая схема «тонкой анатомии» человека, используемая в индуистских эзотерических школах, скажем, в той же тантре, как «правшами», так и «левшами»:

Жгут и *нить* соответствуют в этой схеме «пингала-нади» или правому энергетическому каналу, а *кольца* и *витки* — левому «ида-нади», двумя спиралями поднимающимся от промежности до лба. Что касается всего спектра «я», от *животного* до *Божественного*, так или иначе они будут ассоциированы с «чакрами», энергетическими центрами, вдоль оси «сушумна-нади» или центрального канала — инструмента срединного пути или *Пути*. Напомню, именно *Путь* является эталоном или точкой отсчёта для *благоприятного* восхождения *солнца* и *луны* и их допустимых отклонений вправо и влево.

Важный момент: хотя формально религии правой руки акцентируются на *нити* и *жгуте* правого пингала-нади, без *витков* левого ида-нади, проще говоря — любви, духовное восхождение будет дисгармоничным, а значит, в лучшем случае, ограниченным, в худшем же — чреватым «схлопыванием» наискось вниз, как это описывалось ранее, в сторону грубых страстей и косности *колец*. Иными словами, путь правой руки — правый лишь до определённой точки, после которой должна произойти «отцентровка» и гармонизация с

левой рукой. На мифологическом языке, слишком большой уход «вправо», т.е. к *солнцу*, и то, чем всё это может венчаться, отражено в истории об Икаре. Воск, скрепляющий его крылья, читай *отпечатки витков*, не смог выдержать палящих лучей, и упавшего и разбившегося Икара, в конечном итоге, поглощает море, читай *кольца* — морская вода вполне может символизировать грубый аспект женственности. По крайней мере, лично мне это видится так.

В продолжение о *кольцах* и их спутнике *жгуте*, в инфрафизических мирах, которые, к сожалению, нужно также принимать во внимание, они ещё более огрубевают и деформируются. Практически, это выражается как властолюбие, холодный интеллектуализм, безжалостность, вероломство, садизм, цинизм, алчность, глумливость, чрезмерная похотливость и половая извращённость в самом широком смысле. В демоническом мире рост происходит как бы наоборот — по перевёрнутым «анти-гармониям», что в т.ч. усугубляет означенные качества. Если их кто-то в себе подмечает, по отдельности или вкуче, то должен отдавать себе отчёт в том, с какими планами бытия он, вероятно, находится в тесных сношениях.

Взаимодействие между *солнцем* и *луной* вне зависимости от их грубости или тонкости стоит ещё рассмотреть с точки зрения «питательности». Скажем, у Даниила Андреева есть такой термин как «гаввах», т.е. излучение страдания — по сути, это *лунная* «пища» садистического *жгута*. «Шаввой», излучением подобострастия, будет трапезничать властолюбивый *жгут*. И так далее. По большому счёту, *луна* подпитывается от *солнца* его огненностью, возможностью благодаря ему реализоваться, ощущением безопасности, чувством восхищения перед *солнечной* силой и мастерством, на

более высоком уровне — благородством. Для *солнца* — это, в первую очередь, наслаждение *лунной* красотой, умерение своей несколько мучительной огненности, ощущение большей весомости или вещественности. Таким образом, один из главных признаков дисгармоничности отношений между «светилами» — однобокость питания или питание одного за счёт «голодания» или «истощения» другого.

Для полноты моей космологии или космологии, *какая она есть*, осталась вставить ещё несколько мозаик. Одна из них — «серая зона» между Богом и дьяволом, т.е. отсутствие чёткого «да, да» и «нет, нет» по экзистенциальным вопросам. Об этом уже вскользь упоминалось с обещанием более детального рассмотрения и привлечения ко всему этому Юнга.

Жить в «серой зоне», помимо прочего — это не вполне осознавать содержимое собственной души, не проживать и не достигать того, что надлежит по высшей логике развития самости (индивидуации по Юнгу), более того, всячески этому противиться — подавлять и вытеснять то, что не должно подавляться и вытесняться, рационализировать или оправдывать вещи, которые оправданию не подлежат. Сократу, к примеру, приписывают следующие слова: «Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы её проживать». В самости ключевую роль в этом отношении играет *созерцательное «я»*, которому надлежит размышлять, взвешивать, сопоставлять, учиться принимать в расчёт множество факторов, в т.ч. конфликтующих, выстраивать причинно-следственные цепочки, склоняться к единственно верным решениям и

поступкам в тех или иных ситуациях, в конечном итоге, говорить чему-то «да, да» или «нет, нет» исходя не из сиюминутности, не под влиянием, скажем, *животного «я»* или *гендерного «я»*, или *«я обладателя»*, а каких-то более высоких соображений, здравости, мудрости. Здесь происходит выстраивание и определённого ментального отношения к содержимому своего внутреннего мира — чему давать зелёный свет, что цензурировать, а что игнорировать, т.е. моментально «отдёргивать» внимание. К вниманию, как было обещано, ещё вернусь.

Итак, по логике развития самости — с точки зрения Того, кто направляет этим развитием и является его целью — «серые зоны» должны максимально высветляться на основе предельной честности, в первую очередь, перед собой, и какого-то здравомыслия. Скажем, весь Коран усеян призывами к «обладателям разума», не в ущерб, конечно же, сокровенному сердцу; этому вторит и евангельское «Будьте чисты, как голуби, и мудры, как змеи». Гармония ума и сердца, *нитей* и *витков*, не единожды уже упомянутая.

Возвращаясь к Юнгу, он предложил следующую рабочую формулу: всё то, что не осознаётся и не проживается *внутри*, становится *внешней* судьбой. У этой формулы могут быть самые широкие применения, но сконцентрируюсь только на одном: тот, кто внутренне отказался от высокой участи, т.е. развития своих более высоких «я», становится намного более манипулируем или зависим от внешних обстоятельств. К слову, сказка о трёх поросятах, где постройки из соломы и дерева оказываются слишком хлипкими, и спасение возможно только в каменном доме — именно об этом. Спектр этих внешних обстоятельств широк: от «шпыняния» на работе до попадания под влияние деструктивных идеологий. Если более стихотворно, не прожитые, не

интегрированные в самую более высокие «я», будут болтаться подобно хлястикам:

...И снова про ниточки, хлястики, хвостики,
Которые выпрастываются
Даже сквозь кожу, сквозь майки, сквозь шубы
И превращаются в заправские джойстики
Судьбы. Об этом чуть позже.

Мысль, не доведённая до конца,
Превращается в хлястик.
Эмоцию, не пережитую до рубца
На сердце, ищите в соннике
Как какого-нибудь прохвоста.
Я видел одного, скалящего зубы
На подоконнике.

И вот ты идёшь, а из тебя сочится
Не додуманное, не пережитое,
И ты путаешься в хлястиках,
Спотыкаешься такой потешный,
И, вдруг, тебя за них хватают грубо
И волочат. Тебе — остаётся волочиться.

(Может схватить и Бог
За хóхол лживый, грешный)

Или, чудом от всех увернувшись,
Ты прибегаешь к ослику Иа-Иа и говоришь,
Мол, возьми себе мои хлястики,
Забери себе все мои хвостики.
И осёл, вероятно, согласится,
Но судьба мягко скажет: «Шиш».
Ибо всё надо разруливать самому.

К «хлястикам» также относятся вытесненные из сознания какие-то нелюбимые вещи о самом себе, т.е. непризнанные и непроработанные слабости и пороки, скажем, зависть, жадность и т.д. Всё это вкупе с «абортированными» более высокими «я» формирует то, что в юнгианской психологии именуется «тенью» (тень может быть и положительной, но это больше относится к тем, кто выбрал путь анти-гармоний). Сама по себе тень не несёт очень большого зла — главная её опасность в том, что она открывает окошки в inferнальные миры. По Юнгу, к примеру, нацисты смогли прийти к власти в Германии во многом потому, что индивидуальные тени немцев сложились в коллективную, тем самым создав благодатную почву для сверхчеловеческого, демонического зла...

Если исходить из принципа «что наверху, то и внизу», если рассматривать человека как микрокосм, созданный по образу и подобию некоего макрокосма, в индуистской традиции ему будет соответствовать *Вират* или *Вишну* — по Даниилу Андрееву, вероятно, одна из величайших богорождённых монад. Как в человеческом теле заключены органы, в т.ч. больные, с проходящими в них дегенеративными процессами, равно как и продукты жизнедеятельности и распада, так и в Его космическом теле пребывает всё сущее, т.е. все миры от демонических до Божественных, все виды взаимоотношений *солнца* и *луны*, вся ось «я», а также *Путь*, но в космических масштабах.

Вишну или Великий Йог, в свою очередь, является не верховным существом, а во многом инструментом выра-

жения извечного тандема Саада Шивы и Ади Шакти, Бога Отца и Богини Матери. Он как бы является Отцом, т.е. в Нём более всего выражен извечный отцовский принцип, но над Ним всё ещё довлеет, или рядом с Ним «соседствует», высший Абсолют. Что касается извечного Святого Тандема, переходящего в Святую Троицу, Андреев пишет об этом так:

...Я подхожу к решающему тезису. И всё же, сколь бы ни был он важен, я едва смею сказать о нём несколько слов.

Почти 2000 лет существует догмат христианского учения, которого сейчас придётся коснуться. Подвергались сомнению самые различные догматы Символа веры, из различных их пониманий возникали расколы, секты, ереси; даже ничтожнейшие обрядовые различия перерастали порой в настоящую пропасть, отделявшую схизматиков от господствующей церкви. Но за все девятнадцать веков никогда, кажется, не появлялось разногласий о том, что считалось основой основ: о трёх ипостасях Пресвятой Троицы — Боге-Отце, Боге-Сыне, Боге-Святом Духе.

Подвергать историческому или психологическому разбору факт возникновения в христианской церкви именно такого понимания Троичности мне не хотелось бы. Ни необходимых материалов, ни нужной для этого эрудиции у меня нет. И даже если бы я обладал тем и другим, мне страшно было бы коснуться ланцетом рассудочного анализа таинственнейших духовных глубин, где возникала и определялась в первые века после Христа эта идея.

Позволю себе только напомнить одну страницу евангельской истории, которая указывает, как мне кажется, не в сторону такого понимания тайны Троичности, а в иную. Каноническими евангелиями (от Матфея и от Луки) утверждается ясно и отчётливо зачатие Младенца Иисуса Девой Марией от Святого Духа. Таким образом, можно заключить, что не Бог-Отец был Отцом Христа как человека, но Святой Дух. Однако как же это? Предвечное рождение Бога-Сына от Бога-Отца могло ли иначе выразиться мистериально в историческом, человеческом мире, как только рождением человека Иисуса от сил Той же ипостаси? — Но нет, евангельский рассказ совершенно отчётлив. Неотчётливо другое: понимание третьей ипостаси церковью христианской. За всю историю церкви догмат о третьей ипостаси так и не был разработан. Даже поражает контраст между подробнейшей — может быть, даже слишком подробной — разработкой учения о Боге-Сыне — и почти пустым местом, каким являются догматические формулы о Святом Духе. Но ничего странного, в сущности, тут нет. Не случайно христианская религия сама именовала себя именно христианской: кроме указания на её происхождение от Христа, в этом наименовании заключено было отражение того факта, что эта религия есть откровение Бога-Сына по преимуществу, то есть не столько религия Троицы, сколько именно Сына. Отсюда и эта чрезмерно туманная обобщённость, неясность, отсутствие полноты, а иногда и противоречивость в догматах, касающихся других ипостасей.

Ведь кем может быть Сам Бог-Отец, как не Духом? Только Духом. И притом именно Святым, в отличие от всех других духов, им сотворённых, ибо каждая из

богосотворённых и даже богорождённых монад может совершить — и многие совершили — отрицательный выбор, богоотступничество; Отец же — совершенно очевидно — не может отпасть от Самого Себя. Он первичен, неизменяем, незамутним и неомрачим, и именуется Святым именно в этом смысле. Какое же положительное содержание можно вложить в отвлечение от Бога-Отца двух Ему изначально присущих свойств — Его духовности и Его святости? Где основания для того, чтобы этому отвлечению придавать совершенно автономное значение в качестве третьего лица Троицы? Вообще, почему, на каких словах Христа, на каком свидетельстве четырёх евангелий можно основать учение о том, что Бог-Отец есть одна ипостась Троицы, а Святой Дух — другая? В евангелиях на это указаний нет. Слова Иисуса, приводимые в качестве обоснования, это Его известное пророчество: «Пошлю вам духа утешителя, он же наставит вас на всякую истину». Из различного толкования именно этих слов возник даже великий раскол, что рассёк единое тело христианской церкви на восточную и западную половины; но при этом оба толкования исходили из общего постулата: из неоспоренного почему-то никем положения, будто здесь Иисус подразумевает под духом-утешителем именно Третью ипостась. Но ведь в этих словах нет и тени указания на то, что утешитель, которого пошлёт Воскресший Спаситель, есть Третья ипостась и вообще ипостась. Нет здесь указания и на то, что под выражениями «Дух утешитель» и «Бог Святой Дух» следует понимать одно и то же. Разве не естественнее и не последовательнее, не понятнее со всех точек зрения совсем другое решение: именно, решение в том смысле, что Бог Святой Дух именно и есть

Бог-Отец, ибо Бог-Отец не может быть кем-либо иным, как Святым и Духом.

Опять-таки, я касаюсь здесь таких корней великого учения, противопоставляю одинокий голос такому могучему, необозримому хору, звучащему столько веков, что не может быть сомнения в характере отзывов на него, даже если он будет кем-либо услышан. Я даже понимаю, что в глазах некоторых окажусь повинен в великом духовном преступлении и мне будет приписан единственный непрощаемый (по Евангелию) грех: хула на Святого Духа. Заявляю торжественно: поклоняюсь Святому Духу, чту Его и молюсь Ему с таким же благоговением, как другие христиане; и не могу видеть не только хулы на Него, но ни малейшего принижения Его образа в той идее, что Он есть Бог-Отец и что Бог-Отец есть Бог Святой Дух, что это — два именованья одного и того же — Первого — Лица Пресвятой Троицы.

И подчеркиваю, что высказываю здесь своё личное мнение, ни на что не претендующее. Правда, мнение это представляется мне выводом, к которому со временем должны будут прийти многие и многие. Подтверждено оно было и той высшей инстанцией, которая остаётся для меня единственным решающим авторитетом. Но я считаю, что никто не уполномочен настаивать на единственной и абсолютной правильности этой идеи, на её догматической обязательности. Законной, общепонятной инстанцией, полномочной разрешить такой вопрос, мог бы быть Восьмой Вселенский собор, где представители всех ныне существующих христианских вероисповеданий и Роза Мира подвергли бы обсуждению этот тезис, равно как и тезис об абсолютной истинности и неотменимости постановлений вселенских

соборов вообще, и, быть может, пересмотрели бы некоторые пункты ортодоксальной догматики. Пока же этого не свершилось, никто в Розе Мира не может утверждать полную ошибочность старого догмата: можно только верить так, как подсказывает совесть и собственный духовный опыт, и работать для воссоединения церквей, для разрешения всех недоумений.

Однако высказанная здесь идея открывает путь к решению другой, не менее кардинальной проблемы.

Известно, что от гностиков до христианских мыслителей начала XX века в христианстве жило смутное, но горячее, настойчивое чувство Мирового Женственного Начала — чувство, что Начало это есть не иллюзия, не перенесение человеческих категорий на план космический, но высшая духовная реальность. Церковь намеревалась, очевидно, дать выход этому чувству, освятив своим авторитетом культ Богоматери на Востоке, культ Мадонны — на Западе. Действительно, перед благоговейным почитанием Материнского Начала — почитанием, иррационально врождённым народной массой, — возник конкретный образ, к которому оно и устремилось. Но то мистическое чувство, о котором я говорю, — чувство Вечной Женственности как начала космического, божественного, — осталось неудовлетворённым. Ранняя и непререкаемая догматизация учения об ипостасях поставила носителей этого чувства в своеобразное положение: дабы не отпасть в ересь, они принуждены были обходить коренной вопрос, не договаривать до конца, иногда отождествлять Мировую Женственность со Вселенской Церковью или же, наконец, совершать отвлечение одного из атрибутов Божества — Его Премудрости — и персонифицировать

это отвлечение, наименовав его Святой Софией. Высшие церковные инстанции избегали высказываться по этому вопросу сколько-нибудь определённо, и это не может быть поставлено им в вину, ибо идея Мировой Женственности не может не перерасти в идею Женственного аспекта Божества, а это, естественно, грозит ломкой догматизированных представлений о лицах Пресвятой Троицы...

...Я встречал немало людей, в культурном и умственном отношении весьма утончённых и обладающих несомненным духовным опытом и, однако же, удивлявшихся и даже оскорблявшихся самым принципом: переносом, как им казалось, различий пола и вообще человеческих категорий на миры высочайшей реальности и даже в тайну Самого Божества. Им это представлялось следствием древней склонности к антропоморфизации духовных сфер нашим ограниченным человеческим сознанием. Из весьма схожих (психологически) источников вытекает, между прочим, протест строгого магометанского монотеизма против идеи Троичности и против культа Богоматери. И потому же с такой нетерпимостью отталкиваются деизм и современный абстрактный космополитический монизм от представлений о Троице, от веры в иерархии и, конечно, от идеи Вечной Женственности. Повторяется, как это ни смешно, даже обвинение в многобожии, брошенное христианству Мухаммедом 1300 лет назад.

В основе подобных обвинений лежит либо слишком упрощённое понимание христианских идей, либо нежелание вникнуть в глубину вопроса. Ни в историческом христианстве, ни тем менее в данной концепции, никакого переноса человеческих категорий на Божество

нет, а есть нечто принципиально обратное. Единство Божие не подвергается, разумеется, ничьему сомнению: наивно было бы искать здесь возвращения ко временам Карфагена, Ура или Гелиополиса. Ипостаси — это различные выявления Единой Сущности вовне; это — то, как открывается Она миру, а не какую пребывает в Себе. Но выявления вовне столь же абсолютно реальны, как и пребывание в Себе; поэтому ипостаси не могут быть приняты ни в коем случае за иллюзии или за aberrации нашего сознания.

Выявляясь вовне, Единый проявляет некую присущую Ему внутреннюю полярность. Сущность этой полярности внутри Божества для нас трансцендентна. Но, выявляясь вовне, она воспринимается нами, как полярность двух друг к другу тяготеющих и друг без друга не пребывающих начал, извечно и присно соединяющихся в творческой любви и дающих начало третьему и завершающему: Сыну, Основе Вселенной, Логосу. Истекая во вселенную, божественность сохраняет эту присущую ей полярность; ею пронизана вся духовность и вся материальность вселенной. На различных ступенях бытия она выражается различно. В слое неорганической материи, который доступен всеобщему человеческому восприятию, её можно усмотреть, вероятно, в основе того, что мы именуем всеобщим законом тяготения, в полярности электричества и во многом другом. В органической же материи нашего слоя, здесь, эта полярность Божественного проявляется в противозначности мужского и женского начал. Повторяю и подчеркиваю: здесь, ибо лежащая в основе этой противозначности полярность Божества, сама в себе, в своей сути, не может быть понятна.

Вот почему Божественную Женственность мы именуем Матерью Логоса и через Него всей вселенной. Но извечный союз между Отцом и Матерью не изменяет Её предвечной сущности; именно поэтому мы именуем Матерь миров Приснодевою.

Таким образом, в учении о Троице и о Женственном аспекте Божества наличествует не перенесение «слишком человеческого» на сферы горние, а, напротив, понимание объективной полярности наших слоёв — мужского и женского начал — как проекции непостижимой для нас полярности в существе Бога. «Бог есть любовь», — сказал Иоанн. Будут сменяться века, потом эоны, наконец, брамфатуры и галактики; каждый из нас, рано или поздно, достигнет Плеромы — божественной Полноты и вступит в родимое Лоно уже не только как дитя, но и как брат Божий; наши нынешние представления о Божестве исчезнут из памяти, как бледные, отцветшие, ненужные больше тени; но и тогда истина о том, что Бог есть любовь, не утратит своей истинности. Бог любит не Себя (такое предположение было бы кощунственно), но Каждая из таящихся в Нём Непостижимостей обращена любовью на другую, и в этой любви рождается Третье: Основа Вселенной. Отец — Приснодева-Матерь — Сын.

Высочайшая из тайн, внутренняя тайна Божества, тайна любви Отца и Матери, отнюдь не «отражается» в человеческой любви, какой бы то ни было: ничто в мире конечном не может быть соизмеримо или подобно сущности этой тайны. Но и ничто в мире, за исключением того, что исходит от начал богоотступнических, не может быть сторонним по отношению к этой тайне. В человеческой любви вообще, то есть в

любви ко всему живому, выражается (а не отражается) существо Триединого — существо, которое есть любовь. В любви же мужчины и женщины выражается (а не отражается) внутренняя тайна союза Отца и Матери в той мере, в какой она нас достигает, будучи преломлённой множеством слоёв космического ряда. В этом и заключается коренное, онтологическое различие двух областей нашей духовной жизни, не имеющих между собой почти ничего общего, но на нашем нищем языке выражаемых одним и тем же словом...

Коль скоро в мироздании *солнце* является символом, проявлением и отражением Отца или извечного мужского принципа, *луна* — Мировой женственности или Великой Матери, то *Путь* во многом — это Сын, по крайней мере, в том, что касается благоприятности и смиренномудрия (стоит также учесть евангельский стих, что Отец весь суд отдал Сыну). По словам Шри Матаджи, именно благодаря тому, что творения пребывают в поле Сына, пронизывается Сыном (некоторые имеют полную свободу находиться и *вне* этого поля), Бог способен испытывать к ним отцовские или, если угодно, материнские чувства. В индуистской традиции Сыну соответствует *Ганеш*, в христианской — Христос. Наряду с Вишну Его можно считать ещё одной великой богорождённой монадой или планетарным Логосом по Андрееву. Однако, в отличие от Вишну-Отца, в Христе-Ганеше наиболее ярко проявлен сыновний принцип. Когда Христос говорит, что никто не приходит к Отцу иначе, как через Сына, то в этом нет никакого преувеличения — конечно, если при этом осознавать масштаб личности Христа, далеко превосходящий исторического Иисуса из Назарета, и видеть в Нём, в первую

очередь, *Путь*, гармонизирующий и облагораживающий *солнце* и *луну*, Дух, который дышит, где хочет, а не благоволит *исключительно* тем, кто причащается хлебом и вином:

Мне говорят, я — безнадёжный случай,
Пропал, погиб. Но брезжится картина:
Два тысячелетия назад распят безвинно
Спаситель мира на голгофской круче,
Чтобы воскреснуть {внутри нас}. И нет прохода
Иного к Богу, кроме как сквозь двери,
Что открываются лишь калёкою с Вечери,
И что ни сок, ни индуистский мо́дак,
Ни мусульманский финик, никакая фи́га
Не вознесётся фимиамом к Небу.
Так пристрастился, видимо, к вину и хлебу
Создатель мира, что сошёл на них клином.
И я представил, спекши слабый разум:
Существовала минус бесконечность Бога,
Но, зная, добравшись до церковного порога,
Она споткнулась об него и спрессовалась
В деноминацию... От этой мысли
Внутри меня всё сжалось келейно,
Я захотел укрыть Христа за пазухой своей, но
Он посмеялся в моих атомах, в своей Выси.

Как будто проговорено всё самое важное, что необходимо понимать о мироздании: о его Создателе; о его

самых базисных, онтологических компонентах и динамике отношений между ними; о движении творения к *Божественному «я»* в поле *Пути*; о возможных отклонениях от *Пути* и предпосылках для этого, а также подстерегающих на этом пути опасностях. Вероятно, для полноты картины ещё стоит сказать о реинкарнации или перевоплощении душ как одном из механизмов их... путешествия.

Согласно христианскому мировоззрению, задатки нерождённой ещё души и, по крайней мере, некоторые события в жизни уже рождённой, предопределяются Богом. Учитывая, что некоторые люди ещё с малых лет проявляют демонические качества, рождаются серьёзно больными, умственно отсталыми, попадают в жесточайшие условия и перипетии и т.д., в то время, как другие относительно благоденствуют, то если не благодать, то справедливость Бога христианам или, скажем, мусульманам, приходится несколько вымучивать из себя. Некоторые умы это несоответствие между заявленным о Боге и трагичной действительностью ввергает в цинизм и безверие — не самые лучшие спутники религиозности — в то время, как реинкарнация и тесно связанное с ней понятие кармы как бы несколько отодвигают Бога на второй план, выводя на передний личную ответственность самости. Для Артура Шопенгауэра, к примеру, восточная духовность и идея реинкарнации и кармы в частности стали огромным утешением и примирило его если не с христианским Богом, то с Богом, *каков Он есть*. Хотя стоит признать, что и в реинкарнации с человеческой колокольни тоже не всё «слава Богу». Об этом нижеследующее эссе:

Понятие реинкарнации и тесно связанной с ней кармы

— лес довольно тёмный с точки зрения реинкарнируемого. Или -щегося. Да, некая совокупность душевных наклонностей и качеств, интеллектуальных задатков, а также предрасположенности к тем или иным телесным характеристикам и иным жизненным обстоятельствам кочует из воплощения в воплощение, опять-таки, меняясь, трансформируясь по ходу дела, кармические узлы завязываются, кармические узлы развязываются. Ваша станция Площадь революции. А ваша — Лубянка, на выход с вещами. Но все эти процессы зачастую настолько неочевидны сознанию, что извлечение сознательных, мало того, правильных уроков (польза бессознательных, а тем паче неправильных представляется слишком эфемерной) есть во многом результат счастливого стечения обстоятельств, а не какой-то выверенной учебно-методологической схемы. Это больше похоже на то, как слепого щенка бросают в море и ожидают, что он превратится в дельфина. На худой конец, в водолаза.

Если говорить, к примеру, о кармическом наказании, то всё, что имеет какую-никакую нервную систему, от примитивной до самой развитой, страдает просто по факту жизни: от холода или жары, голода или превращения в чей-то обед, болезней, увечий и ранений от несчастных случаев и стихийных бедствий, родов (пока относится только к женщинам), смерти, своей или близких. Те, кто обладает каким-никаким сочувствием, с большей или меньшей интенсивностью страдают страданиями других, которые им кармически как бы и не предназначены. Как отделить все эти страдания, достающиеся большинству живых существ «по умолчанию», от кармических? И при помощи какого

внутреннего стержня всё это претерпеть?

Более того, наказание не всегда означает страдание как таковое. Говорят, человек за свои проступки, читай смертные грехи, в прошлой жизни, в следующей может родиться слабоумным. Или какой-нибудь собакой динго (Атавизм. Ааа). Выходит, вроде как наказание. Но что именно в этом старом-новом существе ощутит униженность его положения и/или повернёт его слабо мерцающий ум в нужное русло, особенно если этот ум — собачий? Не случайно здесь подчёркивается сознательность, поскольку кармические последствия, по идее, есть результат сознательного свободного выбора. В противном случае, получается полная бессмыслица, вернее, Божественный произвол.

Далее. Допустим, с кем-то происходит нечто вопиющее, т.е. страдание сверх обычной нормы. Не буду приводить конкретные примеры, их в этом мире переизбыток. Будет ли это непременно означать, что страдалец что-то подобное причинил кому-то когда-то в одном из своих предыдущих воплощений? Следуя этой логике, его жертва, в свою очередь, тоже вкусила это неспроста и т.д. Так мы доходим до перволюдей, т.е. людей, воплощённых на земле впервые, и всё равно получается, что кто-то когда с кем-то совершил нечто ужасное в первый раз, т.е. пострадала невинность. Если пострадала невинность когда-то давным-давно, почему бы ей не пострадать и недавно? Или прямо сейчас? Когда Серафима Саровского избивали разбойники — какую он «отработал» карму? В конце концов, Христа-то точно распяли не из-за каких-то кармических пут.

Короче говоря, отделение кармы от не-кармы, по

крайней мере, для обычного человеческого сознания, задача практически непосильная. И потом, даже если кто-то жестоко страдает из-за кармической предопределённости, т.е. как бы заслуженно, разве это повод лишить страдальца своего сочувствия, особенно, если первопричины страдания неочевидны? То, что в круговерти жизни может страдать невинность и особенно не бедствовать виноватость, я, смею полагать, проиллюстрировал.

Понять реинкарнацию, насколько это вообще возможно, никак нельзя без учёта ещё одного «маленького» обстоятельства — Бога. Если Он созерцает слабоумие тех, кто в прошлой жизни надругался над своей и, возможно, чужой божественностью, Ему этого может быть более, чем достаточно. В Коране говорится, что Бог лишает грешников разума — если угодно, это Его способ выразить им своё презрение.

Иного рационального объяснения, почему в наказание могут рождаться слабоумными или деградировать до животных, у меня лично нет. По Рембó, только Бог имеет удовольствие видеть справедливость в этом мире. Пожалуй, Рембó был прав.

Почему Бог позволяет невинности страдать не смотря на своё всемогущество? Если кардинально сменить ракурс (как это делает Виктор Франкл в своей *Сказать жизни «Да»*) и посмотреть на всё это глазами не-я, то эти, страдания, в первую очередь, происходят в «теле» Бога как своего рода нервные импульсы, особенно, если попирается невинность. Иными словами, Он воспринимает это страдание, в первую очередь, на свой собственный счёт, как тот, у кого болит палец или,

скажем, сердце. Клеточкам в Его теле, принимающим на себя основной удар, от этого, конечно, не легче, хотя... и не бесконечно тяжело, если они пребывают в поле Его любви. Отринутые от Его Лица, а значит и лишенные Его любящего внимания, в каком-то смысле выкидываются и из Его «нервной системы». При этом, одни отринутые могут находиться в относительной безопасности (до поры до времени), а другие — обдываться всеми сквозняками. Т.е. карму можно ещё рассматривать как следствие «равнодушия» Бога, что добавляет к и так непростой картине дополнительное веское измерение.

При всех вопросах к довольно асимметричной карме и причудливой реинкарнации, если всё же предположить, что люди рождаются единожды и каждый человек с его жизненной траекторией вылепливается непосредственно Богом, то к Нему возникает ещё больше претензий о несправедливости устройства жизни. Почему, к примеру, одни рождаются слабоумными и тем самым ограждаются если не от жизненных трудностей, то от искушений, и как бы «автоматом» наследуют Царство небесное, а кто-то вынужден проходить через горнило страстей и испытаний и далеко не всегда выходит победителем на другом его конце? Почему одних судьба «обносит», а других — нет? Можно, конечно, всё списать на резиновый «Промысел Божий», отогнать от себя неудобные мысли. Но уважает ли Бог тех, кто вытесняет из своего сознания подобные и иные мысли лишь из страха Ему не угодить и не попасть в рай? Друзей Иова, к примеру, которые пытались из самых благочестивых соображений сдержать лавину его причитаний и вопросов, Бог что-то не особенно погладил по голове, а Иову открылся и утешил его. Блаженны

плачущие.

Напоследок, о кармических уроках. По крайней мере, можно быть уверенными в том, что Бог не ожидает от человека — не от каждого точно — умения исчислять интегралы или разбираться в тонкостях чайной церемонии. Или знать пять иностранных языков. Богатство, накопленный в сотах души мёд (по Экзюпери) выражается в ином — в смиренномудрии, искренности, открытости ума, усердии, мастеровитости, щедрости, сочувствии, сорадовании, деликатности (иногда яростности и жёсткости), в общем, в антиподах смертных грехов. Именно такой душе Бог может сказать: «Ты больше не раба». Такую душу Бог коронует. А голые или полуголые короли вынуждены вращаться в колесе перерождений. Или вертеться. До каких пор? Ну да, до Апокалипсиса и его обратной стороны — Сатья-юги, Века Истины. Христианство и индуизм нежно поцеловались.

И самый-самый постскрипtum:

Пока в самолёте стюард,
Разложивши товар на тележке,
Монотонно, монотонно его хвалит,

Бог христиан
Каждую душу дует,
Каждый парусник правит
Так, что кто-то стонет потом под тонной
Жести, а в ком-то сваи, ставни
Противятся вётрам свирепым,
А дети, блаженные, все, кто без шлака,
Входят не с улицы в рай — со двора,

Мимо упёртого рогом Петра,
Козерога по знаку зодиака.

Пока пассажиры (я, лично —
Нет) внимают стюарда речи,
Прищуриваясь, принюхиваясь,
Бог, как Он есть,
Людей скармливает карме,
Хотя тоже, блин, асимметричной.

Мозаика собрана.

Религиоведение

«Глубинное ядро одной религии ближе к глубинному ядру другой религии, чем к собственной поверхности»

Григорий Померанц

Нет, я не собираюсь здесь описывать положения и догматы тех или иных религиозных учений — это уже сделано другими, при чём много лучше, чем я когда-либо смогу сделать сам. Если что-то где-то и упомянется, то случайно, мимоходом, что, собственно, уже не раз имело место быть в предыдущей главе. Скорее, мне бы хотелось привести свидетельства «правомочности» *разных* религий, нежели какой-то одной, единственно верной, ортодоксальной и богоугодной, предложить свой взгляд на причины религиозного многоцветья на земном шаре, а также поразмышлять об истоках массовой разочарованности в традиционных религиях, свойственной, по крайней мере, западному его полушарию. В заключении, коснусь вопроса создания интеррелигии и приведу обширную цитату из *Почему мы не можем быть хорошими?* Джейкоба Нидлмана, которая, как мне видится,

будет очень уместной в связи с затрагиваемой здесь проблематикой, а также удобным мостиком в последующую главу.

До свободного и массового распространения информации, научно-технического прогресса, изощрённых психологических экспериментов, масштабных социологических исследований, по большому счёту — до проверки огнём жизни, религии могли себе позволить некоторый эгоцентризм и буквальную трактовку своих священных текстов. Сейчас этот эгоцентризм невозможно сохранить без того, чтобы не увязнуть в фундаментализме, ареале *жгута* и *колец* на моём жаргоне, что для учений, призванных выводить своих последователей к *нити* и *витками*, т.е. высоким осознаниям и эмоциям, как бы идёт вразрез с основной их задачей. Примеры? Скажем, немалое количество иудеев и христиан придерживается буквального библейского летосчисления, согласно которому вселенной — примерно 7000 лет. Радиоуглеродное датирование при этом ставится под сомнение либо полностью игнорируется, а палеонтологические находки, включая скелеты динозавров, некоторыми верующими воспринимаются ничем иным, как... Божественным испытанием их веры. Есть немало убеждённых и в том, что Земля — плоский диск, и какое-то их количество в т.ч. отталкивается от соответствующего описания Земли в священном тексте. И так далее. Более развёрнуто обо всём этом размышляю ниже:

Практически в каждой традиционной религии, в которой

вектор движения направлен вверх, есть понятие святости или просветлённости. Везде есть мученики за веру и какие-то аскетические подвиги, иными словами — проявления героизма. Везде есть свои чудотворцы. К слову, не всегда просветлённость коррелирует с суровым аскетизмом и умением творить чудеса. И наоборот: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею...».

Фундаменталистами все эти проявления в других традициях либо игнорируются, либо нивелируются теми или иными аргументами, в которых непредвзятый человек легко почует некоторую высосанность из пальца. К примеру, христианский фундаменталист никогда не признает мусульманского или сикхистского святого. Скажет, мол, ну да, возможно такой-то или такой-то был неплохим малым, но Христа не признавал за Сына, а следовательно Отца знать не мог. Формальная логика здесь легко замуровывает «Дух дышит, где хочет».

В то же время, во всех этих традициях есть прямые указания на то, какими должны быть в идеале их адепты. Именно проявляемые ими душевные и моральные качества, а не сумма верований, должны быть главным доказательством действенности традиции. «По плодам их узнаете их».

И тогда краеугольный вопрос: есть ли какие-то исследования, которые бы неопровержимо поставили какую-то традицию на самый высокий пьедестал по сравнению с другими с точки зрения количества и качества святых, порождённых её лоном? Скажем, был ли Серафим Саровский святее Кабира? Если да — почему? Каким свято́метром это измерено, кроме каких-

то субъективных реакций людей, кроме твердолобости и жестоковейности тех или иных апологетов? Дело в том, что примеры святости за пределами собственной традиции для фундаменталистов смерти подобны — смерти тех ментальных конструкций, которые они создали и в которые вложились всем своим существом, нередко из благих намерений. Но: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Сейчас для традиционных религий и вообще для всех достаточно вменяемых людей вся эта западная вакханалия с туевой кучей полов и прочие эксцессы позволяет ощутить себя на «правильной стороне» истории. Но когда все те, кто оказался на правильной стороне, получают возможность получше присмотреться друг к другу, разделение на правых и неправых, избранных и проклятых, правоверных и кяфиров, словом, своих и чужих, будет неизбежным. Вернее сказать, всё это разделение уже существует, оно просто отошло на задний план благодаря общему врагу. И что тогда? Что позволит уживаться всей этой пёстрой компании? Вероятно, всё окажется примерно так: «Тесно было порознь, пусто было вместе».

А воля Бога, живого Бога или Абсолюта, в которого все эти традиции верят, как она должна проявиться, при том без дешёвых голливудских спецэффектов типа воскрешения мёртвых? С моей «колокольни» — в веянии тихого ветра. Я не шучу. И это не метафора: «... после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра [и там Господь]». Ищите тихий ветер, возможно, он уже веет. У многих точно над головой.

И немного Джалаладдина Руми «на десерт»:

Ни христианин, ни еврей, ни мусульманин,
Ни буддист, ни суфий, ни дзэн

Не принадлежу ни одной культуре,
Ни Востоку, ни Западу, ни океану, ни небу

Ни земле, ни природе, ни сверхъестественному,
Не состою из элементов, не существую

Ни в этом мире, ни в каком другом,
Не рождён Адамом и Евой, без родословной

Мое место — нигде, мой путь — без следа,
Без тела, без души

Но есть Возлюбленный, Он и я
Слились воедино, в один мир —

Первый и последний, внешний и внутренний,
в одно дыхание, в одного человека...

Помимо наличия в традиции святых и просветлённых, существует ещё, как минимум, два признака того, что она осенена *Путём* или, на христианский манер, Спасом: практика экзорцизма, свойственная многим религиям (по крайней мере, откровенно демонические течения изгнанием своих же «патронов» заниматься не станут), но что важнее — свидетельства переживших клиническую смерть и повстречавших на «том свете» фигур из *собственного* символического поля и пантеона. Исхожу здесь из того, что в потустороннем мире «единственно правильный» духовный путь мог бы себя явить во всей своей славе и наставить «заблудших» на путь истинный. Однако нет — как правило, христиане в

своих околосмертных переживаниях видят Христа, мусульмане — описанных в Коране ангелов смерти или иных знакомых им фигур, индусы — бога Ямраджа и т.д. Есть ещё один немаловажный момент: духовные опыты возможны *вне контекста* определённых религий или в «межмембранном» религиозном пространстве, как это произошло с тем же Даниилом Андреевым. Более подробно об этом в последующих главах.

Если по мере сил и понимания я к этому моменту продемонстрировал, что могут существовать, по крайней мере, несколько маршрутов на одну и ту же вершину — коль скоро *солнце* и *луна* достигают более высоких гармоний в поле *Пути* — то на вопрос, почему нет какого-то единого маршрута во избежание путаницы, споров и конфликтов, в т.ч. межрелигиозных, отвечаю следующим образом:

...На протяжении истории в мир приходили индивиды, которые представляли или, в более редких случаях, персонифицировали, воплощали собой *Путь*, как это было, к примеру, с Иисусом из Назарета, воплощавшем ипостась Сына. Царь Двараки Кришна несколькими тысячелетиями до него был воплощением ипостаси Отца. На санскрите подобные воплощения ипостасей или аспектов Бога именуются «аватарами». Более «рядовыми» представителями *Пути* были Лао Цзы, Пророк Мухаммед, Гуру Нанак, Сократ и некоторые другие сиятельные особы, зачастую стоявшие у истоков того или иного религиозного либо философского тече-

ния.

В чём призвание религиозной или духовной практики в самом широком смысле? Сперва-наперво, она должна стабилизировать нижние регионы самости, в частности, *гендерное «я»* и *«я» слуги*, что создаёт предпосылки для дальнейшего утончения *солнца* и *луны* в более высоких гармониях. Безусловно, она также должна быть *действенной*, т.е. приносить хотя бы какие-то промежуточные плоды. Скажем, мусульмане должны достичь большего умиротворения (приветствие «салам», т.е. мир, обязано подкрепляться, согласно Корану, внутренним содержанием); христиане — невинности, мудрости и любви («Будьте мудры, как змеи, и невинны, как голуби», «Все узнают, что вы Мои ученики, если вы будете любить друг друга!»); буддисты — бесстрастности ума с одной стороны и сострадательности с другой. Что касается конечной цели, соискателям обещано узреть лик Аллаха, родиться заново от Духа и достигнуть Нирваны соответственно, т.е. осуществиться в *Божественном «я»*. Всё это, конечно же, не может обойтись без тонкой работы Любви (Мировой Женственности), оживляющей, вдохновляющей и делающей возможным это осуществление, во многом посредством *витков*.

Что может пойти не так? Поклонение или следование фигуре, не представляющей *Путь*, наносит тяжёлый удар по нижним регионам самости, в долгосрочной перспективе внося нестабильность и в надстройки более высоких «я». С религиями правой руки, в идеале, это не должно вызывать особого беспокойства, если только речь не идёт о каких-то тупиковых их направлениях, сектах, создающих, образно говоря, что-то вроде водоворотов и заболоченностей по окраинам основного

течения реки.

Сильное влияние *жгута* и *колец*, т.е. низкого мышления и страстей, на *созерцательное «я»*, может стать ещё одной серьезной препоной, чреватой, главным образом, ритуализацией в ущерб высоким идеям, чувствам и наитиям *нити* и *витков*, а также эксплуатацией религии в каких-то низменных целях. Неправильное, искажённое представление о Боге или высшем начале создаёт здесь особенно зыбкую почву. К слову, Юнг пришёл к выводу, что большая часть неврозов проистекает именно из-за этого. Примером здесь может послужить жёсткий религиозный детерминизм, то есть идея о Боге, контролирующем буквально каждый мышинный писк, каждое рождение и смерть, в общем, всех и вся во вселенной, в отличие от Бога несколько отстранённого, предоставившего созданиям свободу действий, естественно, в известных рамках. Можно дать ещё один пример. Из реки индуизма вышел некто, известный миру как Сатья Саи Баба. О нём впоследствии был снят документальный фильм *Секретный свами (The Secret Swami)*, в котором семья бывших его последователей обвиняет его в совершении сексуальных действий с их сыном. Речь сейчас даже не в том, насколько справедливы эти обвинения. Когда одному из основателей Hard Rock Cafe Исааку Тайгрету, последователю Сатъя Саи Бабы, задали вопрос, изменилось ли бы что-то в его отношении к гуру, окажись эти обвинения правдой, он сказал, что нет, мол, Богу позволено всё. Для людей, обладающих некоторой духовной чувствительностью, подобный образ Бога может вызвать только оторопь.

Даже в том случае, когда представители и теоретическая сторона религии соотносится с *Путём*, остается сторона

практическая, а именно непосредственное воплощение всех предписаний в духе смирения и терпения с одной стороны и бесстрашия с другой, вкупе с непрестанной рефлексией и сохранением интеллектуальной честности, обращённой, в первую очередь, вовнутрь. Это требует, помимо прочего, довольно тонкой, выверенной настройки *созерцательного «я»* наряду с нормальным функционированием и развитостью нервной системы.

С учётом всех необходимых «ингредиентов» для подлинной религиозной жизни, а также данной Богом свободы отклоняться и падать, немудрено, что практически все религиозные течения со временем выхолащивались, ритуализировались, всё менее совпадая с единственно возможным курсом достижения более высоких гармоний в берегах *Пути*. Иными словами, в лучшем случае это неизбежно приводило к ситуации *подавленной любви* (ситуация, когда *нити* оказываются в плену *жгута*, т.е. условная Елена Прекрасная в темнице Кощея), в худшем — к удовлетворению грубых страстей под вывеской религии.

Поскольку *подавленная любовь*, по сути, становится матерью всех остальных дисгармоний либо «грубостей» солнца и луны, свойственный ей менталитет заслуживает особого внимания. Ему будут характерны следующие черты: довольно ограниченное, некритичное и, зачастую, буквальное понимание всего того, что есть в соответствующем священном тексте; чувство превосходства над последователями других религий; довольно детерминистический взгляд на участие Бога во вселенной, в том числе, восприятие ударов судьбы скорее как испытание и часть Божественного плана, нежели результат собственных заблуждений; понимание

рая больше как чего-то потустороннего, неземного, *внешнего*, нежели *внутреннего* состояния сознания; прославление прошлого; высокомерный взгляд на женщин. Можно пока этим ограничиться.

С другой стороны, в ситуации с *подавленной любовью* различие между добром и злом или, скажем, понятие о божественном ли, кармическом воздаянии, какие-то тонкие движения души, главным образом, со стороны *витков*, всё же имеют место быть. Образно говоря, религии — это духовные карлики, если смотреть на них со всей строгостью заявленных ими самими высоких стандартов. Перекидывая здесь мостик к религиозному многоцветью, существование лишь одного карлика намного усложнило бы и без того затруднённое положение Любви в поиске лазеек для своих проявлений, поскольку «абсолютная власть развращает абсолютно». Иными словами, все перечисленные выше негативные особенности «карликового менталитета» усугубились бы ещё больше. Существование же нескольких карликов потенциально умеряет их гордыню и способствует развитию *нити*, читай более широких и глубоких взглядов, тем самым открывая новые возможности восхождения, новые гармонии. Вероятно, именно эту мысль передают следующие строки из Корана:

И Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвёл Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь. А если бы пожелал Аллах,

то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! К Аллаху — возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чём вы разногласили!

...Ещё одна вероятная причина религиозного многообразия помимо пресечения тирании единого карлика-монополиста — попытки *Пути*, собственно, выровнять ту или иную дисгармонию. Попробую показать это на примере буддизма.

Основоположник буддизма принц Гаутама вышел из-под сени индуизма, и многие из положений его учения можно рассматривать как реакции на возникшие к тому времени «болота», «водовороты» и прочие помехи для нормального течения Санатана дхармы (другое название индуизма). Одна из них — существующая и поныне жёсткая наследственная кастовая система во главе с браминами, жрецами и священнослужителями, претендующими на особую близость к Творцу. Сама эта система есть грубый слепок с логики *Пути*, согласно которой, действительно, выше всех стоят приблизившиеся к Богу. Здесь, правда, есть одно важное «но»: близость к Богу не зависит от социального происхождения, пола, расы или религиозной принадлежности, а определяется достижением высокой гармонии. Формализация близости к Богу, своего рода чувство собственности по отношению к Богу, означает увязывание в регионах «я» *обладателя*. Агностицизм, предложенный Буддой Гаутамой взамен, в т.ч. предполагал устранение этого ложного чувства, благодаря чему *нить*, т.е. более гибкое, широкое мышление, должна была соединиться с *витка-*

ми — метафорический или метафизический принц Рама освобождал принцессу Ситу. Возвращаясь к браминам, их спекуляции вокруг идеи вечной души или Атмана без реального её наполнения в *Божественном «я»*, скорее, подогревала их гордыню, исходившую, опять-таки, из *«я» обладателя*. Отсюда, по-видимому, и отрицание Атмана в учении Будды — это должно было выбить podporку у ложного чувства духовного самодовольства, подстерегающего на пути к Великой Пустоте.

Вместе с тем, в практической стороне буддистского учения сохранилось всё необходимое для достижения высоких гармоний, и хотя его метафизика, если можно так выразиться, «обезбожена», за Великой Пустотой угадывается Божественная полнота или плерома, за идеей непостоянства — постоянство как обратная сторона медали, т.е. глубинный покой, за бесстрастностью — тонкая эмоциональная жизнь. Кажется, не только в суфийской традиции (читатель ведь помнит про самый страшный грех «быть оскорблённым»?) на истину могут указывать несколько завуалированно...

Как быть с теми, кого религиозная жизнь по тем или иным причинам не вывела на более высокую гармонию? Здесь хотелось бы снова обратиться к Экзюпери:

Я принуждаю человека стать иным — более раскованным, просветлённым, благородным, усердным и цельным в своих устремлениях. Когда он становится таким, ему не нравится та личинка, какой он был. Он удивляется

свету в себе и, обрадованный, становится моим союзником и защитником моей суровости. Оправдание моей суровости — в действенности. Она — ворота, и удары бича понуждают стадо пройти через них, чтобы избавиться от кокона и преобразиться. Преобразившись, они не смогут быть несогласными, они будут обращёнными.

Но что толку в суровости, если, пройдя через ворота и потеряв бывшего себя вместе с коконом, человек не ощутит за спиной крыльев, а узнает, что он — жалкий калека? Разве станет он воспевать искалечившую его суровость? Нет, он с тоской повернётся к берегу, который покинул...

Примерно о том же, но более развёрнуто, размышляю в эссе «Сказ о том, почему Рапунцель расхотелось идти в политику». В предлагаемом отрывке есть и ранее освещённые моменты, но почему бы, собственно, их ещё раз не проговорить:

Когда ты что-то делаешь, Рапунцель, тебе ведь нравится ощущение раскрепощённости, бесконфликтности, лёгкости, когда нет деления на плохое и хорошее, когда ты делаешь это не *для* чего-то, а *от* чего-то, просто потому, что тебе так захотелось? Можно назвать это состояние *чувством потока*. Наверное, ты согласишься с тем, что природа этого чувства у людей может сильно разниться. К примеру, тебе захотелось прогуляться вечером в парке, и ты идёшь себе такая воздушная, плывёшь в своём потоке. А кто-то, в своём потоке, на своей «волне», решает тебя ограбить или чего похуже с тобою совершить. Уж извини за такой пример, Рапун-

цель, просто подобные иллюстрации помогают хорошо донести мысль, и, мне думается, я достиг своей цели.

Любые правила общежития создают некие рамки или пути, которые, по большому счету, «стискивают» импульсы агрессии и сексуальности. Однако, в отличие от так называемых естественных правил общежития — помнишь, секуляризм многие из них признаёт? — религиями могут накладываться такие запреты (к примеру, не употреблять алкоголь от слова «вообще», не вступать в несанкционированные интимные отношения, не наживаться обманным или любым иным *нечистым* путем и т.д.) или поощряться такие неординарные действия (участие в ритуалах, практика психофизических техник, аскетика и т.п.), которые способны значительно приглушать *чувство потока*, т.е. сделать жизнь если не совсем безрадостной, то и не больно искромётной. Помнишь ту цитату, её начало: «*Если Бога нет, а я в Него верю, я ничего не теряю...*»? Если по всей правде, Рапунцель, вера в некое Высшее Начало накладывает некоторые обязательства, и как раз это может восприниматься потерей — потерей естественного, присущему данному индивиду *чувства потока*. Ключевой момент: если эти обязательства действительно соотносятся с Высшей реальностью, и если у взявшего их на себя достаёт воли, терпения и сердца жить в подобных стеснённых условиях, со временем должно забрезжить новое *чувство потока*, более высокое и обогащённое, чем имело место быть:

Есть лязг отказа понести;
Есть стон упавшего; есть и
Мелодия несущего

До самого до Сущего.

Есть лев, терзающий свой дом,
Чтоб стать навьюченным ослом,
Звучать у Бога в плеере
Какой-нибудь феерией.

И если Милость, если труд
К заветной цели приведут,
В Ребёнка превращается,
Кто осликом намается.

Есть лязг отказа, доходяг
Есть стон. А есть узоры раг.
Как хочется быть рагою,
А не тыц-тыц-тыц-тыц-тыц-тыц...

В каком-то смысле, Рапунцель, это можно сравнить с обучением игре на музыкальном инструменте: ты приходишь на урок, жертвуя какими-то развлечениями, и вместо этого вынуждена делать неуклюжие движения, извлекать не особенно мелодичные звуки, штудировать сольфеджио и т.д. Но постепенно — если учитель хорошо учит, а ты, со своей стороны — хорошая ученица, в пальцах появляется гибкость и беглость, многие вещи доводятся до автоматизма, и вот, ты уже наслаждаешься извлекаемыми тобою звуками, а со временем начинаешь сочинять собственные мелодии. Стоит ли говорить, что радость от этих мгновений окупает унылые часы тренировок. Если подытожить: и учитель, и ученик должны быть должного качества, чтобы обучение принесло какие-то плоды. Здесь под качеством ученика, главным образом, подразумевается

его готовность совершать усилия и претерпевать на пути к намеченной цели. Качество учителя — компетенция во всех смыслах.

Возвращаясь к религиям, по-видимому, нередко люди оказывались не совсем толковыми учениками, либо учителя, т. е. «представители» Высшей реальности — скорее, это относится к мнимым представителям — служили непригодными в эту Реальность «окошками». Попробую это объяснить.

Видишь ли, Рапунцель, в отличие от овладения музыкальным инструментом, который по отношению к музыканту является чем-то *внешним*, т.е. хорошо обозримым и относительно легко манипулируемым, приверженец духовного учения должен разбираться с тем, что у него *внутри*, и здесь учение становится как бы светом, освещающим внутреннее душевное пространство. Есть такое выражение: «Чужая душа — потёмки». Так вот, не только чужая, но и своя. Ты-то, к примеру, хорошо себя знаешь, Рапунцель? Не спеши с ответом, пусть в тебе как следует осядет и разбухнет этот вопрос. В подавляющем большинстве случаев, пытаться узнать что-то о себе без постороннего света, в частности, исходящего от духовного учения — это примерно то же самое, что вытаскивать самого себя за волосы из болота. Высшие смыслы жизни не обязательно явствуют из самой жизни, они нередко приходят только через духовное откровение. Наука? Она может объяснить «как», но никогда — «почему». Следование «сердцу»? Это может завести в те ещё дебри. Однако, восприятие чего бы то ни было, в частности, духовного учения — это всегда *интерпретация*, т.е. преломление через индивидуальное сознание с присущим именно ему мышле-

нием, эмоциональностью, какими-то физиологическими особенностями и, наконец, делами, праведными и не очень, в реальной жизни.

Теперь, давай, верные себе, представим некий идеальный сценарий: имеется и учение, явленное людям через «представителя» Высшей реальности, и последователь в силу своих индивидуальных особенностей воспринял это учение без особых искажений, и в самой жизни он поступает соответствующе. С одной стороны, правильное понимание, подразумевающее в т. ч. честный взгляд на мир в целом и на своё существо в частности, приводит к *объективации* самого себя, т.е. развитию способности видеть себя как бы со стороны, в «третьем лице». В свою очередь, это неизбежно означает намного больший, во многом естественный самоконтроль — помнишь про обуздание низшей, животной природы как условие на пути к Высшей реальности? Можно это назвать когнитивным аспектом учения. Параллельно этому, в сердце открываются особые «шлюзы», благодаря чему эмоции обретает большую тонкость и возвышенность. Во многом, это чистая метафизика, связанная с доверием и особым отношением к «представителю» Высшей Реальности — здесь, конечно же, речь идет о реальном представителе. Когда оба аспекта учения, когнитивный и эмоциональный, сходятся вместе, и если всё это отражается в реальных действиях и поступках, открывается как бы «второе дыхание», т.е. возникает новое *чувство потока*, означающее, если помнишь, особую близость с Высшей реальностью и сопутствующую этому большую полноту и радость бытия. Давай подытожим, Рапунцель, все необходимые слагаемые: правильный взгляд на вещи,

включающий в себя честность, т.е. способность признавать то, что есть; более возвышенные эмоции благодаря трепетному отношению к «представителю» Высшей Реальности; не противоречащие всему этому дела. Убери что-то из этой формулы, и *чувства потока* не случится или же будет иметь место какой-то более или менее ущербный его вариант.

Повитали немного в облаках и хватит. К тому же, если помнишь, Рапунцель, это всё я круглыми путями подвожу к причинам возникновения секуляризма. Исторический опыт показал, что следование религиозному учению нисколько не гарантирует переход на новое *чувства потока*. Более того, религиозность не обязательно конвертируется даже в какую-то элементарную человечность — вопиющие преступления совершались и совершаются под религиозными знамёнами. Иными словами, духовное учение, даже в том случае, если оно дает правильное понимание вещей, может преломляться через уже упомянутые уровни человеческого существа и на выходе давать искажённый до неузнаваемости суррогат изначального посыла.

Есть еще один немаловажный момент. Я уже говорил тебе, Рапунцель, что помимо реальных существуют и мнимые «представители» Высшей реальности. Если первые как бы становятся окошками в эту Реальность и участвуют в утоньшении, облагораживании эмоций своих «подопечных», то мнимые представители — самозванцы, подмены, лжепророки, ересиархи и т. д. — скорее, оказывают противоположное влияние. Один из явных признаков этого — повышенная агрессия и фанатизм их последователей, но есть и другие. Вероятно, это звучит для тебя слишком абстрактно,

Рапунцель. Здесь ты должна пока просто поверить мне на́ слово. Говорю «пока», поскольку имею кое-что предъявить, попозже.

Вдобавок ко всему, многими религиями ход истории такой, какой он есть, т. е., мягко говоря, тернистый, был воспринят, скорее, как воля Высшей реальности («Пути Господни неисповедимы», «испытания», «карма» и т. д.), нежели, во многом, результат своих собственных неудач или «недолётов». Словом, не произошло работы над ошибками, попыток какого-то честного и всестороннего философского осмысления существования множества религий под единым куполом Неба. В итоге, разочарование критической массы людей перешло в секуляризм, а также в иные, более радикальные формы отрицания Высшей реальности.

Но дело всё в том, Рапунцель, что Высшая реальность и её виды на людей, а также её законы никуда от этого не исчезли. То, что новое *чувство потока* существует, доказано, к примеру, святыми и просветлёнными, вышедшими из лона различных религиозных направлений: все они как один говорили о более возвышенной радости бытия, не просто говорили, но и являли её собой. Полное же отрицание или какое изуверское толкование Высшей реальности оказалось чреватым еще большими бедами, чем «недолёты» религий — чего стоит нацистская Германия или эксцессы сталинской России или же современные ультралиберальные западные ценности, по сути низводящие человека до рационального животного (здесь наносимый урон не так очевиден, поскольку речь о душевном или духовном, а не физическом увечии).

Какой главный практический вывод из всего этого можно извлечь? Коль скоро, Рапунцель, ты собираешься учесть существование Высшей реальности в своем идеальном обществе, ты не сможешь обойтись без высоких ориентиров и логически вытекающих из них высоких обязательств. В то же время, твои «правила игры» должны быть тонко откалиброваны с учётом всех имеющих на сегодняшний день знаний и исторических ошибок. Если в тебе есть амбициозность, то пусть она выразится в следующем: построить общество, где новое *чувство потока* или, по крайней мере, всё больше возрастающая радость на пути к нему станет уделом не единиц, а тысяч, миллионов людей. В противном случае, зачем жить, если не радоваться жизни? И ты сама, Рапунцель, разве обрадуешься какому-то казарменному положению вещей, мрачным лицам и сообразным им делам? Что толку задавать высокую планку, если люди окажутся неспособны подниматься над более грубыми удовольствиями и агрессией, если у них в душе не возникнет «хоботка», собирающего пыльцу более утончённых радостей? Тогда всё просто возвратится на круги своя, включая все проблемы (*business as usual*), нежели перейдёт на новый, более блаженный виток развития...

В *Розе мира* Даниил Андреев пишет о «затомисах» — обителях просветлённых душ из различных метакультур (христианской, исламской, российской, китайской и т.д.), которые также являются своего рода плацдармами для более высоких духовных иерархий в деле просветления

земных, материальных соответствий затомисов, т.е. христианства, ислама, России, Китая и т.д. По Андрееву, на момент написания *Розы мира* затомис общечеловеческой метакультуры «Аримойя», связанный с возникновением и господством грядущей интеррелигии, находился в состоянии творения. Таким образом, есть вероятность того, что этот затомис уже сотворён, а значит ищет, или уже нашёл, своё материальное воплощение или соответствие на Земле. Что оно из себя может представлять? Теософию Блаватской? Интегральную йогу Ауробиндо? Учение Саи Бабы, обещавшего не столько вынимать последователей разных религий из их лона, сколько делать их более просветлёнными? И возможна ли интеррелигия в принципе, учитывая всю совокупность проблем в отдельно взятых религиях правой руки (о религиях левой руки даже не веду речь), а также мощное секулярное течение? Пока оставляю эти вопросы открытыми, но обещаю к ним вернуться. Некоторой же подготовкой к ответу, т.е. достойным введением читателя в «Гносеологию», будет следующий, весьма развёрнутый фрагмент из *Почему мы не можем быть хорошими?* Нидлмана:

...Но довольно исторических экскурсов. Обратимся к примерам творчества совместного размышления в наших с вами жизнях.

И здесь добро пожаловать в мой класс, где я собираюсь сделать несколько собственных открытий в отношении этого творчества.

На дворе — середина декабря, последний день школьных занятий. Небо затягивает пелена тёмных туч. Оконные стёкла немного подрагивают от ветра.

Название курса — «Природа религиозного опыта». Мы читали *Упанишад*ы, *Жизнь Будды*, дзен-буддистскую *Сутру Шестого Патриарха*, *Дао де цзин*, *Книгу Иова*, *Исайю*, *Матфея*, проповеди Майстера Экхарта и поэзию величайших мастеров исламской духовности, Руми и Хафиза. Мы много *говорили* о религиозном опыте — мы не пытались как-то *получить* религиозный опыт. Хотя, несомненно, в течение семестра студенты задавали замечательные, глубокомысленные вопросы. Я же пытался сохранять баланс между своими обязанностями преподавателя, а также своим личным ощущением метафизических потребностей студентов и их фундаментальными вопросами о жизни и поиске истины, вопросами, которые естественно возникают при ознакомлении с подобным материалом.

Я пообещал своим студентам, что на последнем занятии, после сдачи финальных сочинений они смогут задать мне любые вопросы, буквально на любую тему, уже не заботясь об экзаменах, оценках и т.д. Предполагалось, что посещение этого занятия было делом сугубо добровольным, и, как правило, после сдачи всех экзаменов приходило около половины класса. Сегодня, вероятно, из-за дождливой погоды собралась примерно дюжина студентов. Я предложил им рассесться поближе, в самых первых рядах, образовав что-то вроде полукруга.

Издали то и дело доносились раскаты грома.

Преподавая подобный материал в течение многих лет, я ощущал своим долгом даже чисто символически предоставлять студентам что-то в роде дискуссионной площадки, и это в известной степени выходило за рамки учебной программы. Мне это позволяло, так сказать,

напрямую ощутить личные метафизические искания своих студентов. Собственно, именно эти искания, в первую очередь, и побуждали юношей и девушек выбирать мой курс, и их интерес неизменно подстёгивался нашими классными чтениями и обсуждениями.

Во время таких «неофициальных» сессий всегда задавался один и тот же вопрос, на который я никогда не мог толком ответить. И сейчас этот вопрос прозвучал в самом начале.

Я внутренне застонал, услышав его:

«Как распознать истинного духовного учителя? В чем разница между просветлённым и шарлатаном?»

Как известно, район залива Сан-Франциско десятилетиями служил нерестилищем для новых религиозных движений. Всё хорошее и плохое, что существует в распространенной сейчас культуре «Нью-эйдж», своими духовными корнями уходит в этот район, начиная от истинных мастеров, представителей древних традиций Востока и Средней Азии и заканчивая духовными фантазёрами со всех уголков мира. В ту пору была популярная шутка: если вы выбросите кирпич из любого окна в Сан-Франциско, то, вероятнее всего, попадете в гуру. Среди учителей и приверженцев христианских и иудейских мистических традиций, мастеров дзен, тибетского буддизма и випассаны, суфиев, йогов и святых, целителей и терапевтов на любой вкус и размер кошелька, среди мужчин и женщин с их методами, отражающими глубокую эзотерическую истину, и проходимцев, торгующими вразнос психодуховными суевериями и умело замаскированными формами манипуляции и внушения, кто бы не растерялся? Конечно же, студенты имели

полное право задавать подобный вопрос!

И, конечно же, я должен был им что-то ответить. В конечном счёте, благодаря мне они познакомились с учениями, дающими надежду на то, что в этом скорбном мире существует Истина, а также пути, приводящие к Её постижению. И теперь, коль этот вопрос прозвучал, моим нравственным долгом было предложить своим студентам любую посильную помощь.

С годами у меня в голове сложилась одна формула, которая, в общем, была вполне удовлетворительным ответом на этот вопрос. Но всякий раз я не мог избавиться от ощущения, что у меня попросили хлеба, а я взамен предлагаю камни. И каждый раз я пытался оправдаться перед собой, что, мол, на самом деле у меня не было и не могло быть какого-либо «хлеба», т.е. достаточной компетенции чему-либо их учить. Также я не считал себя в праве высказывать своё личное отношение к тому или иному духовному учителю, течению или группе. Я — профессор философии, а не проповедник или гуру. Но эти мои самооправдания, хотя и довольно веские, только увеличивали ощущение моего фиаско перед этим искренним, животрепещущим вопросом. Кроме того, за возникновение самого этого вопроса я нёс и какую-то личную ответственность. Да, я — профессор, не проповедник и не гуру, но я — человек, человеческое существо. И просто как человек я морально обязан как можно достойнее ответить на этот искренний вопрос. Но как?

ЭТИКА КОЛЛЕКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Как обычно, я начал с того, что признал серьёзность

этого вопроса и привёл цитаты из самых разных источников, дающих некое обобщённое представление об истинном духовном учителе. Духовный учитель, как нам о том говорят, желает лишь блага своему ученику; он не использует никаких методов обольщения и трюков, играющих на таких человеческих слабостях, как внушаемость, гордость и эмоциональная ранимость. Настоящий учитель должен быть «авторизован» своим собственным духовным мастером или, по крайней мере, находиться в цепочке духовной преемственности, через которую протекает мистический поток божественной силы, именуемый *барака* в исламе, *ци* в китайской традиции или «благодатью Духа святого» в христианстве. Этот поток и определяет подлинность учителя и его методов. Что касается личных духовных качеств истинного учителя, то здесь мы имеем умиротворённость, скромность, непривязанность к материальным благам вроде денег, и, самое важное, чистое сострадание и любовь, не замутненные мелочной раздражительностью или чисто субъективными эмоциями.

Однако, на этот раз, видимо из-за гула приближающейся грозы, я не мог выдавить из себя всех этих слов. По правде говоря, я никогда не верил в этот ответ. Мне он всегда казался довольно бессмысленным, хотя мне сложно было сказать почему.

Всполох молнии на мгновение озарил наш класс, но для меня этого было достаточно, чтобы словно впервые увидеть лица своих студентов, достаточно, чтобы почувствовать стыд. Я отвечал на этот животрепещущий вопрос так, что это ничего не давало им практически, а лишь создавало видимость ответа. Я их водил по кругу своими пустыми словами и академическими абстрак-

циями, и делал это потому, что сам толком не знал, *как* ответить на этот вопрос. Я давал им какие-то клише, невзирая на их вероятную затёртость временем и традицией. Но в их внимательных, устремленных на меня взглядах читалось ожидание моего *собственного* ответа.

Но *каким* был этот ответ? Ответ возник внезапно, подобно другому всполоху молнии, в тот момент словно озарившему всю мою дальнейшую работу преподавателя идей. Этот ответ, насколько мне видится, предлагает настоящую подготовку для сознательной жизни.

Я стоял у доски лицом к студентам. Я положив мел и слегка прислонился к доске. Мне казалось, что вопрос об истинном учителе уже давно витал в воздухе, хотя озвучен был только сейчас Тимоти Грэттином, своим равным старшеклассником, который в течение всего семестра одновременно раздражал и радовал меня своим нежеланием участвовать в обсуждениях.

Казалось, прошло уже довольно много времени, а я всё медлил с ответом. Ничто не приходило мне в голову. Но что в этой ситуации было для совершенно новым для меня — у меня не было никакой паники. Я не тужился отыскать нужные слова, мысли, цитаты. Не знаю, как это выглядело со стороны, но внутренне я был совершенно опустошён от мыслей. И это ощущение пустоты было подобно дару. Я принимал этот дар, и в этом заключается главная моя мысль: *я получал этот дар благодаря им*. Наконец-то, я осознал, что находился в этическом поле, этическом поле коллективного мышления. Я безоговорочно признал своё собственное невежество, и сердцем, и умом. И нисколько не сомне-

вался в том, что по отношению к своим студентам вёл себя правильно.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОПРОСА

«Я не знаю, как ответить на этот вопрос» — сказал я. — Давайте поразмышляем вместе».

Так прозвучали мои слова, но затем я попытался позволить этому вопросу «проникнуть» в самую глубину моего существа.

Я продолжил: «Все эти качества истинного учителя, разумеется, могут быть симитированы. Каждый может сказать, что он уполномочен; каждый может заявить, что он божественный посланник; каждый может прикинуться умиротворённым и сострадательным, по крайней мере, в какой-то степени и до определённой поры».

Все глаза впились в меня.

«Что же нам делать? — сказал я. «Что мы должны делать? Мы нуждаемся в помощи и подлинном руководстве, но не хотим остаться в дураках. Мы хотим быть открытыми, но без излишней доверчивости. Хотим оценивать критично, но без цинизма».

И внезапно я *ощутил* этот вопрос как свой собственный; я обдумывал и, одновременно, чувствовал его; я нуждался в ответе, и ради себя самого, и ради них. Я тоже нуждался в мудрости и руководстве.

Но сейчас другой вопрос громко прозвучал во мне: в действительности ли я нуждался в мудрости и руководстве? Насколько сильна была эта потребность во мне или любом из присутствующих здесь студентов? Вопрос

об истинности учителя трансформировался в другой: что означает искать мудрость и руководство *по-настоящему*?

Все глаза по-прежнему неотрывно следили за мной.

Всё встало на свои места. Я остановился перед Тимоти. «Все мы задаёмся этим вопросом, — сказал я, отдавая себе отчёт в том, что студенты ловили каждое моё слово. «Но насколько серьёзно мы сами ищем наставника или мудрость? Настолько ли сильна в нас эта потребность, как мы о том думаем?»»

Почему мне раньше не приходило это в голову? Достаточно было лишь заглянуть в себя и там, в тишине, созерцать действие этого вопроса — в мире моих собственных впечатлений и воспоминаний; в мире моих сомнений и несомненностей; и, конечно же, в мире моих ассоциаций и каких-то прошлых озарений. Стоило лишь позволить функциям моей психики, моему уму и чувствам вызвать все необходимые ассоциации с этим вопросом, теперь уже и *моим* вопросом, а не только задавших его. Из-за их насущной потребности, а также моего чувства долга перед ними, ложь и лицедейство уже были невозможны с моей стороны. В то же время, это позволило мне бесстрашно признать своё собственное невежество пред лицом такого животрепещущего вопроса. Достаточно было осознать своё единство со студентами, чтобы моё чувство долга повлияло на содержимое моего ума и моя психика, так сказать, «автоматом» выдала всю нужную информацию. Если вкратце, мне нужно было не только получить от них вопрос, но также получить, вобрать в себя их души — их личности, их глаза и внешность, одновременно отсекая

все интеллектуальные «ответы» и чутко внимая тому, как это резонирует с вопросами моего собственного сердца и ума. Я сознательно *выбирал* этот подход в отличие от своей привычной игры в «автоответчик». И разве это не является вопросом этики, этики коллективного мышления? Разве это не приводит к более объективным осознаниям и, что ещё важнее, не служит Добру в моём ближнем? Не становится ли совместное размышление площадкой, на которой сходятся истина и нравственность, или чем-то вроде сцены, где происходит репетиция сознательной жизни?

Однако, я забегаю вперёд.

Я стою перед своими студентами и отвечаю им в состоянии глубокого созерцания. Внезапно мне приходит на ум моё давнишнее соображение об одном важном философском вопросе. Сейчас оно предстаёт в совершенно другом свете.

Но это требует некоторого предварительного разъяснения.

ЗРИМЫЙ МИР

Долгие годы, ещё со времён моего юношества, когда несколько не по годам я начал увлекаться философией, меня интриговала и, одновременно, ставила в тупик одна мысль, которую можно найти практически во всех великих философских и духовных учениях: человек живёт в иллюзорном или *зримом* мире. Хотя я с уважением относился ко всем великим учителям прошлого, я никак не мог взять в толк, что же они имели в виду под этой зримостью мира, мира, в котором я живу. Разве этот стакан в моей руке иллюзорен?

Возможно, я не так много знал об этом стакане, вероятно, мне не хватало научных или каких-то иных сведений, но это никак не было иллюзией в обычном понимании этого слова. Этот стакан, как бы мало я о нём ни знал, настолько же реален, как и этот карандаш, тот дом, тот человек, моя зубная боль, мои родители, это солнце и серп луны, эта данность смерти...

Однако, столь много мудрецов прошлого говорили о нашем мире просто как о пелене, заслоняющей от нас истинную реальность. Они также утверждали, что никакие знания, никакие великие научные теории не могут нас хоть как-то приблизить к этому истинному миру, недоступному пяти органам чувств. В отношении же способов проникновения в этот мир, они всегда были, к моему огромному недовольству, довольно туманны и часто догматично «метафизичны».

Хотя мне никогда не удавалось понять эту идею, она не уходила у меня из головы. С другой стороны, мне претили умствования многих современных философов и писателей, которые просто отмахнулись от этой проблемы. Их утверждения сводятся к тому, что поскольку нет опыта (по крайней мере, ни у одного из них этого опыта не было точно) этого пресловутого реального мира за покровом иллюзий, то единственно здоровое, почётное и мужественное решение — это полностью сосредоточиться на жизни в мире, который мы непосредственно видим и осязаем, объявив его *единственно* реальным. Все идеи о другой реальности, если дальше следовать этой логике, есть просто результат аберрации сознания или эскапизма, или какого-то косноязычия.

После этого многолетнего блуждания в догадках, мне, наконец, представился случай разрешить эту дилемму. И снова это произошло во время лекции: уже другая студентка, но тоже себе на уме, черноглазая молодая девушка с ангельским именем (то ли Анжелика, то ли Селестина) и inferнальной хрипотцой в голосе, настойчиво повторяла один и тот же вопрос, который я сам никак не мог разрешить. Так вышло, что всего час до того на другой лекции я обсуждал ещё одну фундаментальную идею древних традиций, а именно: наше обычное восприятие себя, то, что мы называем своей личностью, не является нашей подлинным «я». К примеру, согласно индийской философии внутри нас сокрыто Божественное «Я»; оно является нашей подлинной тождественностью или «домом» на языке древней мифологии. Лишь соприкасаясь на практике, а не в теории с этим глубинным «Я», человеческие существа способны познать истинный смысл своей жизни и достичь состояния нерушимого покоя, освобождающего от страха смерти и потерь.

На разных языках эта идея проговаривается во всех великих духовных традициях и философских школах — в буддизме, иудейском, христианском и исламском мистицизме, в учении Платона и сочинениях великих мыслителей стоиков Рима. Эта идея получила распространение практически в каждой культуре, и без преувеличения можно сказать, что, наравне с достаточно развитым представлением о Боге, она являет собой главную человеческую мудрость. По сути, все великие духовные традиции вращаются вокруг неё подобно планетам вокруг солнца.

Я очень хорошо помню, что произошло, когда снова и

снова, раз за разом я пытался объяснить идею иллюзорности мира черноглазой студентке. Стоит сказать, что я высоко ценил её ум, хоть и оказался мишенью её настырности. Наконец, как и с вопросом о критериях истинности учителя, мой ум затих, исчерпав все возможные «ответы». Единственным отличием было в том, что тогда я не принял добровольно свою растерянность. Наоборот, я очень переживал из-за своей неспособности ответить на её вопрос и бубнил какие-то первые приходившие на ум слова и фразы, выдернутые из бесчисленных книг по сравнительному религиоведению и философии — слова и фразы, которые, скорее, на разные лады перефразировали вопрос, чем давали сколь-нибудь внятный ответ. Снова я водил по кругу искреннего студента, вернее, студентку, через вращающуюся дверь своего академизма.

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ВЕЛИКОЙ ИДЕИ

Внезапно, я глубоко осознал и ощутил, чем я занимался на самом деле. Я смотрел на себя как бы со стороны, с несвойственной мне отрешённостью, и в этом новом состоянии мое смятение мгновенно улеглось и уступило место непривычной, тихой смеси живейшего любопытства и искреннего участия, глубочайшего, горько-сладкого соединения радости и грусти — всё это сопровождалось очень интенсивным осознанием моего присутствия в настоящем моменте, я наблюдал за всем происходящим внутри и вокруг себя. Иначе говоря, в какое-то, довольно-таки растянувшееся мгновение, я испытал состояние «Я есть». И на фоне этого «Я есть», казалось, что вся моя растерянность и суматошные поиски «ответа» принадлежали кому-то другому. Они

нисколько не затрагивали и не отвлекали меня.

И, внезапно, я осознал, как ответить на ее вопрос, который, как уже было сказано, не давал мне покоя на протяжении многих лет. Это было так очевидно! Почему мне раньше не приходило это в голову? Внезапно, я осознал, что древняя идея о зримом мире, заслоняющем собой мир реальный, была лишь половинкой идеи. И как таковая, она не имела никакого смысла. Без второй ее половинки все «ответы» неизбежно принимали форму раздутых метафизических спекуляций, которые, в свою очередь, легко сводятся на нет позитивистским «реализмом» в том или ином его изводе.

И что же представляла из себя эта вторая половинка идеи, словно мозаика вставляющаяся в другую? Ответ очень прост: как и огромный мир, окружающий нас, человеческое «я» также является неким эфемерным образованием вокруг истинного «Я». *Только благодаря соприкосновению с этим реальным «Я», лежащим под спудом социально-обусловленной, поверхностной личности, можно узреть реальность!* Только реальное, глубинное «Я» может воспринимать реальный мир сквозь зримую пелену!

РЕАЛЬНЫЙ МИР ПОСТИГАЕТСЯ ЛИШЬ РЕАЛЬНЫМ «Я»

Итак, наряду с нашими или моими мыслями, чувствами и восприятием; под спудом наших личностей-личин, стихийно формируемых воспитанием, образованием, книгами, средствами массовой информации, рекламой, социальным статусом и групповым давлением; вопреки нашему отождествлению с тысячей внешних воздействий, существует другое, наше подлинное сознание.

Иными словами, наше обычное, обыденное сознание, трагично воспринимаемое нами как единственно реальное и возможное, на самом деле есть нечто временное и искусственное, и его ни в коем случае нельзя считать нашим подлинным «Я». Можно называть это обычное сознание «эго» или «самостью». Только реальное или подлинное «Я» имеет право о себе заявить: *«Я есть»*. Именно это реальное «Я» способно интеллектуально и интуитивно постичь идею реального мира за покровом иллюзий. Именно реальное «Я» способно увидеть внешний мир в его истинном свете, понять его и, в конечном итоге, с ним слиться. Удел поверхностного «я» — блуждать по верхам.

ВОПРОС СЕРДЦА КАК НРАВСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Такова или, по крайней мере, приблизительно такова половинка великой идеи о мире за пределами зримого мира. Однако — и здесь это является самым ключевым моментом — *я смог прийти к этому глубокому осознанию лишь подстёгиваемый нравственным долгом*, когда я обязан был дать честный ответ на животрепещущий вопрос искренней, серьезной студентки.

Несомненно, это была фундаментально нравственная, этическая транзакция. Это было одновременно деятельностью ума и его интеллектуальной жертвой, когда он по-настоящему откликнувшегося на нужду другого. Этот краткий миг *совместного размышления* вызвал нравственный отклик в *обоих* умах. В этом смысле, это стало *промежуточной нравственностью* между этическим действием по отношению к своему ближнему и личным отношением к своему собственному, привыч-

ному «я».

Перед тем, как рассказать об этом, по крайней мере, лично для меня глубоком откровении, нужно принять во внимание ещё один плод совместного размышления. Это плод — исключительно важен для нравственного развития. Этот плод должен был получить наш «одноногий» юноша по благословению великого Гиллеля; этот плод озаряет метод — если это можно назвать методом — сократовских бесед; только этот плод по-настоящему объясняет тот факт, что для большинства из нас дорога к нравственности начинается с интеллектуального понимания великих идей. Дело в том, что принимая и претерпевая свою полную неспособность ответить на искренний вопрос другого; признавая никчемность своих собственных «ответов» и страдая от этого; наконец, рискуя потерпеть неудачу в глазах своего собственного невежественного ума, мы можем найти ответ, прийти к осознанию, позволить родиться мысли, которая, одновременно, будет глубоко прочувствована сердцем и осознана умом! Иначе говоря, в какой-то степени, но достаточной для того, чтобы возлагать на это смелые упования и придавать этому огромное значение, идеи ума сливаются с интуицией и энергией сердца. В какой-то степени, *человек чувствует, что он знает*. Значение этого, каким бы оно ни показалось нам пустячным, как мы ещё увидим, сложно переоценить. Это сложно переоценить потому, что только когда мы *чувствуем* своё знание, появляется хоть какой-то шанс поступать в согласии с этим знанием. В противном случае, мы не способны делать то, что, как мы полагаем, должны делать, ибо ещё не достигли внутренней целостности.

ИСТИННЫЙ УЧИТЕЛЬ И ИСТИННЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Мы снова переносимся к Тимоти Грэттину и его вопросу о том, как распознать истинного духовного учителя. Всё чаще сверкают молнии под аккомпанемент громовых раскатов. За окном непрерывно барабанит дождь. По оконным стеклам стекают размашистые водяные струи.

Я тихонько расположился у своего учительского стола в поисках ответа на вопрос Тимоти. Внутренне перебрав все варианты и отказавшись от них, я намеренно длю тишину. Меня совсем не страшит, что студенты могут увидеть растерянность своего «умудрённого» профессора. Меня наполняет уникальное ощущение свободы. Прошло уже немало секунд; минута, две минуты. Раскаты грома, кажется, стали только сильнее, ещё более подчеркивая тишину. Я ясно осознаю, что весь класс, все двенадцать юношей и девушек, усевшихся полукругом, в какой-то степени разделяют со мной эту тишину и покой.

Если бы я просто завершил лекцию, никто бы не был разочарован. Будь я сам духовным учителем, возможно, именно так бы я и поступил, позволяя этому вопросу как следует «настояться» у них внутри. Но со мной что-то происходило; это было подобно акту веры. Где-то в своём уме и сердце я постепенно наполнялся верой в возможность принимать собственное невежество и, одновременно, держать честный ответ перед другим человеческим существом, удовлетворяя тем самым его насущную интеллектуальную потребность. И сейчас верить в это было совсем несложно; не нужно было бороться с какими-то искушениями; никакие новые «ответы» не выныривали из моей профессорской памя-

ти. Я словно говорил самому себе или, если быть более точным, из своей тишины: «Такие дела. Я не знаю, что ответить. Но я *должен* узнать». Никогда прежде я не чувствовал такую осознанность, как будто меня отовсюду подстерегали опасности, и, одновременно, расслабление, словно я был полностью застрахован от каких-либо неудач и потерь.

Наконец, я ответил, и этот ответ может показаться довольно уклончивым. Но, по правде говоря, даже сейчас, по прошествии многих лет, мне это кажется единственно честной и дельной попыткой ответа, конечно же, если сам вопрос изначально был задан искренне.

Я спросил у Тимоти: «А как именно ты ищешь?»

Класс смотрел на меня выжидающе.

Я продолжил, проговаривая мысли ровно так, как они мне ложились на ум:

«Мы хотим узнать, как нам распознать истинного учителя, но никогда не задаем себе вопрос — как именно мы ищем духовного наставника, как именно мы пытаемся найти истину? Что, если мы способны распознать настоящего учителя лишь тогда, когда насущная потребность переполняет всё наше существо и обостряет наше восприятие? Голодный ищет еду не так, как это делает сытый. Необходимость мобилизует интеллект.

Мы говорим, что мы ищем. Это великая вещь — поиск истины. Но что мы в реальности делаем? Мы читаем книги — изредка, когда нам того хочется, или, что тоже нечасто, слушаем какие-то лекции. А так, мы вполне

можем жить день за днём даже без тени этого вопроса, без тени необходимости в чём-то более глубоком, для чего мы далеко не всегда можем найти подходящие слова. В этом смысле, мы лишь льстим себе, утверждая, что ищем истину. Это не так. Мы её ищем *иногда, от случая к случаю*, в зависимости от настроения или в какие-то редкие моменты, когда нам действительно об этом что-то напоминает, будь то чья-то смерть, вопиющая несправедливость, личная утрата или купол звёздного неба над головой. Но когда эти моменты проходят, наш «поиск» улетучивается вместе с ними. Будет не совсем мудро и честно называть подобный беспорядочный процесс *поиском*.

Как истинное «Я» способно увидеть реальный мир за покровом иллюзий, так и истинный искатель способен распознать подлинного учителя».

«Устраивает ли тебя ответ?» — спросил я Тимоти. И затем я повернулся к остальным студентам. Они пристально на меня смотрели, хотя мне сложно было сказать, что они при этом думали и чувствовали. Но что сразу было заметно: хотя все они были очень сосредоточены, в них не было какого-либо волнения или возбуждения. Их взгляды не блуждали по потолку, что обычно указывало на обдумывание контраргументов или уточняющих вопросов.

Я продолжил: «Представьте заключенного в тюрьме. Ничто так для него не важно, как возможность оттуда сбежать. Эта потребность всегда при нём, чем бы он ни занимался; она живёт в его уме подобно голодному зверю. Кто-то приходит к этому заключенному с планом побега или он сам слышит от кого-то об этом плане. Он

выслушивает всех. Он открыт ко всем. Он оценивает все предложения с величайшей внимательностью. Он изучает пришедших к нему людей. Кто они? Насколько надёжны? Может, они просто сумасшедшие? Могут ли они себя контролировать? Или же дрогнут при первой опасности? Разумен ли план? Всё ли он учитывает, в том числе, неизбежные пертурбации и опасные сюрпризы? Или же они просто выдают желаемое за действительное? Может, всё это просто фикция, полагание на случай?

Порой, он сразу видит, чего стоят эти планы. В отношении же других планов он сомневается, не принимает и не отвергает их — в конце концов, на кону стоит его собственная жизнь. Его потребность позволяет ему быть одновременно открытым и скептическим. Его потребность настолько велика, что делает его хладнокровным и терпеливым, но при первой необходимости она мгновенно его мобилизует».

Внезапно я осознал, что меня немного «несёт», что я чересчур увлекся своей метафорой в ущерб первоначальной мысли. Я замолчал и усилием воли, сквозь поток мыслей, направил внимание вовнутрь. Ощущение тишины, до этого ушедшее куда-то на задний план, снова вернулось со звуками бури. С ними вернулась и непонятная вера. Но вера во что? Уж точно не в мой уже полностью истощенный ум. Я понимал, что должен был говорить лучше, мыслить лучше, дать нечто большее своим студентам, но был ли я на это способен?

Может, все эти идеи об этическом мышлении были просто плодом моего воображения? В моей голове больше не осталось слов. Может, всё это время я

обманывал себя? Моя новая вера поколебалась. Я приуныл, и моё уныние говорило мне: «Послушай, всё это не так уж важно, ты слишком много придаёшь этому значения. Чего ты ожидаешь? Это всего лишь лекционная комната. То, что ты уже сказал, и так вполне разумно. Брось ты это всё!»

Несмотря на это, моя внутренняя потребность говорить всё нарастала. Я знал, что было сказано недостаточно. Но откуда было взяться «трамплину» для следующего прыжка?

РАЗНОВИДНОСТЬ ЛЮБВИ

Ответ не заставил себя долго ждать и, разумеется, *он пришел не от меня*. Он пришел от *них*, от студентов, от другой стороны этической транзакции. Как я мог об этом забыть? Как я мог увлечься своими речами настолько, что не оставил места для других, для своих «ближних»!

Радостный, я чуть не рассмеялся от этой мысли.

Уже не Тимоти, а другая ученица, Адриана Вотерс, изумительная девушка с кристально голубыми глазами и высоким, подобным белому парусу лбом, просто сказала:

«Предположим, мы не ощущаем эту потребность. Скажем, она слишком глубоко у нас внутри. Что нам делать? Вопрос остаётся всё тот же — как мы узнаем, что учителю можно доверять?»

Я выслушал ответ и, спустя мгновение, начал расхаживать по классу. Затем остановился.

Единственное, что я почувствовал — это веру, что разум-

ные ответы приходят не сами по себе и уж точно не по моей указке, а лишь благодаря истинной, насущной потребности. Вернулась моя вера, вера во внимательность, а не в слова и концепции. Мне предстояло узнать о том, что в последствии было испытано множество раз: лишь когда мы стоим перед этической дилеммой, когда мы исчерпываем все свои этические ресурсы, в нас зарождается подлинная сознательность и мы выбираем правильное действие — в данном случае, правильную мысль:

— Давай будем дальше отталкиваться от этого, — сказал я ей.

— Что вы имеете в виду? — ответила она.

— Я хочу сказать, можешь ли ты, можем ли мы исходить из того, что имеем на данный момент? А имеем мы следующее. Предположим, есть некто, предлагающий или, по крайней мере, делающий вид, что предлагает, духовное учение, мудрость, *путь*, называй это, как угодно. Скажем, я очень заинтересовался этой личностью; допустим, в нём или в ней есть нечто очень особенное. Но я не уверен — либо в этой личности, либо в самом себе. Я не знаю, является ли эта личность тем, чем она кажется. Я не отказываюсь от своего искания, но также не желаю слепо доверять кому или чему бы то ни было.

— И что же делать?

— В этой своей нерешительности я начинаю остро ощущать своё искательство как потребность. Речь сейчас идёт не только о том или той, в отношении которого или которой у меня могут быть какие-то сомнения, но сам я

превратился в сплошной знак вопроса. Мою потребность, возможно, нельзя ставить в один ряд с великой жадой, которая бы стимулировала мой интеллект и позволила принять верное решение. Но всё же и эта потребность имеет какую-то силу и разумное зерно...

Но, предположим, откладывать с решением нельзя, давят какие-то обстоятельства, и это вынуждает меня расставить все точки над «і», вынести некий окончательный «вердикт» личности передо мной.

Однако, если я не буду уклоняться от истины, а истина состоит в том, что я не знаю, могу ли я доверять этому человеку и настолько ли сильна ли моя жажда, чтобы обострились все мои инстинкты — если я нахожусь в таком состоянии, что из этого следует?

Адриана ответила необычайно расслабленно:

— Мне кажется, я поняла, куда вы клоните.

Я продолжил:

— Значит, ты хочешь оценить качество мужчины или женщины, человека, который может быть, а может и не быть духовным светочем. Ты хочешь знать, но твоё искательство недостаточно велико; в тебе нет обострённой интуиции подлинного искателя. В то же время, в тебе есть некая неудовлетворённость, хотя по привычке ты можешь в любой момент просто отказаться от своих поисков. Что тогда произойдёт у тебя внутри?

Весь класс позволяет идти этому странному диалогу. Никто нас не перебивает, даже задира Тимоти Грэттин.

В общем, это действительно уникальный диалог. Его нельзя назвать академическим, но он и не совсем

выходит за академические рамки

В действительности, Адрианна и я *размышляем вместе*.

К нам приходят одни и те же мысли. Я задал ей вопрос, на который сам искренне не знал ответа. Это было вопросом, обращённым к *нам*, а не к ней. К нам, к нам двоим, поддерживаемым благожелательным вниманием одиннадцати других студентов.

И её ответ, одновременно возникший и в моей голове, прозвучал так:

— Мне кажется... я буду просто выжидать. Мне не нужно сразу же принимать решение. Я буду дальше общаться с этим человеком, наблюдать за ним, делать какие-то выводы. *Я не обязана решать сразу!*

Я кивнул — не ей, нам обоим.

— И что дальше?

— Мой Бог! — воскликнула она и замолчала.

Какое открытие она сделала? Теперь наступила моя очередь теряться в догадках.

— Что? — спросил я, — что такое?

— Боже мой! — повторила она и затем продолжила, — теперь мне уже намного интереснее, насколько открыт мой ум, а не то, что кто-то является истинным или ложным учителем!»

Длинная пауза. Звуки дождя. Тишина.

Конечно — я не сказал это, а почувствовал — *вот и ответ*. Наш диалог подвел её и нас к вере в ум, вере в разумность. Был задан настоящий вопрос — не просто

переливание из пустого в порожнее, а нечто, что рождается изнутри и разделяется двумя человеческими существами. Это было чем-то вроде любви, разновидностью любви. Творчеством.

Вот в чём заключался секрет Сократа!

Гносеология

Интервьюер: «Вы верите в Бога?»

Юнг: «Мне нет нужды верить, я знаю».

Из интервью Карла Юнга «Би-би-си»

Бэнджамин доказывал, махал руками,
Что это зайцы-беляки сожрали капусту.
Рэджинальд завывал, вращая глазами,
Что это зайцы-русаки сожрали капусту.
Бросившись друг на друга с кулаками,
Они крошили друг друга в мелкую капусту.

Карл еле разнял их и спросил у Бенджамина:
«Бен, откуда ты знаешь, что это были русаки?».
Реду же несколько иное предложил он:
«Редди, поклянись Богом, что это были беляки?»

Бен разжал кулаки и объяснил всё на пальцах.
Ред оказался атеистом, атеистом оказался.

Тогда Карл сказал:
«Сейчас в студию внесут чёрный ящик с
неопровержимым вещдоком,

Того, кто неправ, я расстреляю в такую-то степь
Солнцепёком».

Так Бен и Ред впервые в жизни ощутили своё
знание как гносеологи, а не какие-то тюхи.

Что позволяет человеку не быть «тюхой» в гносеологическом смысле, иными словами, что даёт ему ощущение, что он действительно что-то знает, что когнитивно, эмоционально и физиологически он вкладывается не в какой-нибудь условный «Хопёр-инвест» или «дом паука», а в нечто-то сущностное, аутентичное? Откуда Юнг *знал* о существовании Бога? Что убедило Нидлмана, что *совместное* размышление приводит к более глубоким ответам, нежели самостоятельное, и как с этим всем увязывается высшее «Я»? Что позволило Даниилу Андрееву не отместить свои духовные переживания как галлюцинации и бред, а написать на их основе целую книгу и считать её самым главным трудом своей жизни? (Даже когда после смерти Сталина у него появилась возможность выйти из тюрьмы несколько раньше, он этим не воспользовался, а предпочёл остаться в заключении, где, как он полагал, ничто не отвлекало бы его от духовидчества — до такой степени он полагался на свои опыты и, что не менее важно, их *источник*). Что дало Шри Рамане Махарши ощутить своё слияние с высшим «Я»? По крайней мере, всех их объединяет то, что их самые поворотные, значимые духовные переживания *происходили* с ними, а не вызывались неким волевым усилием, читай *жгутом*, а содержание этих опытов и их эмоциональная окраска при этом были возвышенными, насыщенными, глубокими, экстраординарными, т.е. не имеющими аналогов в повседневности. Двенадцатилетний Юнг, к слову сказать, попы-

тался использовать волю, но скорее для *подавления* ужасающего его духовного видения. В конечном итоге, обессиленный, он собрал всё своё мужество и позволил ему проявиться:

Перед моим взором возник кафедральный собор и голубое небо. Высоко над миром, на своём золотом троне, сидит Бог — и из-под трона на сверкающую новую крышу собора падает кусок кала и пробивает её. Всё рушится, стены собора разламываются на куски.

Вот в чём дело! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия на меня снизошла благодать, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал. Я плакал от счастья и благодарности. Мудрость и доброта Бога открылись мне сейчас, когда я подчинился Его неумолимой воле. Казалось, что я испытал просветление, понял многое, чего не понимал раньше, понял то, чего так и не понял мой отец, — волю Бога. Он сопротивлялся ей из лучших побуждений, из глубочайшей веры. Поэтому мой отец так никогда и не пережил чуда благодати, чуда, которое всех исцеляет и делает все понятным. Он принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который возвышается, свободный и всемогущий, и над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободными. Бог, ради исполнения Своей воли, может заставить отца отринуть все свои взгляды и убеждения. Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священны они ни были. В своём всемогуществе Он позаботится, чтобы эти испытания не причи-

нили настоящего зла. Если человек исполняет волю Бога, он может быть уверен, что выбрал правильный путь.

Как уже говорилось, *луна* в созерцательном «я» занимает нишу чувственного опыта, эмоций и памяти, тогда как *солнце* выражается в виде форм, идей и принципов, т.е. расчленения физического и психического континуума на составные части и причинно-следственные связи. Также освещалось и то, что в *Божественном «я»* объединение *солнца* и *луны* будет означать наиболее деликатное и неразрывное слияние сознательности и чувственности, при котором не возникает даже тени сомнения в своём божественном достоинстве, иначе говоря — имеет место осознание без сомнения, нирвикальпа самадхи. Это краеугольное гносеологическое понятие требует некоторого пояснения: с одной стороны, его необходимо демистифицировать, с другой — показать его элитарность.

Начну издалека. Математическому сложению, как правило, начинают учиться на конкретных примерах: было два яблока, добавилось ещё два — сколько стало? *Луна* здесь в виде либо непосредственного переживания, т.е. осязания яблок (*солнце* в этом тоже участвует в виде *узнавания* формы яблока), либо памяти о яблоках, придаёт весомости, конкретности производимой операции, а *солнце* вычленяет сам принцип, который впоследствии отсоединяется от яблок и существует уже как вещь в себе, зачастую забывая об изначальном «яблоке познания». Является ли это знание нирвикальпа самадхи? Иными словами, означает ли «два плюс два равно четыре» какой-то незыблемой скалой, на которую можно внутренне опереться? В математическом смысле да, но в психологическом это знание не будет тем самым источником глубинного покоя, читай тончайших *витков*, о

котором так подробно расписано в первой главе. Если на то пошло, оно не позволит выдержать какие-то жизненные невзгоды и сохранить при этом невозмутимость. Что касается аспекта *нити*, выражающейся в нирвикальпа самадхи как непреходящая ясность сознания, то и здесь не может быть какой-то полной аксиоматичности или несомненности: что, если в каком-то пространственном или временном измерении, в каком-то частном случае два плюс два будет равняться пяти? Даже если это не так, мельчайшая тень сомнения на этот счёт — а она неизбежна — уже будет автоматически означать, что о нирвикальпа самадхи не может быть и речи.

Если взять более психологичный пример, известную формулу «Я мыслю, значит существую», то снова она не пройдёт теста нирвикальпа самадхи: в этом осознании нет глубинного покоя с одной стороны, а с другой — его можно оспорить, т.е. поставить под сомнение, примерно следующим образом: разве перестаёт «я» существовать в состоянии внутренней тишины или *между* мыслями? Сомнение несовместимо с осознанием без сомнения.

Подводя здесь итог: нирвикальпа самадхи есть сугубо внутренний, психический опыт, с работой памяти и интеллекта связанный лишь опосредованно. Психологически он выражается как сат-чит-ананда, т.е. бытие-внимание-блаженство, высшее «Я», заявляющее о себе так, что любые сомнения от него будут отскакивать. Согласно Шри Рамане Махарши, у нирвикальпа самадхи есть стадии, т.е., образно говоря, загоревшийся и не меркнущий огонёк может разгореться ещё ярче. Сам же Шри Рамана свой первоначальный опыт нирвикальпы описывает так:

Примерно за шесть недель до того, как я навсегда

покинул Мадурай, в моей жизни произошла огромная перемена. Это случилось внезапно. Однажды я сидел один на втором этаже дядиного дома. Я редко болел, и в тот день был здоров как обычно. Вдруг внезапный и сильный страх смерти овладел мной. Я почувствовал, что умру. Почему мне так показалось, невозможно объяснить никакими ощущениями в теле. Я и не мог объяснить себе это и даже не пытался выяснить, было ли у страха какое-нибудь основание. Я почувствовал: «Я умру», — и тут же стал думать, что делать. Я не собирался советоваться с врачами или старшими и даже с друзьями. Я знал, что сам должен решить эту проблему здесь и сейчас.

Шок смерти сразу же направил моё внимание вовнутрь. Я сказал себе мысленно, т.е. не произнося слова вслух: «Вот пришла смерть. Что это значит? Что умирает? Это тело умирает». И сразу же разыграл сцену смерти: вытянул ноги и руки и сделал их твёрдыми, будто наступило трупное окоченение. Имитировал труп, чтобы придать реальность моим дальнейшим исследованиям. Я задержал дыхание и сжал губы, чтобы ни звука не вырвалось. «Пусть не будет произнесено ни слово «я», ни какое-нибудь другое слово!» «Итак», — сказал я себе — «это тело мертво. Его отнесут на площадку для кремации и там сожгут дотла. Но со смертью этого тела, умру ли «Я»? Является ли это тело «Я»? Это немое и неподвижное тело. Но я чувствую всю силу моей личности и даже звук «Я» внутри, отдельно от тела. Поэтому «Я» — дух, превосходящий тело. Материальное тело умрёт, но смерть не может коснуться духа, превосходящего его. Поэтому я — бессмертный дух». Всё это был не только интеллектуальный процесс, но

вспыхнуло передо мной ярко, как живая истина, как нечто, что я сразу осознал, почти без обсуждения. «Я» было чем-то реальным, единственной реальной вещью в этом состоянии, и вся сознательная деятельность, связанная с моим телом, была сосредоточена на этом. «Я» или Атман с того времени всегда мощно притягивал к себе и удерживал моё внимание. Страх смерти исчез раз и навсегда. Погружённость в Атман продолжается с того момента до сих пор. Другие мысли могут приходить и уходить, как различные мотивы музыки, но «Я» продолжается как основная нота шрути, которая сопровождает и смешивается со всеми другими нотами. Занято ли тело разговорами, чтением или чем-нибудь ещё, я всегда сосредоточен на «Я». До этого перелома не было ясного восприятия себя, не было прямого видимого интереса к этому, и ещё меньше я ощущал желание постоянно заниматься этим.

Если сопоставить опыт двенадцатилетнего Юнга и шестнадцатилетнего Венкатарамана (тогда его ещё не называли Шри Раманой), то переживание «Я» у последнего было всё же более фундаментальным и интенсивным: Юнгу, скорее, было дано вкусить нирвикальпа самадхи как временный опыт и обещание потенциала, к которому следовало стремиться, а Венкатараман стал «махарши», т.е. великим мудрецом, буквально в мгновение ока. Что характерно, в обоих случаях непосредственному опыту «Я» предшествовала работа мысли, т.е. *нити*, сводившаяся к тому, чтобы маленькое «я» достаточно расслабилось и раскрылось подобно оправе для алмаза «Я». По сути, в этом и заключается роль *нити* в общей схеме вещей, а именно максимально удостовериться в Божественности чего-то, в т.ч. какой-то

надвигающейся внутренней «лавины», перед тем, как безраздельно этому отдаться. К слову, у Юнга когда-то была возможность повидаться со Шри Раманой, но он предпочёл этого не делать — я им устроил на страницах *Инструкции* рандеву.

Есть ли какое-то понятие о нирвикальпа самадхи у Джейкоба Нидлмана? По всей видимости — есть:

Главная задача человека — стать человеком. Можно сказать, именно в этом больше всего нуждается наш мир. Миру нужны люди, *настоящие* люди. Да, мы должны делать всё, что в наших силах, да, среди нас, благодарение Богу, есть те, кто способен действовать, делиться с другими, помогать другим. Но именно потому, что нравственная жизнь человека повсеместно и на протяжении веков оказалась настолько ущербной, мы испытываем такую благодарность к тем, кто способен действовать по-настоящему бескорыстно. Именно это внутреннее состояние, присущее нам и человечеству в целом, т.е. редкость добродетели, свидетельствует о нашем неизменном нравственном банкротстве. Именно эта ситуация, именно этот исторический и психологический факт должны нам указать, что подлинная задача человека — исполнить своё истинное предназначение т.е. стать существом, которое слышит и чтит своё «Я» или Бога, говорящего голосом Совести, ради самого себя и ради своего ближнего. Человека можно определить как существо, способное действовать из внутреннего побуждения — глубоко личного и, одновременно, отражающего Творца всего Сущего.

Этот внутренний Бог, Совесть или сокровенное «Я» и

есть то Высшее, о котором говорится в Традиции: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Как узнает о том наш «одноногий» юноша, Единый Бог Традиции есть незримая, но всемогущая сила любви, любви, сочетающей в себе в равной степени прощение и суд, милость и строгость, постоянное обновление и «железобетонную» причинно-следственную связь. Эта любовь одновременно всесильна (всемогущий Бог) и может почти полностью иссякнуть в человеческой жизни — её нужно возжелать и сознательно выбрать, чтобы она смогла себя проявить. «Одноногий» юноша, олицетворяющий нас самих, скоро узнает, что всё занявшее место Совести, всё маскирующееся под Совесть и, таким образом, скрывающее Её от нас — всё это обозначается древним словом «идолопоклонство». «Идол», по сути, это не столько маленькая глиняная статуэтка или вырезанный из дерева или камня образ; идол — это симулякр Совести.

Поэтому, снова-таки, важнейшая задача человека — это стать Человеком. А Человек, как нам о том поведано, создан по образу и подобию Божьему. Или, если угодно, истинное человеческое «я» тождественно «Я» — оно же Атман, Брахман, лишённая «я» Природа Будды или плодородный Вайд, Тишина, Сострадательный Творец и Неумолимый Разрушитель миров и всевозможных «я».

Наипервейшая задача человека — памятовать о своём высшем «Я».

Итак, «самое главное». Человек, чей уровень сознания производил благотворный эффект на окружающих, главным образом, укрепляя в них желание памятовать о своем «Я», находился по ту сторону массивной двери. В

течение всего дня он встречался с теми, кто нуждался в руководстве на трудном пути самопознания. У кого-то в вопросах прорывались сильные эмоции, связанные с личными или семейными проблемами, здоровьем или деньгами. Другие стремились понять причины их недостойного поведения в тех или иных жизненных ситуациях. Кто-то страдал от неспособности совершать необходимые духовные усилия из-за разного рода сомнений. Главным же источником этих сомнений была мысль, что людям жизнь дана не только, так сказать, в их личное пользование, но и для какой-то более глобальной цели. Т. е. это был тот тип искателей, которые соглашались во что-то верить, лишь потрогав или ощутив это в привычном, физическом смысле. Без непосредственного опыта незримой Высоты, идея высшего «Я» могла мотивировать таких людей лишь до определённой точки.

Было множество других вопросов, равно как и типов посетителей.

Всем этим людям этот исключительный человек пытался помочь увидеть, что, в первую очередь, все их социальные, психологические и материальные затруднения проистекают из-за нехватки внутренней сознательности. Любая сложность человеческой жизни, включая трагическую неспособность жить в соответствии с подлинными нравственными идеалами, так или иначе связана с тем, что мы реализуем лишь малую толику своего потенциала, тогда как мы созданы для осознания и реализации своей истинной, высшей природы. Ни счастье, ни безопасность, ни любовь, ни высокое предназначение не способны угнездиться в нашем привычном духовно вялом внутреннем состоянии. Нам,

не имеющим реальной связи со своим высшим «Я», неведомо значение и сила подлинного действия, способность желать Добра и быть Добром.

Из этого духовно вялого состояния проистекают бесконечные нарушения божественного долга перед своим ближним. Эта духовная бедность порождает извечный человеческий конфликт, разрешимый только вовне в той или иной форме насилия, включая страшное проклятие войны.

Таким образом, все человеческие проблемы, неважно, внутренние или внешние — это признаки и следствия нашего духовного кризиса. И все виды их решения, будь то социальные, экономические, психиатрические, технологические и т.д., рано или поздно терпят крах. Причина заключается в том, что эти решения исходят из более низких аспектов человеческой природы, пытающихся выполнять работу более высоких её иерархий. В этом смысле, все «решения» в нашей индивидуальной или общественной жизни суть идолы — симулякры совести, инструменты действия, лишь маскирующиеся действием. Только высшее «Я» способно должным образом распоряжаться деньгами, технологиями, капитализмом, математикой. Это в равной степени относится как ко всему миру, так и каждой отдельно взятой жизни — только высшее «Я» способно совладать с инструментами человека (или «животными» на языке античности): только «Я» способно действительно раскрыть сокровищницы человеческого ума — того самого ума, который превращается в опаснейшее оружие, когда человек низводится до пассивного «психофизического материала». Лишь «Я» способно распоряжаться нашей драгоценной сексуаль-

ностью; заложенной в нас интуицией с её молекулярным восприятием органической жизни; нашей креативностью и артистизмом, способными создавать удивительнейшие творения. Но пока что они орошают наши выжженные жизненные ландшафты не более, чем редкие дожди — какую-нибудь пустыню.

Все приходящие к этому человеку обо всём об этом, конечно же, знали, но им нужна была его помощь, чтобы это знание смогло проникнуть в их сердца. Он помогал каждому осознать, что возможно и должно созерцать свой внутренний разлад посредством беззвучного, тихого внимания, позволяющего высшему «Я» проникать в тело, сердце и ум.

Я тоже об этом знал, дожидаясь своей очереди — встреча откладывалась уже почти на час. Я глянул на часы и понял, что вряд ли уже получится пообщаться, учитывая его скорый отлёт на родину. Но меня устроила бы и коротенькая встреча, так что я продолжал ждать, пытаюсь подобрать слова для своего вопроса, нащупать их в себе. У меня были некоторые проблемы в семейной жизни, а также определённые сложности с осознанием своих недостатков.

Внезапно, я услышал за дверью скрежет стульев и слова прощания. Внутренне я подготовился войти.

Но перед тем, как успела отвориться дверь, произошло нечто, что стало для меня толчком для совершенно нового восприятия этики.

Должен сказать, что всё это случилось за каких-нибудь несколько секунд, уж точно не больше минуты.

Я всё стоял и пытался не «расплескать» свою внутрен-

нюю собранность, когда, к моему удивлению, другой человек с шумом ворвался в маленький вестибюль, где я дожидался аудиенции. Я хорошо знал этого человека — это был некий Джастин Лендер. Он был членом маленькой группы мужчин и женщин, с которыми мы проводили регулярные встречи и обсуждали вопросы и опыты, связанные с самопознанием. Очевидно, предприимчивый мистер Лендер сам решил назначить встречу с человеком по ту сторону двери. Почему бы и нет? Я рассказал об этом человеке всем, в т.ч. и ему, но только мистер Лендер проявил инициативу. «Инициатива» или, если быть более точным, «нахрап», была вторым именем Джастина Лендера.

Ему было немногим за сорок, и он уже успел сколотить небольшое состояние, занимаясь продажей недвижимости. Иногда, и всегда это было неожиданно, он наведывался в мой класс и принимал живейшее участие в обсуждениях, совершенно не стесняясь рамками того, что в тот момент обсуждалось. Однако, несмотря на это в нём совершенно чётко угадывалась жажда познаний, а за его раздражающей назойливостью — деликатное желание быть полезным.

Когда он вломился в вестибюль, моей первой реакцией, после вспышки раздражения, была жалость к нему. Было уже поздно, и он явно не успевал увидеться с человеком, о котором был так много наслышан.

Я начал уже ему объяснять, чтобы он не ждал понапрасну, как вдруг у меня внутри всё стихло.

Я посмотрел на него. Мне не нравился этот человек. Хотя я также не мог сказать, что он был мне как-то особенно неприятен. Скорее, мне он нравился и не нравился в

одинаковой степени, и в обоих случаях не было какой-то ярко выраженной эмоции. Через меня струился как бы тихий ветерок, уносящий все мои суждения подобно ласковому утреннему отливу, быстро и бесшумно уносящей в море все подхваченные им с берега вещи.

Я больше не испытывал к нему жалости. Моё законное право на столь желанную и необходимую мне встречу также оказалось унесённым в это море.

В моём уме не возникло и тени мысли о «жертвенности». Также не было мыслей в том ключе, насколько важно было встретиться мистеру Лендеру с этим мудрым человеком для своего внутреннего развития. Не было абсолютно никакой борьбы с моим эго, потребностями или желаниями: не было никакого расчёта, мобилизации нравственных принципов, сделок со своим умом или эмоциями. Слово или идея «должен» вообще не посетила мой ум. Не было и какого-то особого сострадания к мистеру Лендеру. Не было ощущения «долга».

Всё, что можно сказать о том моём состоянии, т.е. о более утончённом и плотном внимании, вошедшем до некоторой степени в моё существо — я воспринял и освежился универсальным законом. Этот закон, настолько же осязаемый как и закон гравитации, мгновенно, тихо и ненавязчиво воздействовал на мой ум и тело. Этот закон словно гласил: «Он пришел к тебе, ты его принял, а сейчас дай ему пройти первым».

Это было не повелением, а как бы предначертанием. Не я *должен* был его пропустить, но такова была *данность*. Я мог его пропустить. Я был *в состоянии* его пропустить.

Здесь этот закон можно сформулировать примерно так: «Благодаря твоему внутреннему состоянию ты в какой-то степени *способен* [нравственно] действовать. И если человек способен действовать, по логике вещей он должен вначале позаботиться о благополучии своего ближнего».

Ничего из этого, конечно же, не было проговорено. Слова — лишь тщетная попытка как-то описать это внутреннее переживание.

Так или иначе, пока дверь отворялась, я сказал мистеру Лендеру самым будничным тоном: «Я как раз уже собирался уходить».

И когда я уже почти покинул вестибюль, массивная дверь полностью отворилась. Посетительница, неизвестная мне пожилая женщина, тепло пожимала руку человека, с которым я пришел повидаться, а мистер Лендер, приглашенный жестом войти, протискивался между женщиной и дверным проёмом.

Перед тем, как закрылась дверь, я взглянул на человека, ради которого я там находился. В его глазах мелькнуло удивление, и затем я ощутил уже более глубокий и пристальный взгляд — в нём читалось надличностное понимание происходящего у меня внутри. Он закрыл дверь за мистером Лендером. Я же покинул вестибюль и вышел из здания.

Внутри меня была полнейшая тишина!

Стоит также обратить внимание на то, что когда Юнг в первый раз пережил некое подобие нирвикальпа самадхи, он был вписан в контекст протестантизма, Венка-

тараман — индуизма, а Нидлман, к тому моменту имевший уже некоторую духовную опытность, исследовавший множество религиозных и философских течений и чувствовавший себя довольно вольготно в «межмембранном» религиозном пространстве, имел всё же особое тяготение к иудейскому мистицизму.

А что же ислам или буддизм, можно ли найти примеры нирвикальпа самадхи в этих традициях или в каком-то ином, «межмембранном» пространстве? Если верить непосредственному опыту просветления Будды — можно. Если принимать на веру восхождение пророка Мухаммеда на седьмое небо, где он имел «аудиенцию» с Богом — можно. И если верить опыту индийского святого Рамакришны (в изложении Ромена Роллана) — тоже можно:

Храм, в котором он служил, часто видел в своих стенах мусульманских факиров. Хозяйка Дакшинешвара, Рани Расмани, эта разбогатевшая простолюдинка с широкой душой, преисполненной горячей веры, пожелала, чтобы при храме было помещение для случайных гостей других верований. Рамакришна заметил однажды среди молящихся скромного мусульманина, Говинда Рая, поглощенного своей молитвой, и сквозь оболочку распростёртого тела увидел, что этот человек путём ислама тоже познал Бога. Он попросил мусульманина посвятить его в свою веру. Жрец Кали на много дней отрёкся, совершенно забыл своих богов. Он перестал им поклоняться, перестал даже думать о них: он жил вне храма, повторял имя Аллаха, одевался на манер магометанина, готов был даже (о святотатство!) вкушать запрещенную пищу, мясо священного животного,

коровы. Его хозяин и покровитель Матхур-бабу в ужасе умолял его отказаться от этого шага и потихоньку поручил одному брахману приготавливать ему под руководством мусульманина пищу, чтобы предохранить его от скверны. Эта способность целиком отдавать себя чужому строю идей имела результатом, как всякое духовное движение этого страстного художника, материализацию идеи: ему явился сияющий образ человека, со строгим ликом, с длинной бородой (должно быть, таким он представлял себе пророка?), который приблизился к нему и влился в него. Рамакришна осуществил мусульманского Бога «Брахмана с атрибутами». От него он далее перешёл к «Брахману без атрибутов»; река ислама привела его к Океану.

Впоследствии толкователи его учения объясняли этот опыт, последовавший непосредственно за его великим слиянием с Абсолютом, в том смысле, очень важном для Индии, что мусульмане и индусы, эти братья-противники, смогут объединиться только на почве Адвайты, Бога без образа, в честь которого «Ramakrishna Mission» позднее построила в глубине Гималаев святилище, краеугольный камень огромного и сложного здания всех религий.

Семь лет спустя — я располагаю факты в таком порядке для удобства изложения — подобного же рода опыт помог Рамакришне «реализовать» христианское учение. Приблизительно в ноябре 1874 года некто Малик, индус из Калькутты, владевший садом в Дакшинешваре, прочитал ему Библию. Рамакришна впервые встретился с Христом. Вскоре после того божественное слово претворилось в плоть. Жизнь Христа тайно проникла в него.

Однажды, сидя в маленькой гостиной своего приятеля, богатого индуса, он увидел на стене изображение Мадонны с младенцем. Фигуры ожили. Развернулась обычная сцена в неизменном порядке: святые видения приблизились, влились в него. И все его существо прониклось ими. На этот раз наводнение было гораздо сильнее, чем наводнение ислама. Оно затопило всю его душу. Никакая плотина не могла удержать его. Все индуистские идеи были унесены. Рамакришна в ужасе бился в бушующих волнах, он кричал: «О Мать! Что ты делаешь? Помоги мне!»

Напрасно. Бурный прилив затопил всё. Душа индуса изменилась. В ней не было места ни для чего, кроме Христа. В течение многих дней ею владела только христианская мысль, только христианская любовь. О том, чтобы пойти в храм, не было и речи... Однажды днём в рощице Дакшинешвара он увидел человека с большими прекрасными глазами, с ясным взглядом и светлым лицом; он был очарован, не знал, кто бы это мог быть. Незнакомец приблизился. В душе Рамакришны запел голос: «Вот Христос, проливший кровь своего сердца для искупления людей, вот тот, кто испил море страданий из любви к людям. Это он, Учитель йогов, вечный союзник Бога. Это Иисус, воплощенная любовь».

Сын человеческий поцеловал индийского духовидца, сына Матери, и растворился в нём. И Рамакришна погрузился в экстаз. Еще раз осуществилось слияние с Брахманом. Потом постепенно он вернулся в нормальное состояние. С того времени он сохранял веру в божественность Иисуса Христа, считая его воплощением Господа.

Но не единственным: Будда, Кришна были для него тоже воплощениями Бога...

Даниил Андреев, чьи откровения во многом легли в основу «Космологии», благодаря своим поразительным метафизическим переживаниям особенно остро осознавал, что не только мир горний может быть источником изменённых состояний сознания — он получил довольно исчерпывающее представление и об исподнем мире. К тому же в православии, из лона которого он происходил, существует понятие «прелёсти», т.е. опытов, уводящих от сугубых вещей, и не зная об этом он просто не мог. В этой связи, для него, по его же описаниям, неким высшим метрономом в его духовных переживаниях являлся «голос сердца», т.е. внутренний покой и радость, читай *витки*, а также здравый смысл, т.е. *нить*. Можно ли это считать некими временными состояниями нирвикальпа самадхи или, по крайней мере, его отблесками? Вполне. Есть ли вероятность, что не все его опыты или рассуждения согласуются с Высшей реальностью? Это также не стоит сбрасывать со счетов, тем более, что сам он такую вероятность не исключал. Но если взять за критерий возвышенную радость с одной стороны и здравый смысл — с другой, разве можно истолковать, к примеру, нижеследующий его опыт как-то иначе, чем инспирированный Светлыми силами?

В ноябре 1933 года я случайно — именно совершенно случайно — зашёл в одну церковку во Власьевском переулке. Там застал я акафист преподобному Серафиму Саровскому. Едва я открыл входную дверь, прямо в душу

мне хлынула тёплая волна нисходящего хорового напева. Мною овладело состояние, о котором мне чрезвычайно трудно говорить, да ещё в таком протокольном стиле. Непреодолимая сила заставила меня стать на колени, хотя участвовать в коленопреклонениях я раньше не любил: душевная незрелость побуждала меня раньше подозревать, что в этом движении заключено нечто рабское. Но теперь коленопреклонения оказалось недостаточно. И когда мои руки легли на ветхий, тысячами ног истоптанный коврик, распахнулась какая-то тайная дверь души, и слёзы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо. И, по правде сказать, мне не очень важно, как знатоки всякого рода экстазов и восхищений назовут и в какой разряд отнесут происшедшее вслед за этим. Содержанием же этих минут был подъём в Небесную Россию, переживание Синклита её просветлённых, нездешняя теплота духовных потоков, льющихся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлём. Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь — один из ярчайших светильников Русского Синклита, приблизился и склонился ко мне, укрыв меня, словно эпитрахилью, шатром струящихся лучей света и ласкового тепла. В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму — и — удивительно! — переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой.

У Григория Померанца, одного из наиболее блестящих современных российских мыслителей, был довольно глубокий духовный опыт, опять-таки, в «межмембранном» пространстве, оставивший на нём неизгладимый отпечаток и обладавший всеми признаками нирвикальпы:

Природа сравнивается с машиной, которая перемалывает самое драгоценное, что существует: божественную личность. Натолкнувшись на всё это и будучи девственно невежественным в философии (потому что философию я знал только Маркса—Энгельса и Ленина, а они этими вопросами никогда не занимались), увидел, что не только я, мальчиком в 16 лет, а такие великие люди стояли в тупике перед этой задачей, и надо попытаться *пойти навстречу своему страху, досмотреть до конца* — может быть, что-нибудь высмотрю. И я придумал себе такое краткое заклинание: «Если бесконечность есть (имелась в виду материальная бесконечность, другой я себе не представлял), то меня нет, а если я есть, то бесконечности нет.» Я на этом сосредоточился и в течение трёх месяцев ворочал эту фразу в голове. Анализу она не поддавалась. Я не знал слова медитация и прочих слов, но фактически я три месяца занимался медитацией над этой загадкой, которая представляет собой чистейшей воды дзэнский вопрос. Именно такие загадки дзэнские бонзы дают своим ученикам, чтобы они впали в состояние отчаяния и, пройдя сквозь отчаяние, пришли к какому-то другому уровню сознания. Идея такой практики заключается в том, что порок — в нашем неправильном устройстве ума. Если устройство ума завело нас в тупик и мы

всмотримся в этот тупик, то в конце концов прорвёмся сквозь то неправильное устройство ума, которое нам внушено неправильной цивилизацией. Действительно, месяца через три мне пришли некоторые решения, которые связаны были с чувством освобождения и какой-то радости. Любопытно, что их было два. Это было, вероятно, для меня намёком на то, что дело не в словах, что слова могут быть разные. Но я по глупости этого намёка не понял.

Я решил, что действительно важны именно эти решения. Одна моя знакомая тогдашняя сказала, что изобрёл я очень старые вещи. Первое решение было зернышком объективного идеализма, а второе — субъективного идеализма. То есть ничего нового я, конечно, не придумал, но важно, что пережил. Я ей не поверил и впал в характерную ересь, связанную с самостоятельным путём — в то тщеславие графомана, который придумывает то, что людям уже известно, но воображает, что он — великий открыватель. И в результате опыт был сперва мало плодотворным. Вообще важен не только опыт, а то, как мы потом его поймём. Понимание опыта может постепенно возрастать, углубляться. В ближайшие годы этот опыт мне почти ничего не давал. Я его вспомнил только в отчаянном состоянии.

В 42-м году к северо-западу от Сталинграда я испытал очень сильное чувство страха. Знаете, в первом бою я не испытал страха и поэтому совершенно спокойно, когда мне довольно простое задание дали, я пошел куда-то. Я не был готов к тому, что страх надо с трудом преодолевать. У меня было впечатление, что я его довольно легко преодолеваю. Но оказалось то, что я потом назвал психической травмой ранения. Я в

феврале был ранен и контужен взрывом бомбы, и когда я увидел снова бомбёжку, во мне бессознательно всплыл ужас, уже испытанный. И в течение получаса я с большим трудом боролся (единственный раз в моей жизни) с совершенно паническим страхом: настолько, что лёжа на земле, напрягал всю свою волю, чтоб не броситься куда глаза глядят. Будучи интеллигентом, и следовательно, привыкнув не только чувствовать, но и наблюдать за своим чувством, я употребил всю свою волю, чтобы разум господствовал. Но, разум мог добиться только того, чтобы не бежать куда глаза глядят, но подавить это мучительное чувство страха я не мог разумом. Тогда, перебирая различные аргументы против страха, я вспомнил, что я не испугался бездны пространства и времени, так неужели я испугаюсь нескольких немецких самолётов? И знаете, за этой фразой, достаточно наивной, у меня всплыл опыт преодоления метафизического страха. И моментально физический страх пошёл на убыль — и я больше в течение всей войны ничего подобного не испытывал. И я опять осознал это по сути гораздо позже, а тогда в такой наивной форме это подбадривание сработало.

Что это мне позволило понять? В конце концов мой опыт важен не сам по себе, а только как возможность понять какие-то другие, гораздо более важные вещи. Например, когда я лет через двадцать познакомился с буддизмом дзэн, я его очень легко понимал. Потому что путь дзэн — это растравить в себе чувство метафизической тоски, доходящей до отчаяния, а потом пройти сквозь отчаяние. И тогда ты чувствуешь, что тоска была связана с неправильным устройством ума. Это во мне было уже заложено, и я быстро понял, что у меня был стихийный

дзэнский опыт. Но дело в том, что я таким образом мог понять и другие вещи, в том числе и в христианской традиции. Например, почему Бог заговорил с Иовом, а не с его друзьями. Друзья его мыслили систематически и очень правильно. Иов мыслил беспорядочно, бессистемно, задавал вопросы Богу, на которые не было ответа — и проклинал божий мир. Но как раз в этой мучительной борьбе Иова, в его состоянии на краю полного отчаяния и было что-то, что раскрывало глубину сердца. Тогда как логические схемы, которые чётко и ясно излагали его друзья — они загораживали Бога богословием. Потому что богословие — ещё не Бог, и Бог скорее заговорит с отчаявшимся человеком, чем с систематическим богословием...

И снова мышление, т.е. *нить*, сопутствует духовному переживанию, более того, помогает ему развиваться дальше — просветить инстинкт самосохранения в *животном «я»*.

В свете всего вышесказанного, читателю, вероятно, будет небезынтересно ознакомиться со следующей моей прозаической миниатюрой:

У Пророка Мухаммеда был такой, выражаясь современным языком, челлендж — мубахилá. Тем, кто вступал с ним в религиозный спор, он предлагал торжественно засвидетельствовать перед Богом свои взгляды и пригласить на свою голову беду, окажись они несосто-

ятельными, не отражающими духовную действительность. Не знаю, чем оканчивались эти челленджи для тех, кто всё-таки отваживался на них — таковых, как гласит предание, были единицы — но для спорщиков это становилось, грубо говоря, проверкой на вшивость: проходил отсев на тех, кто верил во что-то слепо, инерционально, и тех, кто исповедовал свою религию осознанно. Можно предположить, что верящие слепо отсеивались сразу за неимением твёрдой внутренней основы — срабатывал инстинкт самосохранения. Более сознательные индивиды, должно быть, оказывались орешками покрепче, особенно, если их взгляды подкреплялись личной духовной опытностью. Но многие и из этого просева не решались вписаться за какие-то слишком отвлечённые вещи как, например, триединство Бога или божественность Христа в отличие, скажем, от чисто пророческой миссии человека по имени Иисус в исламской её трактовке. По сути, это вынуждало оценить пределы своего знания — вынужденность проистекала из риска своим благополучием, земным и/или загробным — так что челлендж этот был весьма онтологичен.

Идя дальше в ключе сравнительного религиоведения, сложно сказать, существуют ли прямые указания на Христа в индуизме — в этой рыхлой традиции со множеством течений и сект место найдётся многим, даже Дональду Трампу — но грозное божество Кальки, въезжающее на белом коне в мир человеков для некоего их тотального «раскладывания по полочкам», в общем и целом, совпадает с Христом апокалипсиса. Так или иначе, что ещё наличествует в индуизме, в философском его изводе, и имеет самое прямое

отношение к затрагиваемым здесь моментам — понятие «нирвикальпа самадхи», т.е. осознание без сомнения. Главным образом, это означает осознание своего Божественного «Я», заявляющем о себе маленькому человеческому «я» с некоей тотальной, несомненной очевидностью. Это также подразумевает такую связь между внутренней опытностью и какими-то более внешними её проявлениями, в т.ч. проговариванием своего опыта, при которой у находящегося в нирвикальпа самадхи не возникает и тени сомнения в своих словах, поскольку они проистекают из чего-то божественного, незыблемого, вечного. В отличие от фанатизма, также не предполагающего каких-либо сомнений, или фундаментального, но сухого и всё же ограниченного научного знания, или духовных опытов более сомнительного порядка, нирвикальпа самадхи овеяна особой возвышенностью и благородством — печатью Духа. Схематично, любое знание можно представить в виде множества точек, а то, что их связывает в определённые созвездия и кристаллические решётки — взгляды и мировоззрения — являет собой своего рода клейковину, эмоциональную ли, ментальную, духовную. В случае с нирвикальпа самадхи, подобной клейковиной, так или иначе, выступает Дух. В этом свете, мубахила — это челлендж клейковины, и только тот, кто находится в нирвикальпа самадхи, может по-настоящему достойно его встретить. С другой стороны, способный бросить подобный челлендж другим, вероятно, также знает о нирвикальпа самадхи не по наслышке — речь не о букве, а сути.

Если немного осовременить мубахилу и применить её не только к религиозным, но и политическим вопросам,

примете ли Вы лично этот челлендж, если, конечно, исходить из того, что Вы — человек верующий? Сможете ли Вы поставить на кон своё здоровье, благополучие, жизнь, даже загробную участь в том же украинском вопросе? Скажем, если Вы за что-то неистово, или истово, топите, но при серьёзном риске усомнитесь и даже откажетесь от своих слов, чего тогда будут стоить Ваши взгляды и то, что их «склеивает»? Сможете ли Вы сказать, к примеру, что Россия — права или Украина — права, или обе одинаково неправы, и пусть разразит меня какой-нибудь условный гром, если я неправ? Если не сможете, и не только в этом вопросе, но и во многих других вопросах, задаваемых жизнью, то гносеологически Ваша клейковина — размазня.

Самое последнее утверждение, конечно же, в равной степени может относиться и ко мне самому, т.е. существует риск, что и моя собственная клейковина есть не более, чем размазня или, по крайней мере, не вполне ещё кристаллизовавшаяся масса. Все приведённые мной опыты и мысли уважаемых мной личностей и явная или кажущаяся их связь с нирвикальпа самадхи, и само нирвикальпа самадхи — разве это пережитая лично мною реальность? Да и реальность ли всё это, скажем, с научной точки зрения? Как не существует святóметра, измеряющего святость, так нет и прибора, при помощи которого можно было бы доподлинно сказать, к примеру, этот находится в нирвикальпа, а тот — нет; этот учитель — истинный, а тот — «волк в овечьей шкуре»; это учение или религия — верна́, а та — «клюква», которую нельзя брать в рот ни при каких обстоятельствах. На все экзистенциальные вопросы, к счастью или к несчастью, ответы можно найти только во внутреннем, психи-

ческом, или лучше сказать, психофизиологическом мире, а не благодаря каким-то внешним, техническим приспособлениям.

В самом начале, ещё в предисловии, однако, я дал понять, что считаю своё восприятие «небезнадёжным», иными словами, что гносеологически — я не только лыком шит. В своё время я принял челлендж Пророка Мухаммеда и прошёл через него невредимым, так что, по крайней мере, у ислама не должно быть ко мне претензий. Хотя в христианстве подобные челленджи не практикуются, есть очень суровое евангельское предостережение:

Сказал Господь: кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море. И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки её: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает.

Поскольку я пишу о Христе достаточно... неортодоксально, и как бы есть вероятность, что тем самым я соблазняю «одного из малых сих», то не далее, как пару месяцев назад, я обратился к Христу примерно с такими словами: «Ты видишь, Господи, что я не изменю своих представлений о Тебе, и ничто не способно поколебать моего внутреннего чувства правоты. Поэтому пусть в течение этого дня я либо каким-то образом сгину, либо серьёзно покалечусь — только *это* сможет переменить мои взгляды о Тебе и пресечь меня от того, чтобы я ими делился с другими и тем самым потенциально сбивал их

с истинного пути». Мой друг засвидетельствовал это обращение и должен был его опубликовать, если бы челлендж закончился для меня летально. Но, как уже понял читатель, тот день я благополучно пережил, и моя совесть чиста теперь не только перед исламом, но и христианством. Впрочем, если признаться, у меня не было сомнений, что всё разрешится именно таким образом. Почему? Приоткрою карты своей клейковины:

Несколько лет назад я написал *Книгу-беспокойство* — такое себе размышление, с претензией. Относительно недавно её переписал, что-то убрал, что-то добавил. Пришлось убрать в т.ч. довольно важные моменты, которые плохо укладывались композиционно. Что это за моменты? Свидетельства людей, связанных, в основном, с христианской традицией, о том, что в традиции восточной можно запараллелить с Кундалини. Что такое Кундалини? Говоря христианским языком, это душа, вернее, её тончайшая, бессмертная эссенция, «невеста», которая, восставая из земли, читай физического тела человека, зажигает в нём духовный свет. В этом, по моему глубочайшему убеждению, состоит подлинный «механизм» воскрешения из мёртвых. Кундалини проявляется в виде вполне осязаемых физических ощущений, потока или волн от основания позвоночника до макушки головы. Этому может сопутствовать ощущение прохлады или жара в теле и над головой (жар будет сигнализировать о препятствиях на её пути). Физикой, конечно, всё не ограничивается и не увенчивается: на уровне качеств, эмоций и чувств, Кундалини — это целомудренность, тяга к высокому, особая возвышенная радость или восхищенность, лю-

бовь. Соединившись с Духом, она транслирует в сознание человека глубокий покой. Могут случаться, хотя и крайне редко, интенсивные переживания Божественности. Пожалуй, этого достаточно для самого общего понятия о Кундалини, прочие «технические характеристики» не столь важны. Стоит также отметить, что в той или иной степени многие эти вещи я испытал на себе.

Задолго до написания *Книги-беспокойства* (если взять это «знаменательное» событие за точку отсчёта), мне довелось обменяться несколькими письмами, пусть и электронными, с Григорием Померанцем и его супругой Зинаидой Миркиной. Я послал Григорию Соломоновичу своё эссе, содержание которого сейчас помню смутно, что-то около-юнгIANское. К моему удивлению, он ответил, и ещё большей неожиданностью стал его восторженный отклик на мой текст. В полученном от него письме было и несколько одобрительных строк от Зинаиды Александровны. Вот я смотрю «Школу злословия» с этими потрясающими, героическими, высокодуховными людьми, и вот я с ними общаюсь. К тому времени о Кундалини я уже знал не по наслышке в контексте Сахаджа йоги, и не мог не поднять в нашей переписке столь важную для меня тему. Помнится, что реакция их была довольно сдержанной и даже настороженной. Вместе с тем, Зинаида Александровна призналась (цитирую практически дословно), что уже давно интуитивно обнаружила в себе поток, поднимающийся по позвоночнику к темени. В том, что это была Кундалини, я лично нисколько не засомневался, поскольку, помимо схожих «симптомов», моя собственная Кундалини отреагировала на неё радостной

волной — можно это считать своего рода верификацией. Да, я сказал, что Зинаида Александровна считала себя (как и Григорий Соломонович, она уже отошла в мир иной) пусть не воцерковлённой, но христианкой? Считайте, что сказал.

Некоторое время спустя, я познакомился с одной женщиной, вначале виртуально, а затем и в реальной жизни. Она оказалась глубоко верующей православной христианкой. В одном из наших общений она описала своё переживание божественности Христа — ей было тогда что-то около двенадцати лет и в тот знаменательный момент она читала Библию — и опыт этот вполне уложился, по юнгианской терминологии, в «комплекс Кундалини». Помимо восхীщенности, там был и поток вдоль спины, и разверзнувшаяся над головой бесконечность (по восточным понятиям, Кундалини должна подняться до седьмой чакры на макушке головы). Словом, это переживание её перевернуло. Если не ошибаюсь, термин «Кундалини» она впервые услышала от меня, и когда я провёл параллели между её опытом и пробуждением Кундалини, ей было сложно не признать общие моменты. Впоследствии, эта женщина стала моей женой и чувствует то, что я называю «Кундалини», и по сей день, главным образом, в связи с чем-то божественным и прекрасным.

А ещё у меня есть друг, лучше новых двух. По всей видимости, благодаря нашему с ним многолетнему общению у него пробудилась Кундалини, хотя лично для меня это не столь важно — благодаря или параллельно. Так или иначе, с каких-то пор он стал чувствовать музыку, будь-то индийские раги или сочинения Баха, на

совершенно ином, «тонком» уровне, получая от этого намного большее наслаждение. Поскольку я сам воспринимаю музыку схожим образом благодаря своей Кундалини, параллели напрашиваются сами собой, особенно если учесть, что он также способен чувствовать поток вдоль позвоночного столба и прохладу. По причинам, о которых здесь умолчу, у моего друга была пара-тройка видений ада и, довольно недавно, ошеломительное видение рая. В одном из его «сошествий» в ад ему явился Христос и вытащил его оттуда. Можно ли назвать моего друга христианином? По крайней мере, некоторые элементы язычества и нью-эйдж он отбросил, читает христианские молитвы, а не, к примеру, буддистские сутры, и признаёт Христа Богом. Параллельно со всем этим он продолжает чувствовать Кундалини и, кажется, ничего против этого не имеет.

Что здесь можно добавить. Я по-прежнему вписан в контекст Сахаджа йоги и признаю Шри Матаджи, основательницу Сахаджа йоги, как божественную личность. Более того, в моём «иконостасе» Она занимает главенствующую роль. Стоит здесь сказать, что моё признание Шри Матаджи целиком и полностью зиждется на реакциях Кундалини, а не слепой вере или интеллектуальных построениях. Будучи православной, моя супруга относится к моему пути с некоторой «фигой в кармане», хотя во время одной из молитв она получила в отношении меня вполне чёткий ответ Оттуда: «Не суди». Старается не судить. Мой друг, видимо, в порыве неопитства, подозревает меня в бесовской гордыне, но тоже старается не судить (как это приличествует доброму христианину). Я же продолжаю недоумевать, как у них получается, с одной стороны, чувствовать то, что я

называю «Кундалини» и признавать все параллели, а с другой — не додумывать мысль до конца, до логической вертикали, о которой идёт речь в *Книге-беспокойстве*. Нам весело друг с другом.

Этот текст, однако, не так много объясняет именно в гносеологическом плане, т.е. не даёт какой-то предыстории развития моих отношений с Кундалини и «прорывов» в сторону несомненности или, если угодно, некой формы или стадии нирвикальпа самадхи. Следующий мой автобиографический экскурс должен восполнить этот пробел:

В раннем детстве, мне, то и дело, снились кошмарные сны без каких-то явных тому толчков из повседневности. Из того, что наиболее отпечаталось в памяти:

Сижу у костра в компании незнакомых мне людей, и тут они мне заявляют, что собираются меня зарезать. Исход был, однако же, благополучным: отпрянув от них, я взлетел и оказался, перематывая события вперёд, на попечении у женщины в белом одеянии, укрывшей меня белой простыней.

Окружающая меня местность напоминает неоконченную стройку или развалины. Перехожу через металлический мостик и чувствую, что внизу, в резервуаре с мутной водой, находится нечто, от чего мои движения и сердце сковывает ужас.

За мной гонится злобная, уродливая старуха; мы добегаем до дерева и начинаем вокруг него кружить. Затем я просто отшагиваю в сторону и

*наблюдаю, как старуха продолжает наматывать
круги словно бы по инерции.*

Можно привести ещё пару-другую примеров, но лучше «соль»: исходя из того, что сны способны отражать духовную или метафизическую реальность, с тёмной её стороной моё знакомство произошло довольно рано. Кажется, не совсем обошёл меня вниманием и Свет.

Лет с четырех-пяти у меня развивается заикание. Казалось бы, в этом штришке нет ничего примечательного. Однако, годы спустя — через некоторое число страниц — откроется более глубокий пласт моего логоневроза.

Подростком я слушал, помимо прочего, хеви-металл, «тяжёлый металл», включая тяжелейшие его формы (впоследствии, когда появилась возможность ознакомиться с текстами некоторых песен, я был несколько ошарашен их запредельной жестокостью и извращённостью). Хотя тяга к самой музыке долгое время не выветривалась, с этим музыкальным направлением, в конечном итоге, мне пришлось распрощаться. Не без некоторого над собой усилия. Как и заикания, этой темы я ещё коснусь.

Когда мне было примерно лет четырнадцать, тьма (в метафизическом смысле) дала о себе знать довольно бесцеремонно. Когда я лежал в кровати, к моему ужасу меня стало затягивать куда-то «внутрь и вниз», при этом моя личность как бы дробилась на части, я буквально сходил с ума. Это сопровождалось чувством сильнейшего удушья. Сколько это длилось — точно сказать не могу, но, в конечном итоге, мое «я», к неизъяснимой моей радости, встало на место. Ничего подобного ни до,

ни после этого со мной больше не происходило.

В те же самые подростковые годы, моё отношение к Богу окончательно переросло в неприятие. Ещё ребенком я подспудно знал, что Он существует и, в том числе, пребывает в курсе всех моих дел и делишек. С другой стороны, познавая жизнь всё больше, мне сложно было соотнести всемогущество и всеведение Бога с какими-то вопиющими вещами, происходившими и всё еще, к сожалению, происходящими в мире. Даже когда, впоследствии, во мне пробудился духовный поиск, мне хотелось вынести Бога за скобки, не устанавливать с Ним каких-либо отношений, т.к., по большому счёту, у Меня были серьёзные претензии к Его справедливости, способности любить и сострадать. Я прикидывал, что, будучи на Его месте, я создал бы мир как-то иначе либо, зная заранее, чем всё это обернется (ведь Он же всезнающий, не правда ли?), не создавал бы ничего вообще. Забегая несколько вперёд, можно сказать, что в ряде моментов я солидаризировался с лагерем, враждебным к Богу, когда для меня наступило что-то вроде *момента истины*.

Под моментом истины, собственно, имеется в виду тот поворот, тот главный водораздел в моей жизни на *до* и *после*, когда я начал практиковать медитацию. Мне было тогда около двадцати лет. Хотя в некоторых вещах я был и остаюсь всё ещё грешен и *после*, особенно же был *до*. Это к тому, что, подойдя к важному для меня жизненному рубежу, я нёс, в том числе, груз совершённых мной ошибок. Говорю это не из какой-то нарочитой исповедальности, а по той лишь причине, что все вышеозначенные вещи сильно отразились на качестве моей медитации, по крайней мере, в первые годы.

До сих пор, я сознательно не привязывал медитацию к какому-то конкретному духовному течению. Более того, я решил назвать это своё эссе по аналогии с *Просто христианством* Клайва Льюиса, в котором он вычленяет какие-то общие для всех христианских деноминаций моменты — что-то в таком роде, правда, в отношении медитации, задумал осуществить и я. Однако, медитация или, лучше сказать, медитации не бывают безликими: в зависимости от породившего их «лона», они несут в себе такую-то метафизическую составляющую, такой-то набор принципов и техник, и преследуют такие-то, а не иные цели. Мой личный выбор пал на Сахаджа Йогу. Не могу не рассказать о том, что на это повлияло, а также, так или иначе, этому сопутствовало.

Ещё до знакомства с Сахаджа Йогой, из разных источников я вынес довольно противоречивые сведения о некоей энергии Кундалини, находящейся то ли в основании позвоночного столба, то ли на уровне промежуточной, то ли где-то в области желудка; связанной то ли с сексом, то ли не имеющей к нему никакого отношения; то ли несущей опасность своим пробуждением и вызывающей какие-то нежелательные побочные эффекты, то ли изменяющей сознание деликатно или, по крайней мере, без каких-то эксцессов вроде звероподобного поведения или утраты вменяемости. Все источники, однако, сходились в одном: пробуждение этой энергии и поднятие её до самой макушки головы или так называемой *седьмой чакры* давало выход за обычные рамки восприятия в некую иную, более высокую реальность. Согласие было в ещё одном пункте: пробуждение Кундалини — событие незаурядное и элитарное,

требующее определённого образа жизни и «инструментария», будь то йогические асаны, дыхательные упражнения, практики визуализации, тантрический секс, подрезание языка и т.д. В общем, в отношении инструментов пробуждения Кундалини была ещё большая разногласия, чем во всём остальном, связанном с этой энергией.

Мой знакомый, благодаря которому я, собственно, узнал о Сахаджа Йоге, удивил меня, в первую очередь, тем, что отозвался о пробуждении Кундалини как о чём-то спонтанном, не требующим особых усилий. По его словам, достаточно было выполнить некий «протокол», который сводился к произнесению ряда утверждений вкупе с определённой жестикуляцией.

Одновременно с этим, зачастую, использовалась фотография или видеозапись со Шри Матаджи Нирмала Деви — основательницей Сахаджа Йоги: от неё исходили пробуждающие Кундалини «вибрации». Главным признаком пробуждения энергии служил «ветерок», прохладный или тёплый, выходящий из макушки головы, и, в идеале, так называемое «осознание без мыслей», ментальная тишина. При всём при этом мой знакомый дал понять, что в самом начале поднимутся, скорее всего, лишь несколько «нитей» Кундалини; более полное её пробуждение зависело от серьёзности дальнейшей практики, очищения «чакр» и т.д. Что подкупало: знакомый производил впечатление человека вменяемого, более того, духовного. В конечном итоге, после некоторого общения с ним, я решил, что ничего не потеряю, если проведу над собой этот несколько диковинный эксперимент.

Когда я пришел на «школу» по Сахаджа Йоге и выполнил протокол пробуждения Кундалини, ничего особенного я не ощутил ни в плане «ветерка» над головой, ни «осознания без мыслей».

Показалось, правда, что в зале стало намного прохладнее, но сам себе я это объяснил вполне естественными причинами. Интуитивно, было скорее приятие, чем неприятие Шри Матаджи (просматривали отрывок из её лекции), и я был готов допустить, что, перед тем, как ощутить что-то более полноценно, необходимо было проделать над собою соответствующую работу.

Я взял фотографию Шри Матаджи и буклет с описанием базовых техник очистки. Точно уже не припомню, пробовал ли я чиститься и медитировать в тот же самый вечер, но фотографию Шри Матаджи поставил у изголовья кровати. Здесь стоит отметить, что в те дни я обычно засыпал под музыку природы — у меня был маленький кассетный проигрыватель, и когда запись подходила к концу (к тому моменту я уже, как правило, принимал активное участие в каком-нибудь сновидении), проигрыватель выключался. В тот вечер я не изменил этой своей привычке и включил звуки дождя. Пробудившись посреди ночи, во-первых, я сразу обратил внимание, что из кассетника лилась совсем другая музыка — довольно мрачная, вполне себе готическая (забегая немного вперед: утром я проверил кассету — никакой готики там не оказалось, всё те же звуки дождя). Однако, помимо музыки было нечто, что встревожило меня несравненно больше: я почувствовал чье-то постороннее присутствие в комнате и не где-нибудь, а на моей собственной кровати, у меня в ногах. Несколько приподнявшись, я осмотрелся. В области ног

вырисовывался чёрный силуэт без каких-то явных очертаний — чернота его выделялась даже на фоне ночной темноты — от которого исходили волны ненависти до жжения в моём сердце, и так уже колотившегося от страха. Я не нашёл ничего лучшего, как мысленно обратиться за помощью к Шри Матаджи, фото которой, напомним, стояло у изголовья. Не помню, каким образом всё разрешилось, но вскоре я уже засыпал с намного более лёгким сердцем. Без постороннего присутствия и готических звуков.

На следующий день, мне нужно было каким-то образом объяснить себе этот ночной опыт. По большому счёту, объяснений было два: либо что-то очень «тухлое» было в Сахаджа Йоге, либо — во мне. Я порылся в своей памяти, сделал кое-какие сопоставления и, в общем, решил, что, скорее всего, именно со мной было что-то не так, а Сахаджа Йога, точнее сказать, Шри Матаджи это «что-то» внутри меня разворошила. Я решил какое-то время позаниматься и понаблюдать за другими йогами, и после этого уже вынести некий окончательный вердикт.

Перед тем, как двинуться дальше, объясню, что такое «вибрации», иначе многие вещи, о которых в дальнейшем пойдёт речь, не будут должным образом восприняты. В Сахаджа Йоге под вибрациями понимаются ощущения на ладонях и пальцах рук, на макушке головы и внутри тела в виде ритмичных «веяний» или пощипываний, или покалываний, или онемения, или боли. Считается, что прохладные вибрации знаменуют собой божественность, чистоту, истину. Всё остальное ассоциируется с какими-то «загрязнениями» и «отклонениями». Как чистые, так и нечистые вибрации могут

обладать разной интенсивностью.

В некоторых случаях имеют место «смешанные» вибрации, то есть соотношение чистоты, прохлады, с какими-то тёплыми, горячими или колючими вкраплениями. «Вибрационное сознание» или способность чувствовать вибрации возникает, собственно говоря, благодаря поднятию Кундалини до седьмой чакры на уровне темени (Считается, что главных чакр или энергетических центров — семь; на физическом уровне они соответствуют основным нервным сплетениям и центрам, начиная от тазового и вплоть до головного мозга), а качество чувствительности зависит, в основном, от состояния чакры на уровне гортани — так называемой *Вишуддхи*. Пока что этих сведений должно хватить. Если возникнет необходимость в каких-то дополнительных пояснениях, они будут сделаны по ходу повествования.

Итак, я стал практиковать Сахаджа Йогу.

Поскольку, в первую очередь, мне нужно было окончательно разобраться, откуда у неё, то бишь йоги, растут ноги — «сверху» или «снизу», вкратце изложу, из чего эта ясность сплеталась. Снова повторяю: всё это — важное преддверие для дальнейшего, более детального разговора о, собственно, самой практике медитации, поскольку, вырванный из контекста моих жизненных обстоятельств, сновидений, внутренней опытности, он будет как брошенная читателю обглоданная кость.

В первые недели или, возможно, месяцы занятий Сахаджа Йогой мне приснилось несколько довольно знаменательных снов (порядок не хронологический):

Я нахожусь в доме на морском берегу; внутрь забегают волна, подхватывает меня и вот, я уже плывущий в открытое море. Стоят сумерки, все очертания размыты, но в какой-то момент из морской глубины заискрил свет. Я занырываю и плыву уже к источнику света, растворяюсь в его ласковых лучах и... просыпаюсь. Такого чувства необыкновенной лёгкости, свежести, радости после пробуждения, пожалуй, я больше никогда не испытывал.

Примерно в нескольких метрах от меня выстроены в ряд какие-то личности. Мы смотрим друг на друга, и хотя внешне я их не узнаю, всё же улавливаю каким-то чутьём, что они связаны со мной, причем, связь эта лично мне не сулит ничего хорошего. Что-то меня побуждает от них отвернуться, и передо мной тут же разворачивается прекрасный вид на горы и лес. Вдобавок, меня овеивает приятной прохладой.

Над морем проносится чёрный смерч, из которого возникает существо, напоминающее тварь из фильма «Чужой». У него во лбу — горящая красным перевернутая пентаграмма (обычно, подобной символикой пользуются сатанисты).

На моей левой руке (о символизме этого сна немного погодя) сидит, присосавшись множеством присосок, чёрный осьминог. Ощущение при этом жгуче болезненное.

Я иду через лес, держа в руке факел, и, то и дело, уворачиваюсь от змей. В конечном итоге, оказываюсь в пещере. Стоя по щиколотки в воде,

*своим маленьким факелом пытаюсь рассеять
кромешную уже тьму.*

Можно догадаться, что я не только спал, но и бодрствовал, и в жизни параллельно происходили некоторые достойные внимания вещи.

В частности, примерно месяц спустя после начала моих занятий Сахаджа Йогой, я снял новое жильё, точнее сказать, комнату. В первый день заселения я зашёл на половину к хозяйке (она была лежачей больной), мы недолго поговорили о том о сём, после чего я пошёл осваиваться в своём новом жилище. Днём позже ко мне в дверь постучала хозяйкина дочь, чтобы сообщить следующее: в комнате её мамы зацвел кактус, чего с ним не случалось последние одиннадцать лет. Наряду с некоторыми вышеизложенными снами, я воспринял это как знамение, что иду по верному духовному пути. Я нуждался в знаках свыше, главным образом, потому, что к тому времени у меня уже начала побаливать голова, иногда сильно. К примеру, один раз, когда я пошёл со своими новыми знакомыми йогами на концерт классической музыки, они, по-видимому, здорово им насладились, тогда как моя голова, точнее правая её часть, была словно зажата в тиски (впоследствии, когда бы я ни испытывал головную боль, практически всегда её можно было локализовать «справа»). Примерно я представлял себе, с чем это могло быть связано, поскольку к тому времени уже несколько вник в работу чакр благодаря лекциям Шри Матаджи и общению с йогами. Помимо прочего, я узнал, что блокировки чакр могли проявляться, в том числе, в виде болевых ощущений. Здесь стоит сказать, что боль возникала не только у меня в

голове, но и в области груди (помимо боли, могло ощущаться сильное жжение) и челюсти (здесь, скорее, имела место зажатость).

Нестерпимым всё это я бы не назвал, но и приятного тоже было мало, тем более, что от занятий йогой я ожидал несколько иных, более радужных состояний. Утешал я себя тем, что, мол, нужно было как следует почиститься, и тогда мне непременно полегчает (до определенной точки, так, впоследствии, всё и получилось, хотя движение в этом направлении шло намного медленнее, чем я того ожидал). Главным образом, мне стала ясна метафизическая подоплёка основных моих блокировок — в Сахаджа Йоге заикание считается результатом «одержания», т.е. проникновения в ту или иную чакру либо чакры так называемых «бхутов», инфрафизических сущностей, паразитирующих затем на своём носителе. Собственно, блокировки сердечной и горловой чакр, а также «правого лепестка» лобной чакры, физически связанного с правым полушарием головного мозга, по крайней мере, лично в моём случае действительно оказались первопричиной заикания. Когда много лет спустя я читал одну научную статью о заикании, мои субъективные ощущения подтвердились следующим фактом: у заикающихся именно в правом полушарии мозга регистрируется необычная нейронная активность. Годы прослушивания тяжёлой музыки, несущей «тяжелые» вибрации, как и окунания в иные не совсем чистые или откровенно «зловонные» источники также даром для меня не прошли. В общем, придя в Сахаджа Йогу, я довольно скоро осознал, что моё внутреннее состояние было, мягко говоря, запущенным: я чувствовал это сам, равно как и йоги, у

которых «вибрационное сознание» было достаточно развито, чтобы в т.ч. ощущать мои блокировки. Много позже даже произошёл в чём-то курьёзный случай. Один йог взялся меня «почистить», хотя, не почувствовав достаточной его внутренней крепости, я попытался его от этого отговорить. Он настоял. Окончилось всё тем, что, с его слов, примерно ещё неделю после этой чистки он ощущал зажатость в области своей челюсти, при чём она могла перемещаться по всему его лицу. У нас сохранились приятельские отношения, но предложений о «почистить» от него никогда уже не поступало.

Помимо блокировок и сопутствующих им болезненных ощущений, к счастью, были и блаженные, радостные проблески. Насколько позволяло состояние горловой чакры, во мне всё больше повышалась тонкая чувствительность, и я уже мог, в том числе, ощущать сильные прохладные вибрации на ладонях и пальцах.

Однажды, в эмоционально сложный для меня момент, я впервые явственно ощутил, как от основания позвоночника вплоть до макушки моей головы поднялся поток, как бы омыв, расслабив меня, растворив все угнетавшие меня мысли. Собственно, этот поток и был Кундалини. Благодаря этому опыту разрешились сразу несколько вопросов, и все дальнейшие опыты, связанные с этой энергией, лишь служили подтверждением следующего: Кундалини находится именно в основании позвоночника, а не где бы то ни было; её пробуждение никак не связано с сексуальными практиками; она несёт в себе радость, умиротворение, свет (если помнит читатель, немногим ранее я приводил довольно противоречивые сведения о Кундалини, почерпнутые мной из различных источников).

Особенно сильными, наполняющими меня блаженством были реакции Кундалини (под *реакциями* следует понимать взмывания Кундалини вверх) на ту или иную музыку или пение, скажем, индийскую классическую музыку, азаны (в исламе, призывы служителя мечети к совершению обязательной ежедневной молитвы), некоторые классические произведения и так далее, но никогда на «хеви-металл» или, к примеру, какие-то дешёвые образчики жанра «поп». Подобные реакции также возникали на каких-то знаковых духовных фигур, гуру, пророков, визионеров.

Иными словами, это было чем-то вроде «сертификации», что такой-то или такая-то имеет отношение к Богу, уполномочен(а) Богом, а не просто рядится в рясу, мантию и прочие аналоги овечьих шкур, кои, согласно писанию, служат отличной маскировкой для волков (я ещё вернусь к этому крайне важному моменту).

Расскажу в заключении этой части о ещё нескольких заслуживающих внимания событиях, которые, так или иначе, утвердили меня на моем духовном пути. Да, мой несколько подуставший уже читатель, всё это важно.

Это было в первые годы занятий йогой.

Однажды, у меня дома оказался мастер *рейки*, довольно популярной в наши дни энергетической практики. Тогда я уже мог чувствовать вибрации от фотографии Шри Матаджи, но видеть их не мог, да и, собственно, потребности такой у меня никогда не было. Более того, считалось и считается, что как раз *видеть* какие-либо «тонкие энергии» не желательно, и разного рода экстрасенсорика, ежели не является прямым следствием высокой духовности, явления достаточно редкого, есть

верный признак движения «не туда». В общем, я предложил этому мастеру пробудить свою Кундалини, направив левую ладонь к фото Шри Матаджи, а правую, после произнесения ряда утверждений, поместить чуть выше макушки головы — напомним, что таков классический протокол пробуждения Кундалини в Сахаджа Йоге.

В какой-то момент, мастер резко отдернул ладонь от головы и даже негромко вскрикнул. Я спросил у него, что произошло. По его словам, когда он направил ладонь к фотографии Шри Матаджи, от неё отделилась как бы неоновая дымка. Когда же она дошла до его темечка, он почувствовал в голове резкую боль, что, собственно, и заставило его отдернуть руку. По моим внутренним ощущениям и даже чисто по внешним признакам, этот мастер, в общем и целом, впечатления духовного человека не производил. Опять-таки, если ему верить, изначально свои экстрасенсорные способности он получил вследствие перенесенной операции на голове после автомобильной аварии. В общем, благодаря этому случаю я лишний раз убедился в действенности фотографии Шри Матаджи, а также сомнительности экстрасенсорных способностей в плане их благоприятности. Коль скоро речь зашла о практике *рейки*, скажу без обиняков, что от неё «прохладой» не веет.

В продолжение о походах ко мне в гости экстрасенсов, как-то к нам зашла давнишняя знакомая, по совместительству работающий с «энергиями» целитель. Как раз в тот момент у меня была включена видеозапись с исполнением танца, посвящённому Шри Ганеше, божеству, особым образом связанного, согласно Сахаджа Йоге, с первой чакрой на уровне тазового сплетения. Знакомая

ничего не знала ни о назначении танца, ни, тем более, об ассоциации этой чакрой со Шри Ганешей. Тем не менее, когда она присоединилась к просмотру, по её словам, она почувствовала в своей первой чакре какую-то необычную активность. Честно говоря, до того момента связь божеств с чакрами для меня была чем-то таким абстрактным или, лучше сказать, зиждилось исключительно на доверии Шри Матаджи: мне было сложно улавливать многие нюансы из-за проблем с моей тонкой чувствительностью.

Пожалуй, одно из самых значимых моих духовных переживаний. Однажды, во время медитации у меня особенно разболелась голова, причем не только «справа», но и внутри — глазные яблоки пульсировали болью. Было такое впечатление, что они вот-вот взорвутся. К тому времени, у меня уже развилось определённое доверие Кундалини, и я решил продолжить медитацию, отдавшись ей на милость, расслабившись, насколько это представлялось возможным. В конечном итоге, помимо полного снятия напряжения в глазах, во мне словно возник внутренний стержень, какая-то самосушая, самоочевидная ясность, в том числе, и в отношении того, что я никогда не потеряю рассудок (во мне эта ясность присутствует до сих пор). В свете описанного ранее моего юношеского ночного опыта, когда я этого самого рассудка чуть было не лишился, загоревшийся внутри онтологический огонёк становился значимым противовесом всему тёмному и хаотическому в моём существе.

Уже примерно двадцать лет, как я практикую Сахаджа Йогу (или она практикует меня), и должен признаться,

что окончательно пока не избавился от тёмных прожилок в своём существе. Иногда, я представляю самого себя как цитадель, в которой враги взяли несколько кругов обороны, но самая главная башня осталась неприступной и в ней горит маленький, но яркий огонёк, чей свет постепенно разгорается. Довольно продолжительное время Кундалини проходила через мою Вишуддхи или горловую чакру словно через выжженную землю, но постепенно из неё проклюнулись «зелёные побеги» и даже распустились какие-то «цветы». Моё заикание тоже практически сошло на нет, по крайней мере, в работе, а тем более в бытовом общении его какие-то остаточные явления мне не мешают. Раз уж об этом зашла речь, когда-то я прочитал опыт одного йога, принимавшего в своей прошлой, до-йогической жизни галлюциногены, и понял, с чем именно я мог соприкоснуться на «тонком плане», когда начал заикаться в детстве:

Старый школьный товарищ неожиданно нагрянул в гости и, вероятно, из-за необычных вибраций, витавших в воздухе, или собственной тяги к необычным переживаниям, он захотел присоединиться к моему трипу. В школе он часто ходил в ночные походы и, видимо, вдохновлённый духом приключений, после окончания школы решил вступить в армию. Теперь он был членом какого-то элитного боевого подразделения, которое какими-то загадочными путями оказывало военную помощь султанату Омана против вооружённого вторжения Йемена. Я не знал, чем именно он занимался в ту пору, кроме того, что у него была очень насыщенная служба за границей, скорее всего, с применением смертоносной силы, но он точно не был человеком, с

которым мне следовало в тот момент отправляться в трип.

До поры до времени всё шло хорошо, пока я не взглянул на него: между нами образовалось нечто вроде тоннеля. Моё периферийное зрение ослабло, и я почувствовал, как между нами налаживается связь. Это было знакомое переживание, и я особенно по этому поводу не напрягался. Но потом случилось нечто совсем непредвиденное: энергия, текущая через этот «тоннель», что-то в нём взбаламутила, и ужасная сущность, которая появилась у него из-за спины, набросилась на меня.

Она выглядело как грязный, хищный слизняк, родом — я это ощутил инстинктивно и довольно чётко — из самых низших, грубых уровней существования. Я просто не знал, как реагировать. Я даже представить не мог, что подобное вообще существует. Да, я знал, что *всё* является частью единого изначального существа, но не подозревал, что было нечто, чего стоило бы опасаться.

Фантастический, бушующий вихрь энергии пронёсся через меня как ураган, поражая эту сущность в воздухе, после чего она стала распадаться на части. Но она продолжала прорываться ко мне и сражаться с силой, сдерживающей её натиск, словно злобная форель, плывущая против течения. Она уже практически полностью распалась, когда уже вплотную ко мне приблизилась, и всего на один, но фатальный момент, я ощутил на себе воздействие её природы — зловонное, жестокое существо со жгучей ненавистью к жизни. И потом оно исчезло.

Я испытал огромное потрясение и зигзагом спикировал вниз, чувствуя себя истощённым и осквернённым;

мысли в моём сознании бешено крутились. Я вышел из трипа в оцепенении и замешательстве, буквально ощущая себя испепелённым изнутри, и ещё многие дни чувствовал у себя во рту кисловатый пепельный привкус.

После этого всё изменилось. Моя уверенность, оптимизм и волшебная радость ушли без следа. Я испытывал эмоциональную опустошённость и напрочь забыл о недавно открытых мне возвышенных чувствах.

В философии адвайты есть формула: «Атман есть Брахман». Многие жители земного шара (или если кому-то нравится — диска) могли бы и дальше себе жить без этой формулы, но, вероятно, те же мусульмане сильно удивятся, что она имеет самое непосредственное отношение к следующему аяту в Коране:

Аллах — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло — точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло её готово воспламенится, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведёт Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!

Христианам же, полагаю, совершенно невдомёк, что «Атман есть Брахман», особенно, что касается Брахмана,

теснейшим образом связано с этим библейским стихом:

*Вот, придёт время, когда придут знамения,
которые Я предсказал тебе, и явится Невеста, и
являясь покажется, скрываемая ныне землёю.*

Итак, для Божественного света нужно масло, без которого он не зажигается, и берётся оно из маслины ни восточной, ни западной, стало быть — расположенной где-то посередке. Для наглядности, ещё раз приведу схему «тонкого тела» человека:

На этой схеме не видна крестцовая кость, но на некоторых других она обозначается со спиралью-Кундалини внутри. «Логистика просветления» (да простят меня боги) такова, что Кундалини должна распрямиться, подняться по центральному каналу сушумна-нади, в идеальном сценарии, до седьмой чакры на темени. Там она соединяется с Шивой, читай Богом Отцом или изна-

чальным мужским принципом, в результате чего, помимо прочего, в сердце устанавливается глубокий покой. В индуизме, одно из имён Кундалини — целомудренная невеста Шивы. Возвращаясь к индуистской же «Атман есть Брахман», Атман в этой формуле — изначальный мужской принцип; Брахман, хотя это и звучит не особенно женственно для русского уха — изначальный женский принцип. По крайней мере, для меня очевидно, как дважды два — четыре, что маслина ни восточная, ни западная — это сушумна-нади; светильник — сердце; масло и невеста суть одно; земля, в которой скрывается невеста — крестцовая кость или, по-простому, копчик. К слову, по исламским поверьям в День воскресения люди будут восстановлены из своих копчиков, а в раю их будут улаживать девы-девственницы. Что я понимаю под раем и девами, читателю не составит труда догадаться. Если всё же поразмыслить, в христианском Апокалипсисе также можно найти аналог «Атман есть Брахман», по крайней мере, там наличествуют оба компонента формулы, при чём один не ставится выше другого: «И Дух, и невеста говорят — прииди!».

Можно на это посмотреть и так: если *нить* и *витки* всё больше истончаются по восходящим гармониям к самой вершине самости, *Божественному* «я» или «Я», то Дух можно считать тончайшей формой *нити*, а невесту-Кундалини — *витков*. Вместе они сливаются неразрывно как солнце и его свет, между ними нет никакого «зазора», что, собственно, и сообщает самости полноту бытия. До достижения этой полноты, психологически Кундалини будет выражаться как стремление к высокому, как тоска по полноте, как поиск истины, как восторг от божественной красоты. Если читатель подмечает в себе эти эмоции — значит, в какой-то степени его Кундалини пробуждена.

В некотором смысле, вернее, в самом прямом, поднятие Кундалини-невесты в поле *Сына-Пути* и достижение ею Отца-Духа — это индивидуальный психологический «слепок» троичности Бога, где смиренномудрие будет аспектом Сына, любовь — аспектом Богини Матери или Святого Духа, а ясное сознание — аспектом Бога Отца. От частного — к целому.

Коль скоро пошла такая дифференциация, грех против Сына, о котором говорится в Библии, есть ничто иное, как грех против смиренномудрия, т.е. какое-то непослушание, своеволие, возможно даже какая-то жестокость и распущенность. Этот грех согласно той же Библии может быть прощён, в отличие от греха против Святого Духа. Что такое грех против Святого Духа? Главным образом, это глумление, издевательство над женственностью и половые извращения, иными словами, «мерзость пред Господом». По словами Шри Матаджи, у идущих по этому пути, Кундалини замерзает от стыда. Можно предположить, что в каких-то случаях «оттаивания» не происходит, что сродни полной демонизации сознания...

Снова перебрасывая мостик к нирвикальпа самадхи, т.е. осознанию без сомнения, надеюсь, у меня получилось достаточно продемонстрировать, что Кундалини принимает активнейшее участие в установлении этого состояния, что она — неотъемлемая и полноправная половинка «Я». Атман есть Брахман.

По сути, смотреть на мир в состоянии нирвикальпа — это смотреть на него глазами Всеведущего Бога, по крайней мере, насколько это дозволено творению, в т.ч. в

меру его очищенности и просветлённости. Что это даёт в гносеологическом плане? Ранее мной был поднят ряд достаточно важных вопросов, на который я обещал ответить, в частности, может ли претендовать то или иное учение на интеррелигию. Лично моя Кундалини «свидетельствует», что ни теософия, ни интегральная йога, ни учение Саи Бабы (если только это не Саи Баба *из Ширди*) ей «не нравятся». На самом деле, этот «чёрный список» можно продолжать и продолжать... Однако, ей «нравится» Будда, Пророк Мухаммед, Шри Рамана Махарши, конечно же, Христос, несомненно — Шри Кришна. И многие другие. Да, это, в первую очередь, *моя* гносеология, но лично мне не стыдно за тех китов или слонов, на которой она держится.

Есть ли у Кундалини или «Я» какие-то более приземлённые «симпатии» или «антипатии»? Скажем, в конфликте между Украиной и Россией, моя Кундалини по большей части — на стороне России (произошедшее в Буче согласно моей Кундалини, к примеру, есть дело рук киевского режима). Нравится ли моей Кундалини Владимир Путин? Скорее, да. Сталин или Грозный? Однозначно нет.

Всё это довольно практические вещи, уже хотя бы тем, что доверие высшему знанию, слитость с этим знанием, позволяет поступать соответственно и в пространстве и времени, в мире дольном, т.е. поддерживать именно такие, а не другие процессы своими действиями или, по крайней мере, одним только своим вниманием. Более подробно о роли внимания уже очень скоро — буквально в следующей главе. Эту же позволю себе закончить эссе «Прямой и узкий». Думается мне, читатель сможет теперь его понять на более глубоком уровне:

Недавно, мне довелось перекинуться электронным словцом с одной из самых значимых фигур в российском либеральном или, лучше сказать, христианско-либеральном мире. Эта фигура (буду дальше называть этого человека «фигурой», не из неуважения, а из соображений анонимности) считается серьёзным мыслителем, философом, и многие, в виду нехватки собственных когний, или же в дополнение к оным, ориентируются на фигуру, в т.ч. в оценках действий, реальных или мнимых, российской власти. К фигуре присматриваюсь давно и с интересом, даже бы сказал, с теплотой, и когда вдруг появился шанс задать ей вопросы, то «их у меня было». Здесь передо мной, в первую очередь, стояли гносеологические задачи — мне всегда любопытно, на каких китах и черепахах у человека покоится его мировоззрение, что даёт ему ощущение знания, тем более, если этот человек — лидер мнений. Были цели и антропологического порядка.

Надо сказать, что фигура вполне последовательно критикует практически всё, что исходит от российской власти или приписывается ей в последние лет пятнадцать-двадцать — можно условно это назвать периодом путинского правления. Учитывая ореол серьёзного мыслителя вокруг фигуры, мне стало невдомёк, как такое серьёзное, философское мышление может сочетаться с явной тенденциозностью и предсказуемостью в оценках, практически полностью совпадающих с голосом ведущих западных или прозападных СМИ. Здесь как бы получается развилка: либо эти СМИ нужно признать духовными свёточами, либо у фигуры имеет место какая-то... недолюбовь к мудрости. Или

любовь к недомудрости. Лично я означенные СМИ зачислять в светочи бы не спешил, хотя бы потому, что свет имеет свойство светить во все стороны, а не освещать один только бок.

В общем, я задал фигуре два блока вопросов: первый — об относительно недавних и текущих политических событиях; второй — религиозно-нравственный.

Что касается первого блока, фигура ответила, что не желает обсуждать со мной эти вопросы, в т.ч. потому, что сегодня это чревато уголовным преследованием. Я частично признал справедливость этих слов. Хотя, к примеру, за пару аргументов в пользу того, почему Навальный правил бы Россией лучше, чем Путин, в кутузку, насколько мне известно, не сажают.

Второй же блок вопросов фигурой был полностью проигнорирован. Привожу его здесь практически целиком:

«Если позволите, уважаемый N, копну ещё поглубже. Вам, вероятно, знакомо имя Даниила Андреева. В своей «Розе мира» в середине двадцатого века он указывает на большое зло, зарождающееся на Западе. Как бы там ни было, тяжелая богохульная музыка, фильмы ужасов, порнография, узаконивание Церкви сатаны, культ секса и потребительства, агрессивная поп-культура, расшатывание традиционных гендерных ролей, легитимация и продвижение лгбт и постепенная нормализация педофилии — всё это исключительно западные продукты и веяния. Циничное выкачивание богатств из колоний и оккупированных, военно или экономически, территорий и жестокое пресечение попыток каких-либо освобо-

дительных движений (к примеру, опиумные войны в Китае) — это то, что во многом позволило Западу набрать свой «жирок». Как Вы полагаете, политическое руководство западных стран стало более «пушистым»? Как Вы думаете, что на весах Бога более отвратительно: то, что сегодня идеологически несёт миру Запад, или более традиционные устройства жизни со всеми их очевидными минусами?»

Задавая эти вопросы, я, конечно же, держал в уме и собственные ответы. Проговорю их в заочной полемике. Ещё, я никогда бы не задал подобные вопросы людям секулярного склада ума — они просто не оценили бы пафос. Но прежде, чем снова вырुлить к религиозному либерализму и фигуре как его яркому представителю, покружу немного по либерализму секулярному, тем более, что между этими двумя ветками сохраняется немало общего.

Для начала, что такое либерализм. Если вкратце, это свобода мысли и действий, проистекающая из уважения к личности, которая противопоставляется некоей довлеющей коллективной морали и/или авторитетам.

Скажем, с точки зрения многих секулярных либералов, существование России в её нынешнем географическом, политическом и религиозном изводе, со всей этой централизованной властью и неизбежно раздутым бюрократическим аппаратом, со всеми этими православными и иными духовными скрепами — пережиток прошлого и помеха на пути прогресса.

Объясняется это следующим образом. Россия не являет собой идеал жизнеустройства, главным образом, потому, что по карманам многочисленных чиновников и

иже с ними гуляют фантомы невыплаченных надбавок к зарплатам и пенсиям; непостроенных больниц, школ, научно-исследовательских центров, секций, кружков и центров досуга; нереализованных талантов; несовершенных преступлений на почве бедности и бесперспективности; и т.д (в этой связи, те, кто совершают экономические преступления, поистине являются врагами своего народа).

Также огромная часть средств уходит на ВПК и армию, опять-таки, за счёт вышеозначенных фантомных болей (к слову, те, кто создают военную угрозу для той или иной страны, тормозят тем самым её социальное развитие).

И здесь решение кажется очевидным: если раздробить Россию, этим убиваются два главных паразита, высасывающих из неё соки — армия бюрократов и... просто армия, цвета хаки. Доводя эту логику до конца: то, что мешает раздроблению, обеззубливанию и обеспамячиванию России и последующей интеграции её осколков в «прогрессивный мир», а это, главным образом, традиционные духовные ценности и память о победе в Великой отечественной войне — всё это нужно так или иначе расколупать и нивелировать. Религиозные верования, в крайнем случае, следует выхолостить по западному образцу, в т.ч. нормализовав «мерзость пред Господом» если не до божьей росы, то одуванчика.

Что бы на это сказал лично я? В логике секулярного либерализма есть «маленькая» погрешность — Бог всё же существует. Почему? Существует и всё. Более того, многие традиционные духовные ценности является ступеньками в богопознании, что, в свою очередь, является главной целью человеческой жизни с точки

зрения... Познаваемого. И если Россия — единственная страна в мире, единственный воин, способный крикнуть «Стой!» всему безбожному и откровенно inferнальному, что сыплется с Запада, то она должна существовать именно такой, какая есть, а именно централизованной, с мощным ВПК и, самое главное, с какими-никакими духовными скрепами. Особенно, в свете текущих событий.

Кто-то возразит, мол, среднестатистический россиянин не особенно духовен, и практически всё тёмное, что есть на Западе, наличествует в равной степени и в самой России. Если ориентироваться чисто на советские художественные фильмы и кинохроники, то лица совестких людей в своей общей массе действительно более одуховорены, т.е. на лицо — регресс. Но во многом этот регресс произошёл как раз из-за упоённого, сладострастного принятия западного шлама, в т.ч. inferнального. Если же говорить о степени «зашлакованности» российского общества, то всё же есть разница между нормализацией греха и совершением чего-то, что коллективным сознанием по-прежнему воспринимается и порицается как грех — здесь как бы ещё остаётся окошко возможности выйти на прямой и узкий, он же срединный, путь к Богу. Образно говоря, враг прорвался в цитадель, но не смог пройти все оборонительные рубежи. Поэтому в России многие «эксцессы» по-прежнему остаются невыносимыми, скажем, демонстрации зоофилов, читай скотоложцев, в отличие от той же Германии. К «друзьям животных» ещё вернусь.

Если с секулярными либералами всё достаточно понятно и их логикой можно пренебречь (отплатить им, в

сущности, той же монетой), то к либералам религиозным, в т.ч. и к фигуре, остаются вопросы: как можно проигнорировать всё inferнальное, а не просто низкое и грубое, расквартированное на Западе и продвигаемое им по всему миру? Как можно проигнорировать, к примеру, оккультный символизм и элементы чёрной мессы на концертах некоторых западных поп-звёзд? Или довольно обескураживающий перформанс по завершению строительства Готардского тоннеля? Или недавнюю рекламную кампанию Баленсиаги, сексуализирующую, при чём в извращённой форме, детей? Или таких инсайдеров как Кей Григгс (Kay Griggs); Тереза (Theresa), интервью с которой транслировалось, что примечательно, в «60 Minutes Australia»; Ричард Керр (Richard Kerr); Рональд Бернард (Ronald Bernard); и других, приоткрывающих такое о западном истеблишменте, что по сравнению с ним российская власть, при всех к ней вопросах, действительно выглядит белой и пушистой? Какие должны быть фильтры и заслоны в сознании у религиозного либерала, чтобы не обратить должного внимания на все эти вещи?

Попробую ответить на эти вопросы.

Применительно к религии, либерализм проявляется как более свободная трактовка священных текстов, акцент на метафоричность и аллегоричность, а также избирательность в принятии тех или иных канонов и догматов. Скажем, либеральный христианин, в отличие от христианского фундаменталиста, в семи днях творения усмотрит скорее метафору, чем достоверную хронологию событий. И будет прав.

С другой стороны, либеральные христиане и в аде, и в

демонах склонны скорее видеть метафоры, нежели метафизическую реальность, вполне себе прорывающуюся в мир физический. Именно поэтому в т.ч. они могут не придать должного значения упомянутой оккультной символике и странным перформансам, сочтя всё это относительно невинным баловством. И будут неправы, поскольку накоплен огромный массив свидетельств о реальности потусторонних миров, включая демонических, в т.ч. от таких честных и непредвзятых исследователей как Ричард Галлахер (Richard Gallagher). Это помимо прямых указаний на эти вещи в подавляющем большинстве мировых религиозных традиций.

Т.е. религиозный либерализм как таковой не есть что-то заведомо неправильное, вопрос лишь в дозе и контексте.

Вне зависимости от дозы... либералы, неважно, секулярные или религиозные, всё же естественным образом тяготеют к Западу — колыбели современной либеральной мысли. Этим частично можно объяснить некоторую... сентиментальную доверчивость фигуры и многих из её мира к западным и прозападным СМИ.

Другой, более ключевой момент. Поскольку в либерализме акцентируется личность, унижение человеческого достоинства, психологическое, а также физическое насилие над личностью или ущемление её прав, воспринимается либералами с особой остротой. Следовательно, верующим либералам из религиозных заповедей будут особенно близки те, которые порицают насилие, а не, скажем, «мерзость пред Господом», к коей, среди прочего, относится и зоофилия. Когда, к примеру, я общался с одним человеком, которого с

некоторой натяжкой можно классифицировать как либерального христианина, он был немало удивлён тем моим замечанием, что в глазах Бога зоофилия — более тяжкий грех, чем, скажем, убийство. Почему? Потому.

Как бы всё это резюмировать... Возможно, фигура сочла бы меня мракобесом и милитаристом за все эти и другие мои соображения. Что с таким человеком можно обсуждать? Естественная реакция — отстраниться от него, то бишь меня. Я же, со своей стороны и при всём моём уважении к фигуре, «диагностировал» у неё недолюбовь к мудрости. Или любовь к недомудрости. Кто из нас более прав или менее неправ — пусть решает Бог.

И последнее. Это правда, что Россия встала на защиту традиционных ценностей в её противостоянии с Западом, в т.ч. военном. Но насколько она, а также другие традиционные общества, продвинутся по пути богопознания — вопрос остаётся открытым. Образно говоря, Россия борется за фундамент и пару первых этажей в многоэтажке, ведущей к Богу. Если в прежние времена не получилось построить верхние этажи, где гарантия, что это получится сейчас? В этом строительстве, скажем, не обойтись без некоторого либерализма и много чего ещё. Кто и как будет учитывать все ошибки прошлого на прямом и узком пути? Позволю себе сделать намёк:

Вы садитесь на ядро
Прошлого,
Вы толкаетесь веслом
От прошлого,

Чтобы вас перенесло
В будущее.
Вы берёте прошлое
Скопом:
И с плёвелом,
И с зерном.

Вы берёте прошлое
Оптом,
Не в розницу.

Не ропщите потом.

Вы бросаете лассó
В будущее,
Накачали колесо
В будущее,
Отвернувшись лицом
От прошлого.

Может быть,
Что настоящим
Будет новь озарена.

Может статься,
Что ребёнка
Выплеснули из чанá.

Когда хватитесь,
Будет хана.

Настоящее живёт
Вне времени.
Настоящее растёт
Из семени.
В настоящее ведёт
В белом венчике из роз
Христос.

Невеста
Танцует
На темени.

Методология

«Чистое внимание очень плотное. И такое внимание поглощает только то, что достойно быть поглощённым. Недостойные вещи оно не допустит в себя. Оно не будет на них смотреть. Оно само отвернётся от них. Оно настолько чистое, что не может оскверниться нечистойой».

Шри Матаджи

Несколько поэтично, на первых страницах *Инструкции* я уже попытался дать своё «определение» вниманию. Возможно, это стоит сделать ещё раз:

Ведь внимание — это такое поле математических точек;

Точки размазываются по телу, чувствам всяким и мыслям;

Точки могут закуриваться в теле и дальше по списку;

Точки куда-то направляются и возвращаются с неким уловом;

Внимание суть поле битвы между разными

центрами силы;
Очень нужны для внимания хорошие лобные доли;
Слишком рассеянное внимание делает Вас
глуповатым;
Слишком большая концентрация делает Вас
однобоким;
Между однобокостью и глупостью — разница не
слишком большая;
Бог собирает внимание правильным
калейдоскопом;
Только Бог собирает внимание правильным
калейдоскопом;
Для этого трепетно Богу приносят внимание в
жертву;
Жертва внимания полезней заклания стада
бизонов;
Жертва внимания лучше, чем жертва на
строительство храма;
Возможно, внимание связано как-то с бозонами
Хиггса;
Контроль за своим вниманием — это главный долг
человека;
Расслабить внимание в Боге есть величайшая
радость.
Ну, а теперь возвращайтесь к недорезанным Вашим
баранам.

Внимание по сути — это эссенция самости. В самом слове «внимание» есть двойственность, т.е. сочетание *солнца* и *луны*: от первого, в нём некая свобода выбора, чему внимать, а чему — нет; от второй — заглывание «улова», коль скоро выбор сделан. Важный момент: поле

внимания — это некая фиксированная величина. Иными словами, когда чему-то уже отданы «частички» внимания, но нужно сфокусироваться на чём-то другом, новые частички не придут вдруг из ниоткуда — их нужно сперва извлечь из материй, коим они уже были до этого отданы.

Перед тем, как направить на что-то внимание, это что-то нужно сперва «увидеть». Благодаря физическому телу, у внимания есть изначальная опора или точка отсчёта, то, от чего или из чего оно будет дальше отталкиваться и высвобождаться. Но помимо «физики» есть ещё более тонкие, мировоззренческие вещи — то или иное представление структурирует внимание, задаёт ему направление, и если оно совпадают так или иначе с траекторией *Пути*, то внимание будет высвобождаться из-под спуда какой-то грубой материальности и эмоциональности, а также ложных, эгоцентричных или эгоистичных идей. Что являет собой обычный человеческий ум — можно также легко вообразить сопутствующий ему «раздрай» внимания — прекрасно живописует Нидлман:

Основную нашу мысль можно свести к следующему: перед тем, как приступить к этой «тренировке», этой неизбежной внутренней борьбе, необходимо должным образом подготовить свой ум. Нравственное действие не может совершаться механистически; оно подразумевает внутреннее стремление и свободу. Подобное стремление, как ни крути, либо рождается в уме, либо, рано или поздно, должно быть через него «пропущено». Иными словами, ум должен выдать что-то вроде санкции, чтобы действие по-настоящему стало свободным.

Конечно же, иногда наши поступки правильны и хороши

без каких-либо предварительных согласований и умствований. Но для большинства из нас, за исключением каких-то кризисных или драматичных ситуаций, когда наше глубинное «Я» волной интуиции и нравственной силы выносится на поверхность и заслоняет наше повседневное, привычное «я», подобное «спонтанное» поведение, как правило, механистично. Его нельзя назвать нравственным. Это не то, к чему мы в действительности стремимся, когда желаем стать хорошими. Для большинства из нас именно добровольное согласие ума делает наши поступки нравственными. А это добровольное согласие, в свою очередь, происходит благодаря логике и идеям. Для большинства из нас и, в особенности, для тех, кто рождён и воспитан в современном мире с его идеалами научного, интеллектуального познания, абсолютно необходимой становится оценка этической подоплёки всего, что мы называем «знанием». Это справедливо как для отдельно взятой личности, так и для всего общества.

Поощряет ли наш ум нравственные действия? Помогают ли наши идеи о природе, человеческой душе, вселенной, истории, языке, истоках религии, человеческом теле, времени и пространстве, войне и мире делать добро или, хотя бы, получить какое-то о нём представление? Можем ли мы назвать наш ум со всеми его убеждениями, мнениями и «несомненностями» чем-то нравственным, безнравственным или нравственно нейтральным?

Перед нами стоит ряд фундаментальных и нелёгких вопросов: какие идеи и мнения укоренились в наших умах? Как они там очутились? Чего они в действительности стоят?

Чтобы получить какое-то представление о содержимом нашего ума, вообразите такую себе антикварную лавку, где выставляется на продажу, а также скупается без разбора всё, что туда приносят. Помещение завалено старыми предметами быта и мебелью, по большей части, обветшалой, поломанной, покрытой толстым слоем пыли; всё это находчивый менеджер выдает за «предметы старины». Чуть дальше возвышается груда самых разных электроприборов: старинные радио, тостеры, музыкальные проигрыватели — ни один из них не работает и, вероятно, вообще никогда не был исправен. За ними идут старые лампы без абажуров или потемневшие от времени абажуры без светильников. В стеклянных ящиках — «драгоценности», по большей части, дешёвые, тусклые побрякушки. На стенах висят сотни картин, от гигантских аляповатых пейзажей, которые можно перевозить разве что на грузовиках, до покрытых рябью миниатюр с такими сценами и человеческими лицами, словно их нарисовали косые или слепые художники. Что касается зачитанных до дыр старых книг и журналов, граммофонных пластинок, старых открыток, фотографий кинозвёзд и каких-то незнакомых людей — всё это напоминает сумасшедший дом или мрачную палату, где душевнобольные пытались хоть чем-то себя развлечь.

Таковы идеи, концепции, взгляды и мнения, гнездящиеся в нашем уме — идеи, взгляды и мнения о чём бы то ни было во вселенной. С чем бы мы ни соприкоснулись, с кем бы ни встретились, что бы ни услышали или увидели даже мельком, у нас мгновенно возникает обо всём мысль, мнение, «точка зрения», как мы это порой самонадеянно называем. Наш старьёвщик-ум

непрерывно поставляет нам свою мебель, картины, приборы во всем их разрозненном и несколько потускневшем от пыли великолепии. Но лишь немногие из этих идей, взглядов и мнений, окрашивающих, обуславливающих наше восприятие и диктующих самую нашу жизнь, когда-либо проверяются на предмет их подлинности или ценности. Очень редко мы их осознаём, а чаще вообще не даём себе такого труда. Вероятно, мы даже не подозреваем, что та или иная страсть, выбор, беспокойство или стремление вовсе не являются «нашими». Вполне может случиться, что они порождаются какой-то бессвязной мыслью, взглядом или мнением, застрявшем в нашем уме и прочно схватившим вожжи нашей умственной «активности». Это совсем не то «я», которое, к примеру, страстно отстаивает свою нравственную позицию и готово ради этого пожертвовать чем угодно; это некий подменивший меня «прибор» в моём уме, поскольку сам я не удосужился его как следует рассмотреть, оценить и решить, насколько он пригоден для хранения и использования.

И всё же, в этой антикварной лавке изредка попадают и ценные вещи: старинный изумруд среди стекляшек и пластмассовых жемчужин; первое издание великого произведения; уникальная мейсенская статуэтка среди дюжины дешёвых подделок; роскошный домотканый персидский ковер под стопкой невзрачных фабричных копий. Таковы великие идеи, привнесённые в нашу жизнь умами гораздо более великими, чем наши. Их оставили мужчины и женщины, способные прозревать истину о человеке и мире. Они посвятили свои жизни передаче знамений и знаков этой истины, а также практических способов их реализации последующим

поколениям. Но в наших умах-старьёвщиках даже эти великие идеи теряют свою ценность и нравственную силу из-за ассоциаций с дешёвым, выставленным на продажу ширпотребом.

Великие идеи не должны входить в ум без сопровождающей их «свиты». Они всегда вплетается в некий большой клубок, в некое общее целое. Ни одна идея не может существовать по отдельности. Если идея не связана с другими идеями, составляющими некое живое учение, она неизбежно сцепится с какими-то ложными или даже опасными симулякрами, идеями из «антикварной лавки» — концепциями, «взглядами» и мнениями, паразитирующими на наших умах. Нам нужно чётко проводить различие между двумя постоянцами нашего ума: идеями из некоего высшего источника, отличными от нашего бытового, повседневного мышления, а также концепциями и мнениями, сформированными нашим образованием, обществом, средствами массовой информации и принимаемыми нами безоговорочно и слепо как собственные взгляды и мысли.

Мы должны осознавать влияние наших мыслей и суждений, поскольку это определяет нашу способность быть хорошими. Их влияние, по крайней мере, настолько же важно, как и качество нашей еды. В данном же случае, от идей, мнений, полученного опыта и впечатлений зависит качество пищи нашего ума. Наши действия, наше нравственное здоровье зависят от этой пищи не меньше, чем наше физическое состояние от того, что попадает в наши желудки.

Отказ от ложного представления подобен химической реакции, при которой высвобождается энергия, в случае же с самостью — частички внимания. И снова Нидлман:

Любовь к истине — это не то, что мы думаем, когда начинаем о чём-то размышлять или что-то обсуждать. Обычный интеллект сам по себе не способен любить истину. Он может «интересоваться» истиной, но на самом деле он любит, как правило, нечто совсем другое, зачастую не самое прекрасное, что в нас есть. Как показывает нам Сократ благодаря художественному гению Платона, любовь к истине возникает, если только за это заплачена внутренняя цена, лишь когда преодолевается внутреннее сопротивление уже укоренившихся взглядов. Лишь когда человек сталкивается с подобным сопротивлением и всё же продолжает двигаться, отказываясь от привязанности к своим собственным мнениям, внутри совершается некое действие, о котором Сократ говорил как о предчувствии «смерти». Истинный философ, как он учил, смотрит на смерть и умирание как на отказ от привязанности к «важной» мысли в момент её возникновения в уме.

Внимание должно не просто соотнобразовываться с *Путём*, не только быть структурированным благодаря *правильным* представлениям. Самость также должна осознавать как можно большее количество моментов о самой себе, благодаря чему она становится более *дифференцированной*, а внимание — более мобильным, гибким и податливым для утончения, читай просветления. В этом одна из причин, для чего в «Космологии» даётся такой подробный портрет самости, от *животного* «я» до

Божественного: осознавая в себе признаки *животного «я»* или *«я» обладателя*, или какую-то форму *социального «я»*, можно до некоторой степени *отделиться* от них, и, если на то будет воля *Пути*, какие-то частички внимания перейдут к более высоким гармониям. Каков, скажем, будет признак *животного «я»* в религии? Следовать чему-то из страха наказания (до определённой точки, это вполне оправдано). *«Я» обладателя*? Привязанность к традиции из-за эмоционального и/или ресурсного в неё вложения. *Социального «я»*? Любовь к своим братьям и сёстрам по вере (обратная сторона этого — игнорирование или пренебрежительность к другим).

Процесс высвобождения частичек внимания и их дальнейшее просветление в поле *Пути* для удобства буду называть *духовной трансцендентностью*. Когда Нидлман говорит о совместном размышлении в связке с *«Я»*, то эта совместность, в первую очередь, означает духовную трансцендентность отдельного, обособленного *«я»*, не способного выйти за свои рамки без помощи другого человеческого существа. Здесь, если позволит читатель (у него нет выбора), мне бы хотелось привести целую главу из *Почему мы не можем быть хорошими?*, откуда до этого уже был взят небольшой фрагмент:

На чём мы остановились? Мы говорили о «репетиции» нравственности — творчестве любви, проявляющемся в совместном размышлении. Мы узнали, что размышление, серьёзное размышление о серьёзных вещах, возможно, является коллективным актом. Вероятно, мы нуждаемся друг в друге, чтобы размышлять о наиболее важных вопросах в нашей жизни, на которые, в противном случае, не можем получить ответа — лишь *сердце ума*, совместное пробуждение через общую

потребность в истине предоставляет такой шанс. И в этом творчестве совместного размышления мы желаем или действительно способны в некотором смысле возлюбить своего ближнего, разделяющего наш вопрос. Мы даже можем возлюбить своих врагов, особенно врагов, тех, кто нам противоречит, спорит, не соглашается с нами. С этими врагами мы можем «репетировать» необходимость в человеческих различиях и благодаря этому осознать нашу взаимодополняемость, нашу потребность в силе сопротивления как условию подлинного единства.

Я бы хотел это продемонстрировать на примере одного эксперимента или упражнения. Его могут провести два любых человека и тем самым убедиться в действенности совместного размышления, его невероятно важной, однако практически ускользающей от нашего внимания этической подоплёке.

РЕПЕТИЦИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Я несколько не приписываю это упражнение себе — психологи, педагоги, терапевты хорошо знают о его существовании. К тому же, как я слышал, нечто очень похожее составляло часть ритуального диалога у некоторых племён американских индейцев. Также, вероятно, оно лежало в основе одного ритуала в Тибетском буддизме, а также многих других мировых религий на протяжении веков. Мы также вполне можем допустить, что талмудическая диалектика уходит своими корнями в это упражнение. Наконец, и здесь это выражено наиболее ярко, уже столетиями в христианской живописи наличествует образ двух

беседующих друг с другом монахов: на них снисходит, либо возникает из их уст, белый голубь, символ Святого Духа.

Нас очень интересует этот голубь, поскольку в нём — секрет этого упражнения, и это, без сомнения, признавалось великими духовными традициями мира. До нас же дошёл лишь слабый его отголосок в современном переложении психологов. Вполне вероятно, что о его форме, предназначении и даже самом существовании уже давно позабыли в наших религиозных институтах, либо всё это оказалось до неузнаваемости искажено.

Само же упражнение достаточно простое. Два человека, придерживающихся диаметрально противоположных взглядов, скажем, «Мэри» и «Джон», должны встретиться лицом к лицу и поочерёдно высказывать друг другу свои мысли. По правилам, когда говорит Мэри, Джон может отвечать, лишь предварительно пересказав главные тезисы Мэри. И здесь только Мэри определяет точность и аккуратность пересказа. Лишь выполнив это условие, Джон может изложить свою точку зрения. После, перед тем, как право голоса снова перейдёт к Мэри, она также обязана сделать резюме сказанного Джоном, и её пересказ должен вполне его удовлетворить. И так происходит раз за разом, один отвечает другому, предварительно как можно точнее изложив точку зрения своего оппонента.

Моя первая полноценная попытка провести это упражнение принесла много сюрпризов и показала, сколь мало мы понимаем о роли мышления в человеческих конфликтах и возможности их решать через создание определенных интеллектуальных условий. Я говорю о

тех условиях, благодаря которым возникает эмоциональная непринужденность, нормальное, человеческое отношение к своему ближнему, каким бы оно ни было хрупким, и, одновременно, атмосфера «репетиции». Но сколь замечательна эта «репетиция нравственности»!

ЖИЗНЬ БЕЗ ЭТИКИ?

Я не помню, когда именно я впервые решил испытать это упражнение в действии. Возможно, это было «Введение в философию и религию» или семинар по Платону, или углубленный курс по Эмерсону и Торо, или, быть может, предмет под названием «Современная религиозная мысль». Помню только, что знакомил студентов с общим предметом этики, предполагая, что каждый из них более или менее понимал значение этого слова и имел какой-то личный этически окрашенный опыт. И вот, когда я попросил их привести примеры каких-то своих этических дилемм или конфликтов (не слишком углубляясь в детали), меня поразило следующее: не только ни один из них не вызвался ответить, но, казалось, никто вообще не имел представления, о чём шла речь. Казалось, само слово «этика» они слышали впервые!

Как такое было возможно? Очевидно, подобные ситуации не раз возникали в их жизнях, как и в жизни любого из нас: необходимость выбрать правильный курс действий в обстановке нравственной неопределённости; искушение поступить вопреки чётким нравственным установкам; столкновение с людьми, придерживающимися других представлений о добре и зле, в сложной или экстремальной жизненной ситуации. Тогда почему

эти студенты сидят, слово набрав в рот воды? Для них это было весьма нехарактерно. Я ведь не просил их выдать какие-то личные секреты, а просто рассказать о чём-то в самых общих чертах. В чём была сложность? Неужели они не осознавали этического аспекта своей жизни?

И тут я начал кое-что припоминать о своих студентах. В течение многих лет, когда бы ни затрагивался какой-то этический вопрос, вопрос добра и зла, правильного и неправильного, почти всегда они говорили, что то-то или то-то *воспринимается* ими как правильное или неправильное или вызывает у них *чувство* вины. Никто не говорил «я виноват»; они просто «чувствовали вину». Никто не говорил, что то-то или то-то хорошо или плохо — оно лишь таковым им *казалось*.

Я не придавал большего значения этим особенностям речевых конструкций. О да, меня всегда поражал поголовный нравственный релятивизм юношей и девушек, с которыми мне приходилось сталкиваться. Во многих уголках современного мира уже стало нормой отрицать существование абсолютных этических ценностей, и на каждого, кто осмеливается о такой возможности заявить, тут же навешивается ярлык наивного простачка или фанатика. Мол, кто в праве решать, что есть добро и зло, что правильно, а что нет? Что хорошо одном месте или для одного человека будет плохо в другом месте или для другого человека и т.д. — таковы «этические» нормы современной эпохи. Так много наших детей, а также почти все студенты, в т.ч. сидящие в моём классе, принимают как некую данность, что нравственные ценности зависят от эпохи, географического расположения, этноса, религии, социального

класса, национальности и т.д. Этот нравственный релятивизм даже не вызывает вопросов, и множество учителей и инструкторов вдалбливают его в головы детям с яростным доктринёрством, практически не отличимым от религиозного фундаментализма.

В общем, такой у меня сложился нравственный портрет моих студентов. Но мне до сих пор не приходилось наблюдать, что частично из-за своей релятивистской установки они, быть может, не имели никакого *практического опыта* этической стороны жизни! Или, лучше сказать, им не раз приходилось что-то выбирать или следовать чему-то, как и всем нам, что подразумевало некий выбор: сказать правду или солгать; сдержать обещание или его нарушить; украсть ли, причинить другому вред, пожертвовать чем-то или извлечь какую-то выгоду, смошенничать, предать и т.д. Несомненно, им приходилось оказываться в подобных ситуациях, но в их сознании они просто «казались» хорошими или плохими.

В тот день, с подобными тревожными мыслями в своей голове, я впервые решил провести это упражнение. У меня просто ум заходил за разум. Мне очень хотелось куда-то выйти и в более спокойной обстановке поразмыслить над тем, что, как мне казалось, я только что узнал о своих студентах. Я хотел подумать об этом более взвешенно, более обстоятельно. Внезапно, мне словно бы открылся мощный, неизведанный пласт нашей интеллектуальной жизни — вопрос уже стоял не о правильности или неправильности того или иного философского положения или мнения в отношении того или иного этического вопроса; граница уже проходила между наличием либо отсутствием непосредственного

этического переживания как такового. Исчезало ли этическое *переживание* из нашей повседневности подобно какому-то вымирающему биологическому виду?

Конечно, я не мог просто куда-то выйти и тихонечко всё обмозговать. Я был обязан продолжить урок, хоть и находился почти на грани отчаяния из-за очевидного дефицита этического опыта у этих юношей и девушек. Но благодаря тому, что я остался, я получил важное откровение об истинных причинах этических разногласий между людьми, а также о том, над чем именно мы должны работать, если хотим выстраивать наши человеческие отношения в положительном ключе. Это помогло мне осознать, хотя это и было чем-то сродни театральной репетиции, что наша хрупкая повседневность нуждается в подлинном контакте, пусть предварительном и робком, со всепримиряющей силой безусловной любви.

ЧЕРЕПАХИ

«Возьмём любую этическую проблему, которую никто из нас не в состоянии разрешить, проблему, которую не может разрешить наше общество, весь наш мир» — произнёс я, расхаживая по классу. «Возьмём аборт — совершенно неразрешимая этическая дилемма. С логической точки зрения, у каждой из сторон имеются свои веские доводы и благие намерения. Дошло уже до того, что сам вопрос аборта на сегодняшний день стал символом разнообразной *метафизической* противоречивости современного мира, мира, который существует и стремится длить своё существование во вселен-

ной с её универсальными законами природы и жизни, зачастую противоречащими его аномальным ценностям. В любом случае, ни один здравый человек, принимающий ту или иную сторону в вопросе аборта, не может просто отмахнуться от доводов противоположной стороны. В то же самое время, кажется, больше нигде, даже у самых рассудительных индивидах, не найти такой страстности, неистовости и «убеждённости» в своей правоте, как в вопросе аборта.

Студенты согласно кивнули.

«В нашем обществе не существует консенсуса в этическом вопросе аборта» — сказал я, снова остановившись перед классом.

Затем я присел на краешек металлического стола.

«Вот вам задание. Это *этика*. Перед нами болезненный и животрепещущий вопрос о том, что хорошо, а что — плохо. Как нам вместе поразмыслить, именно *поразмыслить* об этом, а не просто увязнуть в спорах?»

Класс всё ещё хранил молчание, пока я, как мог доходчиво, объяснил ему основные правила упражнения, в том числе требования к каждому из его участников внимательно выслушивать доводы своего оппонента.

Я спросил у класса: «Кто из вас твёрдо убежден, что женщины имеют право на аборт?»

Как я и предполагал, почти все руки моментально взметнулись вверх. В классе было примерно пятьдесят студентов.

«Кто хочет обосновать эту точку зрения?»

К моему удивлению, постепенно, одна за другой руки опустились, кроме, может, трёх-четырёх. Для себя я это объяснил «боязнью сцены», хотя позже осознал, что тому были более глубокие причины.

«Кто имеет противоположную точку зрения и хочет высказаться против аборта?»

Ни одна рука не шелохнулась. Меня это не особенно удивило, учитывая студенческий состав и политический климат в Сан-Франциско. Но это было проблематично с точки зрения эксперимента, который я пытался провести.

«Есть ли здесь такие, кто считает, что аборт — это плохо?»

Я заметил лёгкий мандраж у нескольких студентов.

«Если кто-то так считает, не побоитесь ли вы это признать?»

Мандраж на мгновение усилился и потом затих.

«В таком случае — сказал я, — упражнения у нас не получится».

Жанет Холкомб, сидевшая по правую руку от меня рядом с высоким окном, на это сказала, что хотя она и за аборт, эксперимента ради она согласна принять противоположную точку зрения.

«Нет, это должно быть искренним убеждением» — сказал я. «Обе стороны должны одинаково верить в свою правоту и придерживаться противоположных взглядов, как это бывает в нашем реальном мире, в наших жизнях».

Я ещё немного подождал, но больше желающих не объявилось. Я был уверен, что один или двое студентов считали аборт чем-то безнравственным, но боязливо предпочли отмолчаться. В классе воцарилась гробовая тишина. Представители мужского пола, казалось, пребывали в особом оцепенении.

«Почему бы нам не выбрать другую тему?» — сладко пропел Элиху Эндрюс, широкоплечий чернокожий парень.

«Ладно» — ответил я. «Например?»

Одиночные предложения следовали одно за другим, и каждое из них, словно боязливо оглянувшись по сторонам, мгновенно растворялось в плотной тишине.

«Война в Ираке» — предложил Бернардо Ди Джорджо.

«Брак геев» — сказала Агнес Хунг.

«Глобализация».

«Израиль и Палестина».

Однако, всё это снова сменилось безмолвной, глухой отстранённостью. Я наблюдал за пятьюдесятью черепахами, выглядывающими из-под своих панцирей. Но почему? Откуда у этих обычно оживлённых, даже непоседливых студентов такая пассивность?

Но тут одна из черепах высунула голову и мягко произнесла: «Поздние аборты!»

СТРАСТЬ И ВНИМАНИЕ

Внезапно, словно бы чёрно-белое кино заиграло всеми красками. Атмосфера в миг наэлектризовалась. Руки

взметнулись вверх словно встревоженные птицы. Это было поразительно. Каждый начал что-то говорить: мне, своему соседу, самому себе. Спорить начали и мужчины, и женщины. Именно сюда, по всей видимости, перешла линия баталий в вопросе аборта. Разве не стоял этот вопрос очень остро на повестке дня, пусть и на короткое время, в нашем глобальном нравственном кризисе?

Здесь уже не было нехватки в добровольцах. Проблема, скорее, была в том, кого из них выбрать, чтобы представлять каждую из конфликтующих сторон. И выбрать я должен был незамедлительно. Должен ли я был выбрать мужчину или женщину? Или двух женщин? Рассматривать это как чисто «женскую» или, скорее, более широкую, *общечеловеческую* проблему?

Но почему на это необходимо было смотреть именно так? Возможно, участников для упражнения следовало выбирать исключительно исходя из того, сколь глубокой была их забота о человеческой жизни и благополучии, а также сколь большим было их стремление к истине, куда бы, в конечном итоге, оно их ни привело. Что было действительно важно — страстная убеждённость наравне с решимостью подняться выше своих страстей, не оправдывая и не отрицая их, и даже не думая этого делать. Бог мой! Прямо здесь, на сценических подмостках ума возникал фундаментальный этический императив, а именно попытка в самом эпицентре страха, гнева и страстей освободиться от тотальной и полной «идентификации» или «растворения» в автоматизме эмоциональных реакций. Конечно, это было всего лишь театральной репетицией ума, но разве суть этого упражнения не заключалась в *изучении* — в рамках специально для того созданных благоприятных условий

— правил и законов ведения этой борьбы за возможность стать хорошим, борьбы, которая кажется практически невозможной в конкретных, сложных условиях повседневной жизни?

Однако, не обманывался ли я, ожидая от своих студентов подобной благородной мотивации? Не было ли это с моей стороны попросту глупо?

К моему удивлению, мои ожидания совпали с реальностью. Не было никакого сомнения в том, что у выбранных мною студентов наличествовало это мистическое свойство: сплав страстной убеждённости и равной ей по силе самокритичности — убеждённости, не переходящей в «категоричность», проще говоря, фанатизм; самокритичности, лишённой робости или неуверенности в себе.

Трудно найти слова, чтобы описать это качество. Над сильным противоречием их личных убеждений и самокритичностью парило, или же находилось внутри них, ещё одно, *третье* качество. Оно проявлялось, если можно так выразиться, в окружающей их *атмосфере*, озаряла мягким светом их кожу, неуловимо преображала их лица, делая их такими же прекрасными, подлинными и естественными как на египетских фаюмных портретах. Это качество физически проявлялось в том, что внезапно их движения становились живыми и непосредственными как у детей — признак того, что тело и ум гармонизированы. Я *знал*, кого выбрать.

Это были две женщины — Дженис Эберхарт и Арлин Харрис. Обе сидели в первом ряду.

Дженис было немногим за двадцать. Невысокая и юркая словно маленькая птичка, с роскошной копной огненно-рыжих волос, заплетенных сзади в косу. У неё было привычкой сидеть, несколько наклонив голову вперёд и подперев подбородок кончиками пальцев на словно бы молитвенно сложенных ладонях, особенно когда она пыталась особенно чётко или искренне сформулировать свою мысль.

Возраст Арлин Харрис сложно было определить; возможно, ей было около тридцати пяти. Её кожа была очень тёмной, до блеска, как и её большие неподвижные глаза. Высокая и статная, с короткой стрижкой и высокими, широкими скулами она иногда посещала мои лекции, расточая вокруг улыбки и красуясь в нигерийской рубашке «бу-бу», что делало её похожей на королеву африканского племени. Она была круглой отличницей.

Сегодня на ней были более привычные глазу джинсы и кофточка.

Я поставил стулья по обе стороны от металлического столика и жестом пригласил женщин занять свои места. «Помните, — сказал я им, — вы должны очень серьёзно отнестись к этому условию. Ваша собеседница должна точно пересказать, не обязательно дословно, все ваши главные тезисы. Только после этого она получает право ответить. Иногда, вам захочется сделать ей поблажку, однако не стоит. Пересказ должен быть как можно более точным и аккуратным».

Затем, пока эти женщины рассаживались и поворачивались лицом друг к другу, я обратился к классу:

«В этом упражнении вам отводится важная роль. Вы должны сохранять тишину и быть очень внимательными; вы должны внимательно выслушать всё, что будут говорить эти две леди. Все студенты обязаны поддерживать их своим вниманием. Иначе, ничего не получится».

ШОК ВОПРОСА

«Тема нашего обсуждения — поздний аборт», — обратился я к классу. «И чтобы всем было ясно, о чём идёт речь, не будет ли кто-то из вас любезен дать определение позднего аборта?»

Мужчина с задних рядов сказал что-то неразборчивое, и сразу за ним четверо или пятеро студентов стали предлагать свои варианты. Вместе с ними и Дженис — во время упражнения она должна была занимать позицию против абортов — сдержанно и чётко дала собственное определение. С некоторой скованностью, сильно сжимая ладони и касаясь кончиками пальцев подбородка, она произнесла:

«Поздний аборт — это процедура... при которой врач принимает роды... вплоть до того момента, пока только головка плода не остается внутри матки... и затем он протыкает череп... и вынимает мозг».

Все сидели словно в оцепенении. Казалось, часы на стене вдруг затикали оглушительно громко.

После длинной паузы я подал знак Дженис, и она не заставила себя долго ждать. Как это стало сейчас привычкой у многих молодых женщин, в её утверждениях проскакивали вопросительные нотки.

«Я против поздних аборт. Вначале, я думаю, необходимо понять, почему женщина решила так поздно прервать свою беременность? Есть случаи, когда продолжение беременности может быть опасным для здоровья матери, и здесь аборт мне ещё видится чем-то допустимым? Но если это не вопрос её личной безопасности, личной жизни, то, я бы сказала, есть много бездетных семей, желающих завести ребёнка, и они могли бы кого-то усыновить или удочерить? Конечно, это может стать тяжёлым эмоциональным испытанием для матери, но ровно настолько же эмоционально болезненно... в другом смысле... будет сделать аборт, как и отдать кому-то своего ребёнка... Я хочу сказать, ребёнок мог бы жить, а так — его уже нет».

Её фразы словно насккивали одна на другую:

«Иногда, ребёнка называют зародышем, но мы не можем точно сказать, является ли он живым ребёнком? И я считаю, что, называя ребёнка зародышем, мы просто уходим от проблемы? Так нам легче это принять. Скажем, если ребёнок рождается преждевременно, недоношенным, и этому ребенку пытаются спасти жизнь... Но тут мать решает, что она его не хочет, и существует некие установленные временные рамки, когда вы просто можете называть его зародышем? И вы можете просто его убить».

«Я смотрела видео, как это всё делается. Камеру ставят так близко, что видны все детали, и вы видите, что он... *живой!* Он выглядит как... *маленький ребенок*».

Я прервал её.

«Очень хорошо» — сказал я нарочито невозмутимо,

надеясь, что это всем поможет сосредоточиться на интеллектуальной стороне вопроса. Кроме того, мне не хотелось с самого начала эксперимента перегружать память Арлин. «Очевидно, много здесь можно ещё добавить; попридержим это до следующего раза. Сейчас выслушаем Арлин. И запомни — она должна достаточно точно пересказать все твои тезисы».

Арлин заговорила ровным голосом, словно констатируя факты: «Кажется, твоё главное беспокойство в том, что женщина слишком поздно решается на аборт. Ей следовало бы сделать это раньше. Помимо того, существует много бездетных семей, которые могли бы усыновить ребёнка, они могли бы взять его к себе и дать ему хорошее воспитание» — Арлин сделала паузу. «Всё верно?» — спросила она с несвойственной ей робостью.

Дженис быстро и с теплотой откликнулась: «Да, всё верно».

«Нет» — сказал я Дженис. «Есть ещё кое-что. Скажи, что Арлин оставила за скобками».

Дженис послушно повторила пропущенную часть, в этот раз уже менее эмоционально — о живом ребёнке и лицемерии, с которым ребенка иногда называют «зародышем».

Арлин пересказала и это.

«Теперь ты удовлетворена?» — спросил я Дженис. «Пересказала ли Арлин твои слова достаточно точно?» Дженис кивнула. «Тогда продолжим».

Я подал знак Арлин.

Со скрещенными руками, неподвижно лежащими на

откидной парте, Арлин подалась вперёд. «Сама лично я никогда бы не стала этого делать, — сказала она, — но считаю, что право на этот выбор должна иметь каждая женщина, даже если это...». Она искала слово «неправильно». Она взглянула на меня своими неподвижными черными глазами и спустя мгновение продолжила необычно монотонно: «Я смотрю на это с точки зрения потребностей нашей планеты. В мире так много людей, так мало пространства и так мало еды — всё вышло из-под контроля. Если бы речь шла о бедной стране третьего мира, другой нации, то здесь такого вопроса вообще бы не стояло. Они просто не могут себе позволить подобную процедуру. Но здесь в Америке, где мы потребляем непропорционально большую часть мировых ресурсов, мы можем себе это позволить. Поэтому в Америке, хотя такой вид аборт, возможно, неприемлем с моральной точки зрения, женщины должны иметь на него право».

Теперь непринуждённо и без запинок, Дженис ответила:

«Значит, ты хочешь сказать, что право на этот выбор должны иметь все женщины, что сама ты никогда бы этого не сделала, но все женщины должны решать это самостоятельно, и что это очень важно сейчас, особенно в Америке, потому что в мире существует такая проблема перенаселения и такое неравномерное распределение ресурсов, и что, возможно, это *не совсем хороший* выбор, но, вероятно, он соответствует реалиям нашего современного общества?».

Пауза. «Является ли это точным пересказом?» — спросил я у Арлин. Она кивнула, но несколько неуверенно.

«Правда?». Она ничего не ответила.

Я начал замечать какое-то более глубокое взаимодействие в этом подозрительно спокойном диалоге двух женщин. В большинстве случаев, когда я в дальнейшем проводил этот эксперимент, при обсуждении политических или религиозных вопросов, расизма или аборта студентам было намного сложнее контролировать свои эмоции. Здесь же затруднение возникло лишь в самом начале, когда Дженис давала определение позднего аборта. После этого общение стало вполне ровным и дружеским, и я уже начал сомневаться, что выбрал правильных собеседников.

НРАВСТВЕННАЯ СИЛА ВЫСЛУШИВАНИЯ

Но вскоре всё резко переменилось, как это происходило всякий раз благодаря искренности участников этого упражнения — упражнения, дающего возможность лицезреть нравственную силу выслушивания. То, что на какой-то миг просто показалось дружеским общением, на самом деле указывало на совершенно иную работу внимания, когда каждый оппонент в несвойственной ему манере старался внимательно выслушать другого, без осуждения и реакций, без мыслей о поражении или победе. И это совместное стремление к беспристрастности приносило один из удивительнейших и ощутимых плодов этого упражнения — это позволяло обоим участникам внутренне отделиться, отрешиться от своих взглядов, а не удерживать их у себя внутри словно цепных псов. Более того, эти искренние попытки отделиться от своих собственных эмоционально заряженных мнений, чтобы посмотреть на всё с точки зрения

другого, ощущались всеми студентами в классе, хотя, возможно, они сами не смогли бы толком объяснить, что было такого необычного в этой с виду милой и тихой беседе.

«Арлин, — сказал я, — ты уверена, что Дженис пересказала всё точно? Как насчёт стран третьего мира?»

«Да, верно — ровно ответила Арлин, — она об этом не упоминала».

Но перед тем, как Арлин успела повторить пропущенную часть, Дженис включилась:

«Хорошо, — сказала Дженис, — в странах третьего мира просто нет возможности делать аборт. Но поскольку у нас в Америке так много денег и вещей, которые мы сгребает со всего остального мира, мы можем себе это позволить».

«Теперь всё в порядке?» — спросил я Арлин. Она ответила утвердительно. «Хорошо, — сказал я Дженис, — теперь твоя очередь. Можешь немного обдумать ответ». Но ей не понадобилось и секунды:

«Итак, — сказала она с живостью, — в странах третьего мира, где аборт не входит в число возможных опций, большинство женщин не могут контролировать рождаемость, имеют так много детей и потом просто не в состоянии о них позаботиться — и это правда, что мы не хотим оказаться в подобной ситуации в нашем обществе при таком обилии ресурсов. Просто интересно, только из-за того, что мы такие сильные, мы должны иметь на это право? То есть, чем мы сильнее, тем больше у нас должно быть возможностей, неважно,

приносит ли это благо другим? И ещё, интересно, есть ли какие-то другие альтернативы позднему аборту, которые не рассматриваются просто потому, что аборт кажется чем-то очень лёгким и доступным? Скажем, в других странах они были бы вынуждены искать какой-то положительный выход из этой негативной ситуации. Мы же здесь привыкли решать всё быстро, выпили что-то вроде волшебной пилюли и дело в шляпе? Именно такое отношение наиболее распространено в Америке, и, возможно, именно поэтому мы уже долго не в состоянии решить эту проблему».

И теперь Арлин: «Она говорит, что мы здесь в Америке очень сильные, и чем мы сильнее, тем больше открывается возможностей, и тем больше аборт становится доступным. Но из-за этой доступности люди не думают своей головой и не ищут альтернативных путей, которые... которые сохранили бы... которые... были бы лучше?» Арлин замолчала. Явно что-то происходило.

«Вы следите за обсуждением?» — обратился я к классу, тем самым позволяя двум женщинам немного перевести дух.

Дженис упёрлась подбородком в кончики пальцев, кивнула и подтвердила точность пересказа. В этот момент Арлин внезапно выпрямилась на стуле во всю свою статью, расправив широкие плечи. Её неподвижные глаза светились.

«Отвечай» — сказал я ей почти шепотом.

«Я согласна с Дженис, — сказала она, — в нравственном отношении американцы ленивы, и если бы не

доступность аборта людям пришлось бы об этом *думать*. И, возможно, это было бы правильно и хорошо, очень хорошо!» После паузы она продолжила, уже громче:

«Но я всё равно считаю, что такая опция должна оставаться у женщин. Это просто *неправильно* — она говорила, всё более повышая голос — указывать кому-то, что они не могут распоряжаться своим собственным телом. У них что-то происходит внутри, и они должны иметь над этим *контроль*! Нет, я не говорю, что вы в принципе не можете что-то кому-то запретить. Есть сложные вопросы, они касаются определения понятия «зародыш», когда именно рождаются или не рождаются люди и так далее — я не собираюсь сейчас это обсуждать. Поэтому, да, есть какие-то недопустимые вещи. Очевидно, что убивать кого-то неправильно. Но точно так же неправильно указывать женщине, что нужно делать с её телом, и этого всё никак не могут понять силы, доминирующие в нашем обществе. Мне, женщине, права моего тела, мои права...»

Арлин замолчала. Снова громко затикали часы.

Я обернулся к классу. «Пожалуйста, отметьте для себя — сказал я, — во время обсуждения возник новый вопрос».

ДВИЖЕНИЕ К СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Но это был не просто новый вопрос; обнаруживался новый, более глубокий психический пласт в уме и инстинктах Арлин, и это мгновенно ощутилось всеми в классе. Дело было совсем не в том, что кто-то был прав или неправ в обычном смысле. Речь шла о человеческом

сердце, личном самовыражении, личных взглядах, личных чувствах. Слова Арлин обрели новый вес, новую силу благодаря движению к сознательности. К сознательности, не больше, не меньше. *Движению*, не больше, но и не меньше. Она совершала усилия на пути к большей сознательности. В течение многих лет создавая условия, при которых юноши и девушки обязаны были честно мыслить, я развил особую чувствительность, возможно, излишне обострённую, к тем моментам, когда они отбрасывали всё «обще-принятое», какие-то поверхностные «прогрессивные» идеи и начинали говорить просто от самих себя, не задумываясь о правильности или неправильности своих слов. В такие моменты никогда не было выплеска агрессии или резких выражений, и этому всегда сопутствовала атмосфера покоя.

Арлин продолжила: «Это тело принадлежит мне до самой моей смерти, а до тех пор оно не должно регулироваться какими-то там законами. Речь идёт не только о зародышах, а обо мне и вообще о каждой женщине, заявляющей о своих правах. Мы веками боролись за те же самые права, которыми пользуются мужчины. В *Роу* («Роу против Уэйда», *прим. пер.*) Верховный Суд постановил, что родитель должен иметь самый высокий уровень конституционной защиты. Вот о чём я веду речь. Женщин следует уважать, они должны обладать такими же правами, как и мужчины, и по своему усмотрению распоряжаться своими жизнями, своими телами, быть равными, чувствовать отношение к себе как к равным. Конечно, поздний аборт — это кошмар, это ад, но осознают ли мужчины, сочиняющие все эти законы, каким кошмаром может обернуться

нежелательная беременность? Они когда-нибудь сами менструировали? Или опасались забеременеть? Или имели матку? Или делали тест на беременность? Они хоть раз вынашивали детей или чувствовали, как что-то растёт в их организме? Знают ли они, каково это женщине оказаться одной на один с этим ужасным выбором аборта? Которая совершенно не в состоянии позаботиться о своем здоровье и вынуждена взваливать на себя всю эту ответственность? Как они могут издавать законы о том, о чём не имеют и не будут иметь ни малейшего понятия? Как те, кто никогда не жил в женском теле, могут устанавливать какие-то правила для моего тела? И нисколько не учитывать при этом мнений и голосов большинства женщин, которых эти решения непосредственно коснутся?»

Дженис продолжала сидеть в своей «молитвенной позе» со склонённой головой, сомкнутыми ладонями и подбородком, едва касающимся кончиков пальцев. Одно лишь изменилось: её глаза были плотно закрыты, пока она с величайшим вниманием ловила каждое слово своей собеседницы.

То, чему мы сейчас были свидетелями, всегда рано или поздно происходило во время этого упражнения, и каждый раз это было сродни чуду. Это происходит всякий раз, когда более глубокие чувства выносятся на поверхность — не какие-то хаотичные, слишком хорошо знакомые нам эмоциональные выплески, но более глубинные отголоски возникающей сознательности. Я говорю о чуде, хотя это, скорее, закономерность. И сводится она к следующему: чем сильнее и глубже человек испытывает какие-то искренние эмоции, тем с большим спокойствием он способен наблюдать за

собой, т.е. пребывать в динамичном покое. И этот акт беспристрастного наблюдения за собой распространяется или отзывается эхом в другом участнике диалога, а также, в какой-то мере, во всех остальных студентах в классе. При взаимодействии людей эмоциональное возбуждение одного нередко передаётся другому — это же относится и к устойчивости внимания, внутреннему спутнику глубокого нравственного чувства.

Все головы в классе повернулись в сторону Дженис. Чем она будет крыть этот могучий довод Арлин?

Со всё ещё закрытыми глазами Дженис подытожила:

«Женщины должны иметь право распоряжаться своими телами по своему усмотрению точно так же, как и мужчины. Это же относится и к зародышу внутри женского тела. Ещё, должно быть общее для всех определение безнравственности. Следовательно, мы должны разрешить аборты, в т.ч. поздние аборты — они должны быть разрешены потому, что все люди должны иметь полное право распоряжаться своими телами».

«Всё точно?» — спросил я у Арлин. Конечно, пересказ был и точен, и не точен. С точки зрения содержания всё было «корректно». Но в пересказе Дженис отсутствовала страстная убеждённость Арлин, и это было неизбежно и оправдано — оправдано потому, что то же самое качество переживания охватывало теперь и Дженис, правда, в несколько другой форме. И я могу совершенно уверенно сказать, что чувство, с которым каждая женщина относилась к аборту, сопровождалось или соизмерялось, или, лучше сказать, странным образом усиливалось другим одинаково глубоким чувством, другим одинаково глубоким предвестником сознатель-

ности, а именно — *стремлением к истине, куда бы оно ни привело. Любовью к истине. Достаточно однажды столкнуться с этим чувством, чтобы поверить и узнать, что оно в реальности из себя представляет. Любовь к истине — это не то, что мы думаем, когда начинаем о чём-то размышлять или что-то обсуждать. Обычный интеллект сам по себе не способен любить истину. Он может «интересоваться» истиной, но на самом деле он любит, как правило, нечто совсем другое, зачастую не самое прекрасное, что в нас есть. Как показывает нам Сократ благодаря художественному гению Платона, любовь к истине возникает, если только за это заплачена внутренняя цена, лишь когда преодолевается внутреннее сопротивление уже укоренившихся взглядов. Лишь когда человек сталкивается с подобным сопротивлением и всё же продолжает двигаться, отказываясь от привязанности к своим собственным мнениям, внутри совершается некое действие, о котором Сократ говорил как о предчувствии «смерти».* Истинный философ, как он учил, смотрит на смерть и умирание как на отказ от привязанности к «важной» мысли в момент её возникновения в уме.

НЕЧТО НЕВЕРОЯТНО ВОЗВЫШЕННОЕ

Дженис, чьи закрытые веки легонько подрагивали и затем, наконец, открылись, повернула голову к Арлин. Каждому было ясно, что между этими двумя женщинами происходило нечто невероятно возвышенное:

«Арлин очень хорошо прояснила один из главных моментов во всём этом вопросе», — сказала она, со всё

ещё сомкнутыми ладонями прямо глядя на Арлин. «Является ли зародыш частью женского тела или это отдельное существо у него внутри? И... у нас действительно есть права, но также и обязанности по отношению к своему телу? Однако, я думаю, что по отношению к детям, нашим собственным детям существует другой вид ответственности? Чувствуем ли мы разницу между этими двумя видами ответственности — и понимаем ли вообще само слово «ответственность»? И если у меня есть ребёнок, скажем, на шестом месяце беременности женщина решает по какой-либо причине её прервать, возникает вопрос: поступает ли она безответственно по отношению к своему телу или чьему-то другому... *телу*? Когда именно возникает материнская ответственность? Я думаю, это главный вопрос, и ещё я думаю, что люди пытаются уйти от него всеми этими разговорами про зародыш, мол, какое это имеет отношение к материнству, мол, никакого материнского инстинкта нет или что-то в таком роде?

Очевидно, всё это нелепые разговоры, что материнского инстинкта не существует? Вопрос в том, когда именно он возникает? Когда на самом деле возникает эта связь между матерью и её ребёнком? Я знаю людей, у которых был выкидыш, и они чувствовали, что была разорвана *связь*; когда она успевает завязаться? И это, я считаю, уже ответственность за *нечто другое*, а не просто за своё тело...»

Дженис запнулась и замолкла на середине предложения. Медленно, в несвойственной ей манере она сложила руки на коленях и тихонько посмотрела на Арлин. Арлин, со своей стороны, тоже приняла нехарактерную для нее позу, хотя, в отличие от Дженис, это

изменение было более неувимым. Её широкие, гордые плечи расслабились и округлились словно сложенные сзади крылья. Она не отводила от собеседницы своих блестящих чёрных глаз.

Остальные студенты, теряясь в догадках, кто сейчас будет отвечать, медленно вращали свои головы из стороны в сторону. В какой-то момент я сам уже хотел нарушить эту тишину. Но уже почти открыв рот, я поймал себя на мысли, насколько это было бы глупо с моей стороны. Что бы сейчас ни происходило между этими двумя женщинами, оно становилось всё более и более осязаемым. Этот взаимообмен был очень утончённым и интенсивным — слово «сакральным» вполне бы здесь подошло. И наблюдая за всем этим, ощущая всё это, я внезапно вспомнил, что именно в этом и заключался смысл этого упражнения. Я поразился самому себе: как я мог хоть на мгновение об этом забыть?

Наконец, Арлин ответила: «Ты говоришь, что... здесь мы проводим различие между ответственностью женщины за своё собственное тело и её ответственностью за тело, развивающееся у неё внутри. Говоришь, что мы должны чётко определиться, где заканчивается её ответственность за своё собственное тело и начинается её ответственность как матери. Говоришь, что она должна решить, когда именно её плод становится *ребёнком*».

Не дождавись меня, Дженис подалась телом к Арлин и странно вибрирующим мягким шёпотом, слышимым и на самых задних рядах, ответила: «Всё верно».

ЛЮБОВЬ И ВЫСЛУШИВАНИЕ

То, что произошло затем, стало одним из наиболее

волнительных моментов, которые мне когда-либо доводилось наблюдать в своём классе. Арлин просто сидела молча, по всей видимости, обдумывая ответ. Ни у кого не было даже и мысли нарушить эту тишину. С Арлин происходило нечто, совершенно незнакомое для других студентов. Пыталась ли она отчаянно найти контр-аргумент? Может, да... может, нет. Чувствовала ли она себя «побеждённой»? «Уделанной»? Не было ни малейшего тому признака. Хотя было очевидно, что внутри неё происходила борьба.

Что, в конечном итоге, она сказала, удивило всех нас.

Была произнесена лишь одна фраза.

«Мне сложно на это что-то возразить», — почти прошептала она.

Все затаили дыхание, когда эти слова словно повисли в воздухе. Я видел, что Дженис готова была сорваться со своего места, чтобы, скорее всего, обнять Арлин. Класс не знал, что делать. Казалось, даже Арлин не осознавала произошедшую перемену с ней и благодаря ей — со всеми нами.

Возможно потому, что мне уже доводилось наблюдать нечто подобное, хотя и при других обстоятельствах, я с полной ясностью мог видеть, что на мгновение Арлин покорила этому другому качеству энергии в своей душе. В то же время, я ощутил, как это её внутреннее действие отразилось и в моём собственном существе. Во мне отразился её свободный дух, её любовь к истине — любовь не на словах, а на деле, сознательная энергия, объединяющая противоборствующие стороны, связующая людей в единое целое, любовь как истина. И это

возможно благодаря тому, что искренний нравственный акт в одном человеке вызывает нечто похожее в другом — именно поэтому мы просто не можем не чувствовать искреннее уважение и любовь к хорошему человеку. Мы сами становимся хорошими, чувствуя чью-то добродетель. И в такие моменты мы знаем, что нам действительно этого хочется, нам просто не может этого не хотеться. Что именно в этом заключается наше подлинное призвание в жизни.

Конечно, необходимы специальные условия, чтобы эта сила могла активно проявляться как в человеческом сообществе, так и внутри нас самих. При обычных внутренних и внешних условиях, в нашей повседневной реальности либо наш эгоизм блокирует подобные восприятия, либо нас обманывает чья-то искусственная добродетельность, либо, в конечном итоге, мы получаем шизофреническое раздвоение личности, при котором наша глубокая любовь к добру отходит куда-то далеко на задний план и мы пользуемся своей «добренькой» личиной, коль скоро это отвечает нашим корыстным интересам. В итоге, мы становимся либо сентиментально наивными по отношению к себе самим и другим людям, либо развиваем ужасно циничный («реалистичный») взгляд на вещи. Или хуже того — это, к сожалению, происходит сплошь и рядом — рост человеческого зла и жестокости пробуждает в нас мистические силы субъективного страха и ненависти, что становится благодатной почвой для возникновения всё большего зла.

Мы говорим о конкретном нравственном триумфе Арлин, триумфе обеих женщин, пытающихся размышлять вместе и искренне выслушивающих друг

друга, и благодаря им — триумфе всех остальных в классе. Студенты недоумённо перешёптывались: проиграла ли Арлин «спор»? Если так, почему всеми это воспринялось как победа... в которой не было проигравших? Откуда был этот душевный подъём? Отчего в классе воцарилась такая праздничная атмосфера? И это при всём при том, что мнение ни одного из участников, как и сами участники никем не были восприняты как «правильные» или «неправильные».

Да, это была всего лишь театральная репетиция ума, но какая! Возможно, этот краткий миг никоим образом не повлиял на дальнейшую жизнь студентов. Но какой это был проблеск человеческого потенциала, какой проблеск величайшей потребности в том, что мы называем «этика»! Подобный момент, называйте это, если угодно, моментом нравственного мистицизма или коллективной нравственной силы, не только позволяет нам лучше прояснить значение этики. В равной степени благодаря этому мы осознаём, насколько далеки мы от добродетели в нашей повседневной жизни, с нашим обычным внутренним состоянием и взаимоотношениями с миром.

«Мы можем здесь зайти с несколько иной стороны», — произнёс я, наконец.

Обращаясь к обеим женщинам, я спросил: «Что вы можете сказать об этом опыте взаимного выслушивания? Что вас больше всего впечатлило — необходимость усилий для выслушивания своего оппонента или *восприятие* своих взглядов на этот вопрос? Изменилась ли как-то ваша позиция, ваше мнение? Если да, то как именно?»

«Это очень сильное упражнение» — сказала Арлин; в тембре её голоса всё ещё чувствовалось её возвышенное внутреннее состояние. «Если вы должны в точности пересказать всё то, о чем говорит ваш собеседник, вы обязаны очень внимательно его выслушивать».

«И что это даёт, что это означает, чего это от вас требует?»

«Это требует полной концентрации» — сказала Арлин. «Это означает, что я действительно должна понять всё то, о чём говорит другой человек...» Обычно неподвижные глаза Арлин искали Дженис. Было ясно, что хотя она и обращалась ко мне, сердцем она была вместе с Дженис.

«И это действительно меняет отношение».

«Как именно?»

«Я не могу с такой же силой цепляться за собственные убеждения, поскольку, выслушивая другого, я должна постоянно ослаблять самоконтроль».

Здесь я чуть не потерял дар речи. «Прекрасно!» — сказал я. «Мы проживаем свои жизни, общаемся, спорим о чём-то, и нам никогда даже не приходит в голову кого-то выслушать подобным образом!»

Затем я повернулся к Дженис. Её руки теперь расслабленно лежали на коленях, а взгляд был устремлён к Арлин.

«Хотя Арлин сдала свои позиции, — сказал я ей, — уверен, что внутренне ты испытывала примерно то же самое, что и она».

Дженис посмотрела на меня и после безотчетного

порыва сжать ладони мягко опустила свои руки на колени.

«Абсолютно!» — сказала она. «Очевидно, что нам обоим пришлось высказать намного больше, чем это изначально предполагалось, но я обнаружила, что слушаю человека, а не его аргументы...»

В порыве восторга я снова вмешался:

«Это самый главный урок во всём этом упражнении. Повтори, пожалуйста, что ты только что произнесла».

«Я слушала человека, а не его аргументы».

Я повернулся к классу. «Вы слышали?» — сказал я. «Вы понимаете, какое открытие они для себя сделали? Вы можете вечно с кем-то спорить и не соглашаться. Ваша точка зрения может быть диаметрально противоположной. Вы можете яростно отстаивать свои взгляды. Но если вы признаёте и чувствуете, что слушаете человека, не будет никакого насилия, не будет войн».

После долгой паузы я обратился к этим двум женщинам: «Спасибо! Вы обе прекрасны!»

Арлин поднялась и направилась к своему месту. Однако Дженис продолжала сидеть неподвижно. «Но постойте», — сказала она, сложив ладони и вонзив кончики пальцев в подбородок. «Что всё это будет означать, когда возникнет реальная необходимость принять какое-то решение? Сделать реальный выбор? Что тогда? Обсуждения — это, конечно, здорово, но *как насчёт реальных поступков?*»

В одно мгновение стихли все звуки (кроме тикания часов). Арлин уже почти подошла к своему месту в

переднем ряду у окна, но встала как вкопанная.

Профессор, т.е. я сам, тоже словно окаменел. Вопрос, Один Вопрос опустился в нашу классную комнату и парил в ней как большекрылая птица-жизнь. Во многом благодаря только что проведённому упражнению вопрос о том, как же нужно поступать в реальной жизни, проникает в каждого из нас и доходит до самого «нутра», вызывая что-то между удивлением и отчаянием. Тем же самым удивлением, с которым смотрят на бескрайнее небо, усеянное мириадами звёзд; тем же самым отчаянием, с которым обозревают человеческие преступления на Земле, равно как и на душевный разлад и моральную слабость, в той или иной степени присущие каждому из нас...

Нидлман также говорит о духовной трансцендентности, связанной не столько со взаимным выслушиванием, сколько отстранённым отношением к самому себе. В своей книге он описывает и такое упражнение:

«В дополнение к вашему заданию по чтению (мы уже подходили к концу *Медитаций* Марка Аврелия), хочу вам кое-что предложить. Это не будет каким-то образом оцениваться, т.е. это дело сугубо добровольное. В ближайшие пару дней до нашей следующей лекции вам нужно будет провести один эксперимент, как только вы почувствуете, что чем-то раздражены. Можете начинать сразу по выходу из класса, если угодно. Что вам нужно

будет сделать — это просто внутренне *отделиться* и понаблюдать за своим раздражением или возмущением. Не пытайтесь что-то с этим делать. Не пытайтесь от этого избавиться, не оправдывайте и не оценивайте себя каким-то образом. Просто наблюдайте за этим состоянием и всем, что ему будет сопутствовать. Не пытайтесь что-то изменить или от чего-либо уклониться в этом своём внутреннем переживании. Задание понятно?»

Кивнуло лишь несколько голов и то как-то неуверенно. Очевидно, многие из них посчитали, что осознать своё раздражение было для них вполне привычным делом. «Например, — продолжил я, — вы видите свободное место, на парковке но кто-то прошмыгивает туда прямо перед вашим носом. Или вы стоите в очереди, чтобы расплатиться в кассе, а перед вами стоит человек, покупающий какую-то мелочь, скажем, жвачку, и долго расплачивается кредиткой». Студенты заулыбались, у них пробудился интерес. «И тогда просто *понаблюдайте* за своим раздражением. Как бы внутренне отстранитесь от него. Каждый день, каждый час, порой, каждую минуту какие-то вещи нас возмущают или раздражают. Так что у вас будет масса возможностей попрактиковать это «философское» упражнение».

Я думал, что этим моё объяснение исчерпалось, тем более, что занятие уже подошло к концу. Но когда я увидел, что студенты просто тихо сидели с широко открытыми глазами и никто из них не смотрел на часы и не спешил складывать тетради и книги, то добавил еще пару слов:

«Это упражнение сродни той древней философской

практике, о которой умолкал Сократ в конце своих диалогов. Однако, на протяжении веков она могла передаваться изустно, пока, наконец, благодаря рабу Эпиктету не достигла ушей императора Марка Аврелия.

Я хочу, чтобы вы отнеслись к этому просто как к эксперименту».

Эксперимент этот, в конечном итоге, правильно смогла сделать только одна студентка. Её опыт, сопровождаемый комментариями профессора Нидлмана:

«Вчера, — сказала она, — по пути домой из школы я заехала в химчистку, чтобы забрать оттуда свои вещи, которые я оставила там несколькими днями ранее. Я дала работнице, маленькой азиатской женщине, свой чек. Она проверила все полки, посмотрела на меня и сказала, что мои вещи ещё не готовы. Меня это сразу же вывело из себя, я снова показала ей чек, где было чёрным по белому написано, что вещи должны были почистить ещё в среду. Женщина просто ответила: «Не готово. Приходите завтра». И потом я ей сказала, кажется, переходя на крик: «Но мне же обещали сегодня!» Она хихикнула и просто сказала: «Не готово. Завтра приходите». Конечно, она смеялась не надо мной, и её смех был вызван смущением, но меня это взбесило.

Я уже собиралась уйти, со всей силой хлопнув дверью. И в этот момент я вспомнила нашу лекцию и упражнение. Я вспомнила слово «отделиться». И сказала себе: «Я раздражена. Такие дела». И внезапно, мне даже сложно

это объяснить, внезапно во мне возникли как бы две личности».

Она сделала паузу, пытаясь подобрать слова. И затем она просто повторила: «Во мне возникли как бы две личности».

Она снова сделала паузу. В классе стояла тишина. Наконец, она произнесла: «Я даже не думала, что мой ум на такое способен!»

«Способен на что?» — мягко спросил я.

«Ну, на это самое» — сказала она. «Одна личность внутри меня была раздражена, а вторая спокойно за всем этим наблюдала».

«И что было дальше?»

«Ничего особенного. Я все ещё очень сердилась на женщину и, одновременно — нет. Затем я словно слышала со стороны, как приятным голосом говорю ей «Спасибо», и просто ушла».

Что меня особенно поразило в её словах: «*Я даже не думала, что мой ум на такое способен!*». Мысли лихорадочно крутились в моей голове. Я не хотел делать каких-то поспешных выводов из опыта одной лишь студентки, но не мог справиться со своим волнением: могло ли это всё быть правдой? Могло ли быть правдой то, что только некоторые люди не знают об этой способности отделяться от себя, этой способности *внимания* наблюдать за своими мыслями и чувствами, этом внутреннем «раздвоении» благодаря такой простой и фундаментальной технике, лишь потому, что живут обычной, непритворной жизнью? Или целое поколение мужчин и женщин не имеет об этой способ-

ности ни малейшего представления?

Я настолько был погружён в свои мысли, что упустил из виду самый существенный момент во всём опыте Мери: внутренне отделившись от самой себя и наблюдая за своим раздражением, она смогла на какие-то мгновения освободиться от этого состояния и вежливо ответить азиатской леди, всё еще будучи «раздражённой». Что важнее всего, она делала это естественно, без морализма или самовнушения, что, мол, раздражаться — это плохо и т.д., т.е. без внутреннего насилия над собой и неискренности, которые столь часто сопутствуют нашим «добрым делам» и нередко просто маскируют более низкие внутренние побуждения, впоследствии выплёскивающиеся, вероятно, с ещё большей разрушительной силой на улицы нашей жизни. Иными словами — она ощутила вкус, пусть частично и мимолётно, нравственной силы внимания. Просто наблюдая за своим раздражением она на какое-то мгновение очистилась от эмоциональной токсичности. Без какого-либо лицемерия или натуги она позволила проявиться чему-то более человеческому в себе, хотя бы уже в том, что смогла в самом конце сказать «Спасибо».

Я хотел прокомментировать открытие Мери, не используя слово «внимание», которое для большинства из нас просто является отдалённым синонимом «мысли». Для большинства из нас «уделить чему-то внимание» или «подумать о чём-то» — это приблизительно одно и то же. Тогда как истинное значение слова «внимание», по крайней мере, с моей точки зрения, в корне отличается от привычного нам мыслительного процесса. Более того, снова-таки, как мне это видится, существует множество степеней и уровней этой силы, называемой «внима-

нием». Нравственное и духовное развитие человеческого существа, в конечном счёте, во многом будет зависеть от достижения человеком этих более высоких уровней. Ко всему прочему, в переводах великих священных писаний эти высокие уровни внимания иногда называются «мыслью», «разумом», даже «рассудком», тогда как речь идет о чём-то совершенно ином, о чём-то намного более возвышенном...

Чуть позже профессор предложил своим студентам упражнение на контроль за своим вниманием:

Чтобы продолжить всю эту затею с философскими упражнениями по ту сторону порога Сократа, т.е. на улице нашей повседневности, я обязан был выяснить, находились ли остальные студенты, а не только Мери Адиджиан, в таком же невежестве о способности своего ума отделяться от мыслей и эмоций. И если это так, следующим моим шагом было предложить им открыть в себе эту способность. В самом конце я бы обрисовал им, пусть и чисто схематически (в конце концов, кто я такой, чтобы претендовать на большее?), далеко идущие этические последствия применения либо игнорирования этой способности в их собственных жизнях, а также в жизни всего человечества.

Следующим моим шагом, таким образом, было предложить им упражнение или серию упражнений, благодаря которым они постепенно смогли бы открыть в себе эту способность, а также начать её практиковать в неких заданных рамках.

«Начиная с сегодняшнего дня и до вторника, — сказал я в конце лекции, — выберите момент, чтобы выключить фильм или передачу, одним словом, какое-то видео, которое вы будете смотреть, где-то на середине. Затем тихонько встаньте, можете попить воды или займитесь чем-то ещё в ближайшие десять-пятнадцать секунд или, может, тридцать. И затем так же тихонько вернитесь на своё место и возобновите просмотр.

Наша задача — изучить субъективную сложность переключения внимания. Уже затем, выключив видео, наблюдайте за собой, насколько вам легко заняться другим делом без ощущения внутренней пустоты. В самом конце сядьте у экрана, немного соберитесь, включите фильм или что вы там смотрели и попытайтесь словить тот момент, когда ваше внимание снова начнёт засасывать экран.

Важно, чтобы вы сделали это упражнение на каком-то интересном месте, а не, скажем, во время рекламного ролика. Это нужно сделать, когда вы буквально приклеены к экрану — вы понимаете, что я хочу сказать?»

Один за другим студенты восторженно заулыбались.

Я продолжил:

«Вы также можете сделать это упражнение во время просмотра фильма в кинотеатре. Посреди какой-то сцены встаньте и выйдете на несколько минут из зала, внутренне соберитесь и снова займите своё место. И после снова наблюдайте за тем, как вас засасывает фильм».

Лекция закончилась.

Пока студенты укладывали свои вещи, кто-то спросил: «А что нам читать?»

«Продолжайте Марка Аврелия» — ответил я.

И затем я услышал голос с приятным мексиканским акцентом:

«Профессор, а что означает «внутренне собраться»?

Несколько студентов уже вышло из класса, но большинство замерло, ожидая моего ответа.

Вопрос застал меня врасплох, и мне не хотелось отвечать как-то шаблонно. Через несколько секунд, я, наконец, ответил: «Это означает позволить себе внутренне успокоиться, чтобы к вам могло вернуться ваше рассеянное внимание».

Студент (его звали Октавио) торопливо, даже слишком торопливо проговорил: «Спасибо, профессор». Тут словно сработал какой-то переключатель, и студенты снова принялись болтать и немного хаотично продвигаться к выходу.

Нидлман проделал это упражнение и сам:

Хотя в течение многих лет я сам неоднократно проделывал это упражнение, я снова решил попрактиковаться на выходных. Вначале я испытал тот же самый шок, что и раньше, т.е. меня поразило мощное внешнее воздействие телевизора на моё внимание и то внутреннее сопротивление, когда я хотел оторваться от экрана. Не то чтобы мне как-то особенно нравилось шоу или передача, которую я смотрел, или это вызывало во мне

приятные или не совсем приятные оттенки каких-то эмоций, скажем, любопытства или страха. Конечно, и это имело место. Но я испытал самый настоящий шок от того, что мне хотелось продолжать сидеть в своём кресле в состоянии какой-то прострации. Иными словами, в поиске для себя оправдания не отключать телевизор, я осознал, что мне нравилось моё состояние прострации намного больше, чем ощущение присутствия в настоящем моменте.

Но когда я попробовал это упражнение во второй раз, прояснилось ещё кое-что. Мой опыт ещё наглядней продемонстрировал этическое значение этого, в общем-то, несложного упражнения, предназначенного для изучения способности ума временно освободиться от потока внутренних импульсов, мыслей и образов. Дело в том, что все эти импульсы, мысли и образы вызывают те же эмоциональные реакции, которые так обуславливают наше поведение в обычной жизни.

В тот момент я смотрел судебную драму «Закон и порядок». Во время просмотра я вспомнил об упражнении, по крайней мере, раз десять, но мне всё никак не хватало решимости нажать на пульте «Стоп». Судебный процесс уже подходил к своей кульминации. И тут, без каких-либо внутренних уговоров, словно делая прыжок с трамплина после долгих колебаний, я выключил телевизор.

Меня не удивила мгновенно наполнившая меня сладостная тишина, и я не преминул ей должным образом насладиться. Не вызвало моего удивления и то, что меня уже совершенно не интересовала развязка фильма, державшего меня в таком напряжении всего несколько

мгновений назад. Но что меня удивило и вызвало живейший мой интерес — я получил совершенно новое понятие о том, как именно моё внимание возвращалось ко мне из внешнего мира. Я очень отчётливо осознал, что внимание принадлежало мне. Оно было *моим*; оно было *мною*. Это было подобно субстанции, потоку сознательной субстанции, моим «я», возвращающимся и снова входящим в меня, в моё расположившееся в кресле тело. Возвращалась моя *самость*. И наряду с этим уникальным чувством я испытал сильное удивление с некоторым оттенком стыда и примесью страха от того, настолько беспечно я позволил своей самости от себя отдалиться — *без твоего беспокойства*, словно беспечный пастух, позабывший о своём стаде. Как я мог это допустить? Почему я не ощутил, что мне не хватает моего внимания, моей самости? А что, если бы оно никогда не вернулось?

До этого мне очень часто доводилось слышать мысль: «Я есть моё внимание». Но после упражнения для меня это уже было не просто чьим-то авторитетным мнением, а личным опытом. Это стало пережитой реальностью. И впоследствии я лишь многократно убеждался в значимости своего открытия и его смысл открывался мне всё глубже.

Упражнение сделали какие-то единицы — остальные студенты его проигнорировали или попросту о нём забыли. Среди единиц был студент по имени Октавио:

Словно пробуждаясь ото сна, я услышал мягкий голос Октавио Замбрано, сидевшего в середине второго ряда:

«Профессор, можно задать Вам вопрос?»

«Да, Октавио, пожалуйста», — сказал я и обошёл стол, чтобы встать поближе к нему. Было приятно наблюдать за улыбчивым и немного болезненным Октавио Замбрано с его светло-коричневым сияющим лицом и прямодушным взглядом тёмных глаз. Мне всегда нравилось, когда он обращался ко мне одним единственным словом «Профессор». Это было обыкновением всех мексиканских студентов, словно в одном этом звании заключалась вся моя сущность.

«Профессор, — скромно сказал он, — могу я кое-что уточнить о предложенном Вами упражнении?»

«Конечно» — сказал я.

Мне ничего не было известно об Октавио, кроме того, что он, по-видимому, только недавно вышел из юношеского возраста. Также от моего внимания не ускользнули его необычайно утончённые манеры и жажда к разного рода познаниям, особенно связанных с философией.

«Я сделал это упражнение не с телевизором, — сказал он, — потому что у меня нет телевизора, а на этой неделе я не ходил в кинотеатр. Но я решил попробовать это с компьютером, потому что, в принципе, это одно и то же, не так ли?»

Внезапно, все взгляды устремились к Октавио. Если представить студентов кошками или собаками, можно было сказать, что все они навестили свои ушки.

«Продолжай», — сказал я.

«В общем, Профессор, всё это довольно странно. Я решил попробовать это упражнение с компьютером,

потому что уже давно замечаю, что он стал для меня чем-то вроде наркотика. Когда я нахожусь в сети, то как бы попадаю в сумеречную зону. Я могу сидеть так часами, не ощущая времени. И когда, наконец, я чувствую, что мои силы на исходе и выключаю компьютер, у меня возникает ужасное ощущение, что я растратил себя впустую...». Октавио смущённо замолчал. Его светло-коричневая кожа покраснела.

Острые кончики кошачьих и собачьих ушей подрагивали.

«Мы даже организовали в общежитии клуб, там около двадцати человек. Это что-то вроде клуба двенадцати ступеней, мы называем его «Клубом завершения сеанса». Мы стараемся помочь друг другу бросить эту привычку, из-за которой, по нашему мнению, мы тратим впустую наши жизни».

Мои собственные уши уже завибрировали. Мне очень захотелось как можно больше узнать об этом клубе. Но я попросил Октавио продолжать.

«На прошлой неделе, — сказал он, — когда я сидел за компьютер и думал об упражнении, иногда мне удавалось его выключить, и потом я включал его снова. Но когда я уже был в сети и вспоминал об упражнении, то просто не мог себя контролировать. И это было не просто невозможно, я даже не замечал, что игнорирую упражнение. Т.е. я как бы это осознавал, и как раз об этом и хочу Вас просить: у меня было странное чувство, что просто *думая* об упражнении, я как бы его делал! Я чувствовал себя *так же хорошо*, как если бы я его выполнил! Думать о нём было настолько же приятно, как и его делать!»

С Октавио уже ручьями стекал пот. Что касается меня, то я был поражен значимостью его наблюдений и глубиной эмоциональной реакции. Я даже не предполагал, что благодаря этому упражнению мы сможем опытным путём вскрыть механизм лицемерия, который сопровождает нас по жизни и позволяет нам раз за разом предавать наши этические идеалы, оправдывать себя, что мы делаем что-то хорошее или, по крайней мере, всё от нас зависящее.

В тот момент мне не хотелось говорить Октавио, что искренность, с которой он описывал свой самообман, была, вероятно, ключом к подлинному этическому элементу во всём его открытии. По крайней мере, это справедливо до тех пор, пока кристальная искренность или чистота внимания не вытесняется, как это зачастую бывает, болезненной лживостью вины с её убаюкивающими обещаниями исправиться или оправданиями эго. В любом случае, обе эти реакции препятствуют внутреннему усвоению этого ценного осознания. Надеюсь, мне ещё предоставится случай поговорить об этом невероятно значимом наблюдении.

Ещё небольшой фрагмент из *Почему мы не можем быть хорошими?*, где более подробно о *патологичном* чувстве вины. Пожалуй, этим мой «сбор сливок» с этой, на мой взгляд, выдающейся книги ограничится:

Метафизически и психологически чувство вины противоположно раскаянию. Вина основывается на той ложной предпосылке, что нам следовало и мы *могли* бы действовать иначе в той или иной ситуации, с тем или иным

человеком или в соответствии с тем или иным идеалом. Раскаяние, с другой стороны, зиждется на объективном восприятии нашего духовного состояния, на том, кем мы являемся на самом деле, а не каких-то иллюзиях наших нравственных возможностей. Испытывая чувство вины, мы можем сколь угодно обещать себе исправиться, но, зачастую, это таким образом «отправляет на карантин» только что-то осознанное нравственное бессилие и не позволяет в дальнейшем войти этой правде в наше сознание. Раскаяние, с другой стороны, не сопровождается какими-либо внутренними или внешними обетами. Скорее, происходит глубокое, горестное принятие самого себя одновременно с физическим и метафизическим расслаблением напряжённого эго, расслаблением, раскрывающим сердце и подготавливающим тело к восприятию нового качества внимания — внимания или сознательной энергии, называемой в восточной ортодоксальной традиции «вниманием, исходящим от Бога». Крайне важно проводить это различие в нас самих и проследивать эти эмоции, поскольку чувство вины и страх, равно как их производные жалость к себе и гнев с большой силой выплёскиваются из театра ума на «улицы» нашей повседневности. Лишь когда мы развиваем свою способность любить или пытаемся соприкоснуться с этой неизменной основой всех этических действий и принципов, мы можем надеяться, что обнаруженное внутри нас добро проявится и в наших действиях...

В этой небольшой зарисовке принцип наблюдения за самим собой *без чувства вины*, т.е. объективизации или отстранения от самого себя примерно так, как это

получилось у студентки Нидлмана, распространяется на один из наихудших человеческих пороков — зависть. Впрочем, у этой техники возможно самое широкое применение:

— Зависть, у тебя зависть.

— А что у меня есть помимо чувства зависти?

— Осознание, что зависть — плохо.

— Это осознание — тоже я?

— Да, оно часть тебя.

— А какая из этих частей перетягивает во мне канат?

— Та, которой даёшь больше внимания.

— И всё?

— И всё.

— А посокрушаться?

— Осознания, что зависть — плохо, достаточно. Если хочешь, сокрушайся, но есть риск, что это одновременно добавит веса и твоему завидующему «я». Лучше просто признать себя... сложносочинённым, разнокомпонентным, без вины в этой связи на одном полюсе и гордости — на другом.

— Иными словами, есть «я», которое осознаёт в себе и зависть, и неудовольствие этим чувством, но не даёт себе некой окончательной нравственной оценки?

— Да. Оно как бы немного парит над всем этим. Есть шанс, что через это «я» в сознание вольётся подлинное сорадование.

- А откуда возникает это сорадование?
- Сорадование возникает Оттуда.
- А может всё-таки посокрушаться?
- Пока будешь сокрушаться, глубинная часть твоего «я» будет за этими сокращениями наблюдать. Не лучше ли сразу прыгнуть в наблюдательный пункт?
- А разве можно?
- Целиком всё равно не допрыгнешь. Там разберутся, за какие подмышки тебя подхватить и как постепенно затянуть всё остальное.
- Это работает только с завистью или...?
- Или.
- Ладно, давайте билет.

Если несколько подытожить, фундаментальным условием духовной трансцендентности является, в первую очередь, нахождение в поле *Пути* («Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего»), чему *способствуют* правильные представления о мире и себя в нём; дифференциация самости; совместные размышления в духе искренности и любви к истине; контроль за своим вниманием; практика безоценочного наблюдения за своим внутренним миром, а также такое отношение к нему, при котором, в конечном итоге, происходит физическое и метафизическое расслабление, а не сжатие, подразумевающее в т.ч. «закупорку» столь драгоценных частичек внимания. Правильное отношение к своему месту в мире во многом подразумевает уход от

эгоцентризма и эгоизма, принятие ответственности за свою жизнь и жизнь окружающих в т.ч. под таким углом, что просветление «я», его движение к «Я» и слияние с Ним — это самый великий дар, который человек способен предложить миру. Виктор Франкл, переживший концлагерь, который, в свою очередь, стал возможным из-за слияния индивидуальных «теней» немцев в коллективную, выстрадал эти свои слова:

Вся сложность в том, что вопрос о смысле жизни должен быть поставлен иначе. Надо выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждём от жизни, а в том, чего *она* ждет от нас. Говоря философски, тут необходим своего рода коперниканский переворот: мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам — ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать — не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением. Ведь жить — в конечном счёте значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа.

Франкл популярно не объясняет, что скрывается за словом «жизнь», но если его заменить или додумать до «Создателя жизни» и всему, что этому сопутствует, всё встанет на свои места. Нужно ли объяснять различие между эгоцентризмом и эгоизмом? Если это приведёт к чьему-то большему самопознанию, чьей-то большей дифференциации самости (и высвобождению частичек внимания), то:

Периодически в меня летят стрелы-обвинения в гордыне (в основном, от христиан). Когда прошу их дать гордыне определение, чтобы понимать, в чём, собственно, я уличён и, коль стрелы действительно попали в яблочко, пересмотреть в себе какие-то вещи, то обвиняющая сторона практически всегда начинает путаться в показаниях, обнаруживая тем самым свою духовную... подслеповатость. С одной стороны — опасность гордыни, с другой — пойти на поводу у слепцов. Что хуже: отступить с правой или с левой ноги?

Некоторое время назад я написал следующие строки:

Гордыня:

Я знаю.

Честность:

Я не знаю.

Сократ знает,

Что ничего не знает.

Смирение:

Бог знает.

Фигура речи:

Бог его знает.

Глупость:

Не знаю, но сделаю.

Храбрость:

Знаю, но сделаю.

Зависть:

Знаю, но не сорадуюсь.

Восхищение:

Знаю и не нарадуюсь.

Мудрость:

Знаю, но Бог знает лучше.

Просветление:

Объектсубъектипознаваниеединойгущей.

Здесь гордыня определяется как некое безапелляционное знание, не подпускающее к себе высшую истину. Наверное, стоит копнуть чуть поглубже, добавить психологизма, чтобы в т.ч. и моим любезным христианам дать против себя каких-то козырёй. Впрочем, козыри эти могут оказаться обоюдоострыми.

Почему «я», собственно, отказывается от высшей истины или, по крайней мере, чего-то большего, чем оно само? Здесь стоит провести различие между эгоцентризмом и эгоизмом — именно последний синонимичен самолюбию, что, с моей точки зрения, является сутью гордыни.

Эгоцентризм можно определить как восприятие мира психофизически незрелым и/или неопытным «я». Эгоцентричность свойственна детям. Когда, скажем, эгоцентричный человек противится чему-то новому, тому, что идёт вразрез с его картиной мира, то происходит это не из самолюбия, а, скорее, неспособности, в т.ч. когнитивной, это новое знание соотнести с существующим. Главенствующая эмоция здесь — страх. С получением жизненного опыта и развитием абстрактного мышления, в идеале эгоцентричность уступает место какой-то более объективной картине мира и своего места в нём.

Если вопреки всему, низводящему «я» с его высокого пьедестала, оно продолжает мерять всё своими мерками, более того, рационализирует, оправдывает это, а главное — действует без нравственных тормозов, то

здесь впору говорить об эгоизме, сиречь самолюбии. Когда такое «я» чувствует себе вызов, то испытывает не столько страх, сколько ярость. Почему некоторые «я» оказываются именно таковыми? Одна из возможных причин — их демоническая природа, напрочь лишённая Бога в виде, скажем, любви к истине. «Гордыня бесовская». Возможны демонические «подголосья» в более-менее здоровом «я». Возможен какой-то сильный эмоциональный протест, коренящийся в травме. Не исключено, что буквально в предыдущем своём воплощении человек был медведем гризли, ещё не «остыл». Выбирайте.

В том же случае, если «я» обладает высшим знанием, не подлежащим никакому сомнению, а эмоциональной его основой является любовь не к себе, а к истине, можно ли такое «я» назвать горделивым? Гордится ли собой увешенное плодами яблоня? Скорее, она склоняется под их бременем. Те же, кто пытаются яблоню судить, в лучшем случае обнаруживают свою эгоцентричность.

Попал ли я в яблочко?

Возможно, читатель уже понял, что в «Методологии» я навожу мосты если не для интеррелигии, то для иного взгляда религий на самих себя, более глубокого, а значит, в идеале, более *действенного* «на поверхности». Тем же, кто узнал Бога в «межмембранном пространстве», чёткая деноминация, даже интеррелигия будет тесна — Дух дышит, где хочет. Но пока религии со своими чётко очерченными мембранами-рамками существуют, здесь им

будут предложены практические вещи, которые могут быть восприняты ими относительно безболезненно, тем более, если внутри их они в той или иной форме уже существуют — тогда речь идёт, скорее, об их реанимации или более широком использовании.

Для начала, хотелось бы предложить «рабочий» образ Бога, в т.ч. для буддистов, как основу для всего, что за этим последует — нет ничего более практичного, чем надёжный фундамент. К слову, Карл Юнг усматривал причину большей части неврозов в *искажённом* представлении о Боге, хотя и у самого Юнга отношения с Богом были довольно непростыми. Обо всём об этом в нижеследующем эссе:

Юнг одновременно любил и ненавидел Бога. По-видимому, связано это было с тем, что у него не было чёткого разделения между Богом и так называемым «коллективным бессознательным» — всё было свалено в одну кучу. Более того, по Юнгу обратной стороной архетипа "Я", т. е. внутреннего Бога, был дьявол или, если более безличностно, демонизм, сверхчеловеческое зло, в существовании и конкретных проявлениях которого у Юнга не было ни малейших сомнений. Выразились эти... непростые отношения Юнга с Богом в т. ч. в одном из его сновидений, когда он, на тот момент уже довольно зрелый муж, не смог совершить пред Богом земной поклон — в последний момент, когда его лоб уже почти касался земли, он не смог себя заставить преклониться *до самого конца*.

Здесь к Юнгу можно применить его собственный психоаналитический метод: насколько представление Юнга о Боге соответствовало реальному Богу? Не было

ли у него некоторой... невротичности, свидетельствующей об этом несоответствии? Бесспорно, между Юнгом и Богом были очень тесные отношения, но насколько к глубине его проникновения в психические бездны добавлялась ещё и *чистота* различения? Иными словами, были ли сложные отношения Юнга с Богом неизбежны в силу каких-то объективных причин или этот конфликт мог как-то разрешиться? Под разрешением имеется в виду психологическая расслабленность, т.е. душевный покой, проистекающий от примирения с Богом. И здесь представляются возможными только два пути: либо принять дьявола как некую «левую руку» Бога и полюбить Его, мягко говоря, парадоксальным, если же говорить более жёстко — взбалмошным, лишённым нравственности и благородства, по крайней мере, понятных человеческим существам с присущими им духовными ориентирами (У Юнга это явно не получилось, поскольку невозможно полюбить нечто, совершенно тебе нравственно чуждое, не отказавшись при этом от собственного нравственного чувства); либо попытаться максимально разделить ад и рай, в т. ч. демоническое от божественного как в мире, так и в самом себе, чтобы затем от частного перейти к целому, от микрокосма — к макрокосму (У Юнга это тоже, по всей видимости, не вышло, точно не до конца).

Нужно сказать, что помимо устрашающих и откровенно жестоких проявлений коллективного бессознательного, одним из самых весомых аргументов Юнга и вообще всякого трезвомыслящего человека в пользу... как бы сомнительной благодати Бога, является мир природы с пронизывающим его сверху донизу принципом «хищник-жертва», болезнями, стихийными бедствиями

и т.д. Жизнь *объективно* переплетена со страданием, во многом, незаслуженным, а поскольку о яблоне судят по её плодам, то как бы и о Творце должно судить по Его творению. И тогда Юнг был объективно прав в своих противоречивых чувствах к Богу. Или нет? Или *не совсем*?

У христиан, скажем, есть представление о человеческом грехопадении и последующим за ним искажении мира, как бы изначально задуманного Богом благим. Позволю себе здесь немного иронии: регуляция численности живых организмов до того, как был съеден легендарный плод в Эдемском саду, по этому представлению должна была происходить не иначе, как через ненасильственную самоликвидацию и дематериализацию лишних особей, а питались бы все исключительно пищей растительного происхождения и/или манной небесной. Для полного благолепия картины — почему бы не дойти до перфекционизма? — ничто бы не гнило, не разлагалось, не плесневело, не кровоточило и т.д. Юнг, к слову, интерпретирует упомянутую библейскую легенду как о переходе животных к более высокой человеческой сознательности, и лично мне кажется, что он ближе здесь подошёл к существу вопроса. Однако, если в этой легенде обратить внимание на причинно-следственные связи, то дьявол-искуситель уже был в Эдемском саду, т. е. до пресловутого грехопадения. Католик Джон Толкиен в достаточно неортодоксальном по христианским меркам *Сильмариллионе*, в начальных его главах, описывающих сотворение мира и отпадение от Бога-Илуватара одного из самых могущественных детей Божиих Мелькора, даёт в этом смысле более логически выверенную и масштабную картину. *Роза мира* Даниила Андреева,

считавшего себя православным христианином, может здесь послужить хорошим дополнением или вполне самостоятельной... хроникой этих беспредельно далёких от нас (и одновременно близких к нам) космических событий — если, конечно, принять это всё *на веру*. Итак: если действительно произошло некое искажение изначального замысла Творца, то принцип «царь хороший, бояре плохие» оказывается намного более древним, чем это можно только вообразить, а благодать Бога — более правдоподобной.

Согласно Даниилу Андрееву, благодать Бога выражается в т.ч. как отсутствие какой-либо в Нём жестокости. С другой стороны, Бог по тому же Андрееву борется с дьяволом далеко не всегда *приятными* для него, а также его человеческих орудий, способами, включающими насилие. Т.е. всё-таки благодать Бога может быть сопряжена с насилием, а значит и жестокостью, с той оговоркой, что оно *справедливо*, не вызывает у Бога садистического удовольствия и не нацелено на выхолащивание нравственного чувства у разрушаемых Им. Опять-таки — если принять означенные «хроники» прадавних космических событий как точку отсчёта, а не просто художественную фантазию. Можно, конечно, как Зинаида Миркина взглянуть на капельки дождя на хвойных иголках, пронизанные солнечным светом, и интуитивно осознать благодать Создателя *вопреки всему остальному*. Но это не каждому дано.

Что могло бы помочь *нормальному* человеческому существу провести хотя бы какое-то разделение между благим Богом и дьяволом если не во внешнем мире, то во внутреннем? Какая-никакая духовная чувстви-

тельность и честность! Если додумать идею дьявола как «левой руки» Бога до самого конца, то абсолютно все грехи будут ничем иным, как формами Бога, в т.ч. педофилия, скотоложество и инцест, вещи, вызывающие у нормального человека оторопь. Если принять это чувство не как нечто само собой разумеющееся, а как... внутренний голос Бога, то, по крайней мере, можно уже здесь провести водораздел между Богом и дьяволом. Додумывая это ещё дальше: если есть вещи, мерзкие Богу, существующие вне Его воли *локально*, почему бы чему-то подобному не происходить в более глобальных масштабах? Если подытожить: нормального человеческого восприятия, равно как и честного, додумывающего всё до логического конца интеллекта, должно хватить и без *Сильмариллиона*, чтобы не заподозрить Творца в мухлеже левой рукой.

Если кому-то нравится — если разделять, то уже по полной — можно ещё разделить самого Творца на справедливого и взыскательного Отца, или Сына, и милосердную Мать, всеми способами старающуюся отвести от попавших в немилость Отцовский, или Сыновний, гнев и сопряжённое с ним физическое разрушение. Если кому-то от этого легче.

Поклонился бы Юнг *такому* Богу до самой земли? Может, да, может, нет. С моей же стороны — стишок:

Бывают капли дождя на еловых иголках

Инструментами Бога,

Кто-то посмотрит на них с поволокой —

И по́лно.

Бывает выщерблен Бог на синайских скрижалях,
Суховеем опа́лен —
Это когда испарились, иссякли
Капли.

Бывает, в сердце звучит сокровенным Заветом
Его тихая флейта,
Может звучать и каким-то другим
Духовым инструментом.

Когда золотое сечение, число Фибоначчи,
богословие, музыка, поэзия и прочие инструменты
из джентльменского набора Бога не достигают
цели, Бог перестаёт быть джентльменом, т. е.
галантным, уравновешенным мужчиной, чей образ
сформирован моралью викторианской эпохи.

Коль скоро заложен фундамент и особых перекосов в нём не наблюдается, очередь за «надстройками».

Наверное, во всех религиях существует практика молитвы (говоря о религиях, в первую очередь имею в виду религии правой руки). Молитвы варьируются от просьб

о ниспослании физического здоровья, упокоении души и других по-человечески понятных материях до того, что, скажем, в христианстве называется *умной молитвой* или исихией. Многие из ранее проговоренных когнитивных или метакогнитивных моментов свойственны этой практике. Особое сосредоточение ума во время исполнения санскритских мантр или гимнов, столь отличных если не по содержанию, то по форме от христианских молитв, в метафизических своих плодах, вероятно, может также сравниться с исихией, а именно — в соприкосновении с внутренним Богом или «Я». В этом свете, при чтении молитв, христианских, мусульманских и т.д., или произнесении мантр, индуистских ли, буддистских, молящимся предлагается добавить в эту практику новое измерение: параллельно наблюдать внутри себя, откуда возникают слова и звуки, искать их источник, отслеживать сопутствующие всему этому эмоции. При таком самоисследовании молящийся, к примеру, может обнаружить, что он... не любит Бога. В этой честности, однако, будет намного больше шансов прийти к Богу и, в конечном итоге, полюбить Его, даже *стать* любовью, нежели от пребывания в «серой зоне», откуда, к слову сказать, проистекают многие телесные и душевные недуги. Слово Кабиру:

Какая польза от молитвы,
покаяний, поклонений,
когда твоё сердце
любит другого?

Друг, привяжи себя к Мадхо*;
одной лишь мудростью
ты не достигнешь Чатурбхуджа* (пауза)

Отбрось жадность
и угождение другим,
отбрось похоть,
гнев и гордыню.

Религиозные практики
привязывают людей к себе:
они собираются все вместе
и поклоняются камню.

Кабир говорит: «Я нашел Его через преданность;
став простодушным,
я встретил Рагхураи»*.

*имена Бога

Когда я говорю о «мембранах», читай рамках, внутри которых существуют религии, то в этом нет никакого пренебрежения, особенно, если они совпадают с «мембранами» *Пути*. Образно говоря, если при завершении строительства храма все лесá убирают, то в *Божественном «я»* многие из них оказываются намертво вмонтированы. Нравственность, т.е. плюс-минус Десять заповедей — один из примеров *хорошей* мембраны. Соблюдение личной гигиены, детально проработанное в исламе или, скажем, индуизме, а также запрет на алкоголь и наркотические вещества — *хорошо*. Целомудренныe одежды, особенно для женщин — *прекрасно!* (Исламские бурки в этом плане, конечно, будут перегибом). Возвращаясь к Десяти заповедям, вероятно, многие верующие удивятся, что заповедь «не прелю-

бодейству» следует толковать много шире, чем просто сохранение супружеской верности: сексуальность должна, как это уже было сказано много раньше, выражаться через *благоприятные* формы. Почему? Потому, что Бог, в противном случае, будет испытывать брезгливость от соприкосновения с такими «я». Напомню, благоприятность следует понимать как сплав этики, эстетики и функциональности, и если на сексуальный акт могут быть разные этические и эстетические взгляды, то заложенная в него природой функциональность, а именно продолжение рода, ни у кого не должна вызывать сомнений. Постараюсь как-то намекнуть: функционально, нижняя чакра сопрягается с нижней, при чём таким образом, чтобы, в случае чего, от этого союза мог родиться ребёнок. Нижние чакры — к нижним, верхние — к верхним. На всё остальное лично я не могу дать никакой гарантии, что «Я» посмотрит на это без отвращения.

Особая тема — взаимодействие с природными элементами, т.е. землёй, огнём, водой, воздухом, эфиром и светом. Даниил Андреев всегда по возможности ходил по земле, и не только по земле, босиком. Мусульмане перед молитвой совершают омовение (вуду) вне зависимости от состояния личной гигиены. В христианских церквях горят свечи и дымится ладан, в индуистских и буддистских храмах воскуриваются благовония. Ритуальные омовения имеют место и в индуизме, как и хаваны, церемонные подношения священному огню, а также особые техники йогического дыхания. Некоторые смотрят на восходящее солнце. И так далее. Если не вдаваться в метафизику, все перечисленные вещи являются, по сути, техниками «тонкого» очищения, читай высвобождения частичек внимания, в дополнение к основной религиозной практике. Можно ли привести эти

техники к некоему общему знаменателю? Иными словами, если не только мусульмане и индусы, но и христиане, равно как и все остальные начнут перед молитвой омывать стопы и руки, использовать свечу или иной источник огня для очищения, ходить по земле босиком, смотреть на восходящее солнце, делать дыхательные упражнения и т.д., будет ли от этого какой-то толк? Несомненно, что-то из этих вещей можно заимствовать у других либо реанимировать в своей собственной традиции. Однако, когда речь идёт о гармонизации самости, т.е. «выпрямления» её либо в сторону *солнца*, либо *луны*, то необходимо знать, какие именно природные элементы нужно при этом использовать, каким образом и в какой пропорции отдавать им частички своего внимания, так что здесь не может быть какого-то универсального рецепта.

В заключении, о представителях и... «представителях» *Пути*.

Помимо личностей-глыб, краеугольных камней, на которых зиждутся религиозные и философские традиции правой руки, в них могут возникать такие фигуры, как Сатья Саи Баба или Махариши Махеш Йоги (предложенной им трансцендентальной медитацией, кстати, занимался Андрей Тарковский) — в индуизме, схиигумен Сергей Романов — в православии, Ага-хан — в исламе, четырнадцатый далай-лама — в буддизме. И так далее. Как читатель, вероятно, уже понял, никто из перечисленных персонажей (кроме Тарковского) моей Кундалини «не нравится», но речь не столько обо мне, сколько о последователях традиционного индуизма, ислама и т.д. Преклонение, буквальное и фигуральное, перед теми, кто не уполномочен *Путём*, особая к ним внимательность не из плотного поля чистого внимания, а внимания податливого, доверчивого, наносит сильный

удар по нижним регионам самости, как о том уже говорилось в «Космологии». Иными словами, частички внимания попадают к «представителям» в плен, что весьма затрудняет их путешествие в сторону «Я». Напомню, что внимание — величина фиксированная.

С другой стороны, непризнание, враждебность к тем, кто имеет к *Пути* самое непосредственное отношение, также для самости даром не пройдёт — как минимум, перетекание частичек внимания к «Я» будет неполным. Честнее всего здесь сохранять своего рода нейтралитет, применять формулу «Аллах знает лучше» или, если угодно, «Будда знает лучше», если под Буддой понимать космическое сознание, Великую Пустоту, с которой слился Гаутама Будда.

Если с учётом всего проговоренного последователи традиционных религий, точнее сказать, частички их внимания, подобно форели, идущей на нерест, проделают долгий и извилистый путь к «Я», в т.ч. очищаясь по пути благодаря интуитивно правильно выбранным природным элементам; обходя, полагаясь на чутьё и здравый смысл, лже-представителей; и, как минимум, сохраняя нейтралитет к представителям *Пути* вне своих мембран — если их внимание очистится, станет очень плотным, знающим, мудрым и любящим, что лично я могу против этого иметь? Скорее, я возликую. Существует, правда, одно важное телеологическое обстоятельство, но об этом в следующей главе. А пока — немного Гессе:

...В эту ночь, когда после долгих беспокойных раздумий миссионер наконец заснул под назойливое жужжанье москитов, ему приснился удивительный сон.

Он брёл по смутно-туманной пальмовой роще, на красно-коричневой земле играли желтые блики солнца. Попугаи кричали в вышине, обезьяны отчаянно храбро карабкались по бесконечно высоким колоннам стволов, крохотные, сверкающие, как драгоценные камни, колибри искрились яркими красками, всевозможные насекомые изливали радость жизни в звуках, игре красок или движений. Радостный миссионер, преисполненный благодарности и счастья, беспечно гулял среди этого великолепия; вот он подозвал плясавшую на канате-лиане обезьянку, и, смотри-ка, ловкий зверёк послушно соскочил на землю и почтительно, как слуга, склонился перед Эгионом. И Эгион понял, что здесь, в этом блаженном уголке Божьего мира, он может повелевать, и немедленно призвал к себе птиц и бабочек; и блистающим роем все они устремились к повелителю, он же взмахнул руками и принялся дирижировать, кивая в такт головой, подавая знаки глазами и щёлкая языком; и все прекрасные птицы и мотыльки послушно водили хороводы в золотистом воздухе, проплывали торжественными процессиями, и дивный этот хор свистел и щебетал, стрекотал, жужжал и щёлкал, они плясали в воздухе, гонялись друг за другом, выписывали величественные круги и веселые спирали. То был ослепительный яркий балет и концерт, вновь обретённый рай, и сновидец в этом гармоничном волшебном мире, покорном ему и подвластном, изведal наслаждение глубочайшее, почти болезненное, ибо в блаженстве был уже слабый привкус или предчувствие, предощущение его незаслуженности и мимолётности, что и подобает испытывать благочестивому миссионеру в минуты любого чувственного наслаждения.

И это пугающее предощущение не обмануло его. Восхищенный друг природы ещё предавался созерцанию резвой кадрили обезьян и ласкал огромную бархатисто-голубую бабочку, доверчиво опустившуюся к нему на левую руку и, словно голубка, позволившую себя погладить, но уже первые тени страха и гибели метнулись вдруг в этой волшебной роще и омрачили душу мечтателя. Пронзительно вскрикнули в ужасе птицы, порывистый ветер вскипел, зашумев над высокими кронами, радостный тёплый солнечный свет потускнел и иссяк, птицы бросились кто куда, красивых крупных мотыльков, в страхе бессильных, умчал ветер. Взволнованно застучал ливень по листьям, и вдали прокатился по небосводу медлительный тихий громовой раскат.

И тут в лес вошел Бредли. Уже улетела последняя пёстрая птица. Исполинского роста, мрачный, как призрак убитого короля, Бредли подошёл, презрительно сплюнул на землю перед миссионером и принялся укорять его обидными, насмешливо-злыми словами за то, что он лентяй и обманщик, ведь лондонский патрон нанял его на службу и дал ему денег ради обращения язычников, а он ничего не делает, только прохлаждается, ловит букашек и гуляет по лесам. И подавленный Эгион признал правоту Бредли: да, он виновен во всех этих упущениях.

И тогда появился могущественный богатый коммерсант, английский патрон Эгиона, и с ним много английских священников, и они вместе с Бредли погнались за миссионером и гнались за ним через заросли и терновник, пока не выбежали на людную улицу в предместье Бомбея, где высился до небес индийский причудливый

храм. В храм и из храма пестрым потоком текли людские толпы, голые кули и гордые брахманы в белых одеждах, напротив же, на другой стороне улицы, стояла христианская церковь, и над её порталом было высеченное в камне изображение восседающего средь облаков Бога Отца со строгим отеческим взором и волнистою бородою.

Преследуемый миссионер взбежал на папёрть Божьего дома, взмахнул руками и обратился к индусам с проповедью. Громким голосом он призвал их взглянуть и увидеть, что истинный Бог совсем иной, не такой, как их убогие божки — уродцы с хоботами или множеством рук. Он простёр длань к скопищу сплетённых фигур на стенах индийского храма, затем — к изображению Бога над воротами своей церкви. Но как же он был напуган, когда, сам следуя своему указующему жесту, поднял глаза и увидел: Бог Отец преобразился, у него теперь было три головы и шесть рук, и вместо чуть глуповатой бессильной строгости на всех трёх Его лицах играла снисходительная и довольная тонкая улыбка, в точности та, что отличает наиболее утончённые изображения индийских богов. Обескураженный проповедник обернулся к Бредли, патрону и священникам, но все они исчезли; одинокий и беспомощный, он стоял на ступенях церкви, и тогда покинул его и Бог Отец, ибо всеми шестью руками приветственно махал он индийскому храму и божественно-безмятежно улыбался божествам индусов.

Всеми покинутый, опозоренный и растерявшийся, стоял Эгион на своей церковной папёрти. Он закрыл глаза и не двигался с места, все надежды померкли в его душе, и со спокойствием отчаяния он ожидал, что язычники

побьют его камнями. Наступила мучительная тишина, но затем он почувствовал вдруг, что чья-то сильная и вместе с тем добрая рука отстранила его, и, открыв глаза, увидел, что каменный Бог Отец величаво, с достоинством шествует вниз по ступеням, и в ту же минуту со своих зрительских мест на стенах индийского храма начали спускаться полчища индийских богов. Всех их Бог Отец приветствовал, после чего вошёл в индийский храм и, дружелюбно кивая, принял поклонение брахманов. Меж тем языческие боги со своими хоботами, кудряшками и узкими глазами один за другим направились в христианскую церковь и ко всему, что увидели в ней, отнеслись с одобрением, следом же за богами потянулись длинной вереницей молящиеся, и так произошло переселение богов и людей из индийского храма в церковь и из церкви в храм. В братском согласии зазвучали гонг и орган, и тихие смуглые индийцы возложили на строгий алтарь английской христианской церкви цветы лотоса.

Стишок? Если вы так настаиваете...

Берём христианина,
Очищаем от спирта,
Матерной брани
(Особенно всего, что оскорбляет мать),
Пары-тройки заблуждений,
Пары-тройки смертных грехов,
Пары-тройки грехов попроче
(Помимо уже упомянутых выше).
Получаем скучного, прилизанного христианина.
Наполняем его Святым Духом —

Получаем искромётного христианина.

Берём мусульманина,
Поступаем с ним так же, как и с христианином
(За исключением спирта и матерной брани).
Получаем друга Аллаха.

Берём буддиста —
Прём по накатанной схеме.
Получаем будду.

Берём язычника,
И сразу щёлока, щёлока побольше,
А потом... ну, вы знаете —
Получаем истинного христианина,
Друга Аллаха или будду.

Берём атеиста —
Показываем ему нескучных остальных,
Показываем ад.
Предоставляем выбор.

Берём ни холодное, ни горячее нирыбанимясо.
Кладём обратно.

Ещё есть иудеи,
Им тоже тысячелепестковый лотос
На темя.

Многоконфессиональная Россия
Превращается в Святую Русь.

Вуаля!

Телеология

«Время цветения пришло»

Шри Матаджи

Когда концовка произведения диктует то, что предшествует ему, а не наоборот — это телеология. Когда в семени цветка уже заложен его будущий образ — это телеология. Когда прошлое и настоящее следует понимать, исходя из некоей ожидаемой кульминации — это телеология. Телеологии бывают локальные и глобальные: от семени — к цветку, от движения «я» — к «Я», до движения всей совокупности человеческих «я» — к какому-то «великому трусу» («трус» в значении сотрясения), т.е. Дню воскресения или Страшному суду. Читатель уже понял, что эта тема мне не безразлична, даже есть какая-то на ней заикленность.

В моём изображении *Пути*, возможно, я не заострил внимания на том, что при отклонении от Него *солнца* либо *луны* неминуемое схлопывание в противоположную сторону происходит не только из-за потенциальной силы *жгута* или *колец*, но и потому, что *Путь* — *движется*, как в отдельно взятом индивиде, так и в космических

масштабах, так что все отклонения от Него он как бы *невинно* подталкивает к их закономерному финалу. Можно представить себе *Путь* как идущего по дороге слона: на этом слоне можно либо ехать сверху, либо пытаться затащить его на обочину эластичным, растягивающимся канатом — в этом случае, человека или общество, или человечество, отбросит в сторону другой обочины не только из-за стремительного сжатия каната, но и поступательного движения величественного животного. При этом можно попасть слону под ноги — приятного, как можно представить, здесь мало.

Возвращаясь от образа к тому, что он собой знаменует, *Путь* в космических масштабах не просто идёт, но и, по всей видимости, постепенно ускоряется подобно индийской раге, и только для тех, кто оседлал слона, кто находится в поле *Пути*, это движение не сулит ничего плохого, по крайней мере, от слоновоголового Ганеши-Христа. Кульминация космического *Пути* — из того, что представляет важность для человечества — это достижение «Я» в планетарных масштабах.

Теперь главное, то, на что я до сих пор тонко или толсто намекал: формой этой кульминации, согласно Шри Матаджи, является Сахаджа Йога, и о себе Она говорит как о воплощении, аватаре Богини Матери, прямым доказательством чему является Её способность массово пробуждать Кундалини.

Когда Клайв Льюис в своём «Просто христианстве» размышляет о Христе, в т.ч. об экстраординарных заявлениях последнего (Первого и Последнего), то приходит к выводу, что подобные заявления могут быть либо абсолютной правдой, либо абсолютной ложью. Ничего посередине. Никакой «серой зоны». Либо «да, да», либо «нет, нет». То же самое можно сказать и в отношении

Шри Матаджи: либо Она — аватар Богини Матери, либо лже-пророк, а следовательно — имеет самую непосредственную связь с врагом человечества или, на исламский манер, шайтаном, побиваемым камнями.

Думаю, читатель уже понял, как именно и на основе чего я сам себе отвечаю на это «или — или». Здесь нужно подчеркнуть, что Шри Матаджи не предлагает верить Ей на слово: Она действительно является катализатором массового пробуждения Кундалини, чему в т.ч. и я прихожусь свидетелем и..., как бы это сказать, выгодоприобретателем. Более того, Её не интересует некое состояние «наполовину испечённости» в связи с пробуждением Кундалини — в конечном итоге, это должно быть нирвикальпа самадхи, достижение полноты, устранение зазора между *нитью* и *витками*, а не очередной детский сад:

Полумеры
Наполовину испечены
Бабушкой надвое...
Кошки сёры,
Ни белы и ни черны,
Когда полночь падает.

В полустанке
Лишь до больше, чем людей,
От повадки животной.
Христианки-
Нет души полупустей
Наполовину полной

Святым Духом.
Этим полутлением Земли

Полушария охвачены...
Прям над ухом
Ангел вполголоса велит,
Что пора заканчивать.

По моему мнению, религиям правой руки (и не только им) стоило бы обратить самое пристальное внимание на заявления Шри Матаджи. К слову, в Коране помимо владык правой стороны и левой стороны в контексте Дня воскресения упоминаются ещё *предварившие*, т.е. те, кто вошёл в заветный райский сад, читай седьмую чакру, самыми первыми и пьют там из источника, читай Кундалини, «заставляя его литься течением». Зачем кому-то обращать внимание на Шри Матаджи? Хотя бы уже потому, что непризнание представителя *Пути*, а тем более настолько потенциально значимого, может лишить милости как *внешнего*, так и *внутреннего* Бога. Или, если угодно, космического сознания Будды.

Справедливости ради нужно признать, что успехи Шри Матаджи в плане просветления человечества пока кажутся очень скромными. В одном частном разговоре Она «припечатала» Сахаджа йогов следующей статистикой: 50% — посредственности, 25% — идиоты, и 25% — Бог знает что. Возможно, это было сказано в сердцах, возможно, краски были несколько сгущены. Но пока будем отталкиваться приблизительно от этих исходных данных, поскольку, вероятно, это вердикт не только и не столько Сахаджа йогам, сколько человечеству в целом, представителями коего Сахаджа йоги, включая и меня, являются. Даже если взять самых одухотворённых и продвинутых представителей религий правой руки из ныне живущих, из тех, кто известен лично мне, скажем, старец Илий Ноздрин умудрился освятить памятник

Ивану Грозному (я уже упоминал о реакции моей Кундалини на Грозного), а мой собеседник по электронной переписке из условного либерально-христианского лагеря, рафинированный интеллигент и т.д., выказывает большую... недалёковидность в метафизическом раскладе сил в современной геополитике. Возможно, есть какие-то непубличные фигуры, в коих алмаз «Я» сверкает всеми своими гранями — мой им тогда поклон...

Когда я писал о том, что разные религии могли бы взять на вооружение вне зависимости от своих «мембран», то сознательно обошёл стороной медитацию. Во-первых, эта практика несвойственна авраамическим религиям; во-вторых — «умная молитва» как бы несколько заменяет собой медитативную практику; в-третьих — мне хотелось написать о медитации именно в контексте Сахаджа Йоги, с присущими именно этой практике немаловажными особенностями.

Как правило, Сахаджа йоги медитируют перед портретом Шри Матаджи, сидя в полулотосе, на коленях или на стуле, с прямой спиной и направленными вверх ладонями. Рядом с фотографией, с её левой стороны, стоит зажжённая свеча или какой-то другой источник огня. Внешне, как-будто всё. Нужно правда сказать, что «технически» медитация — это пребывание Кундалини в седьмой чакре, есть ли при этом портрет Шри Матаджи или нет, сидит ли кто-то на коврик в уединении комнаты или, скажем, пробирается на рынке через толпу.

Внутренний аспект включает определённый психологический настрой, который я сам для себя определяю как

сплав открытости, смелости и смирения перед истиной — это становится фундаментом для всего остального. К этому добавляется наблюдение за всем, что происходит в теле, эмоциях и мыслях, именно наблюдение, т.е. не отождествление себя со всем наблюдаемым и проживаемым, чему должна сопутствовать, как пишет Нидлман, физическая и метафизическая расслабленность. Всё то, что имеет какую-то форму — не бесформенное «Я», стало быть — можно расслабиться. Часть внимания желательно удерживать при этом на макушке головы, особенно, если на этой макушке *что-то* происходит. Внутренне, как бы тоже всё — остальное можно узнать из лекций Шри Матаджи, особенно того, что касается расшифровки «вибраций», очисток и иных вспомогательных или сопутствующих вещах. В самых общих чертах, читатель уже получил об этом понятие из моей автобиографической «справки».

Перед практикой медитации, однако, вначале должна пробудиться или *проявиться в большей полноте* уже в какой-то степени пробуждённая Кундалини. В этом плане, у Сахаджа Йоги нет на Кундалини какой-то монополии, т.е. у искателей она может быть пробуждённой от самого рождения или в каких-то иных жизненных обстоятельствах, при чём далеко не всегда ценность этого опыта ими в полной мере осознаётся. Но формально в Сахаджа Йоге существует «протокол» пробуждения Кундалини, внешне выражающийся в том, что левая ладонь направляется к фотографии Шри Матаджи, а правая ложится на какие-то участки тела, скажем, лоб. Одновременно с этим произносится ряд утверждений, в частности, «Я прощаю себя и других». В самом конце, правая рука поднимается над теменем. Внешне — всё. К слову, одно только это утверждение должно способствовать дальнейшей метафизической

расслабленности, ибо предполагается, что прошлое, каково бы оно ни было, утрачивает былой свой вес:

Когда отгремели все пушки
И стихло лязгание сабель,
И нянечка всех уложила,
И ушла к своему Порфирию,
Мундштук кислородной подушки
Отставив, память сказала
Сознанию на койке напротив:
Давай заключим перемирие.

И памятей в мире много,
И столько же в мире сознаний,
И нянечек милосердных,
И многие нянечки замужем,
И ходят создания под Богом,
Под Богом создания воют,
И Бог будто не возражает
(В последствии, может и за уши).

И кто-то, к примеру, чтоб память
Не мучила больше сознание,
Сказал, что Бандера был классный,
И то же про Джозефа Сталина;

Или, чтоб чувства не ранить,
Всем тем, кто и так полумёртвый,
Сказали: что вас не убило,
То было всё сделано правильно.

Я тоже, не будучи белым
Каким-то таким исключением,
Желая, чтоб и мои память

С сознанием друг друга порúчкили,
Простил и себя, и всех в целом,
И даже пошёл чуть-чуть дальше,
Чем просто простил — я простился
Со многими закорючками

В вопросе самоидентификации:
Мне не нужен Берия,
Не нужен Шухевич,
Не нужен ни коллективный Запад,
Ни индивидуалистический Восток,
Чтобы, разбуди меня посреди ночи,
Сказать: «Я есть», нет, просто быть
Наедине с Богом.

Уже говорилось о том, что хотя *нить* в форме правильных представлений и не заменяет духовного опыта, т.е. более тонких *нитей* и *витков*, она как бы расслабляет самость для *должного* его приятия, как это случилось, к примеру, с Юнгом или Шри Раманой. В этом смысле, эта *Инструкция* суть сплошная подготовка к тому, чтобы читатель, в конечном итоге, попробовал пробудить свою Кундалини — таков мой «коварный» план, таков заготовленный для него «сюрприз». Поэтому если читатель, особенно, верующий человек, всё же отважится на этот опыт, ему нужно будет сделать примерно следующее. Во-первых, от него потребуется открытость ума и доверие Высшему началу, с каким бы именем оно у него не ассоциировалось. Во-вторых, во время всего этого... эксперимента левая ладонь должна лежать открытой на колене по направлению к фотографии Шри Матаджи (читатель её найдёт через страницу). В-третьих, нужно будет произнести несколько утверждений, про себя или

вслух, с такой серьёзностью и торжественностью, на которую читатель только способен. Вы готовы?

Если да, то первое утверждение произносится с правой ладонью на сердце: «Я не есть это тело, эмоции, мысли, эго. Я — Дух».

Правая ладонь теперь на лбу, и здесь нужно сказать: «Я прощаю себя и всех остальных». И действительно попробовать отпустить и себя, и остальных.

Правая ладонь ложится на затылок, и здесь нужно попросить прощения за все вольные и невольные ошибки и прегрешения против своего Духа, своего «Я», и против других живых существ.

Наконец, правая рука поднимается над теменем ладонью вниз, и здесь можно сказать примерно следующее, обращаясь к Создателю: «Если есть на то Твоя воля, и если Кундалини — это действительно невеста Духа (священный источник рая, дарительница бодхи и т.д.), то пусть она пробудится».

Немного «прислушайтесь», что происходит у вас над головой и внутри, и затем положите правую ладонь на колено. Продолжайте дальше «слушать» происходящее внутри и постарайтесь при этом максимально расслабиться.

Я не имею ни малейшего представления, уважаемый читатель, что произойдёт именно с Вами, и произойдёт ли что-то вообще. Но как говорят магометане: «Аллах милостивый, милосердный», и хочется надеяться, что это путешествие Вы проделали не впустую, если только это не связано с Великой Пустотой.

Послесловие

В предисловии к своей *Цитадели* Экзюпери пишет то, что я бы практически дословно позаимствовал для *Инструкции*, за тем исключением, что книгу всё-таки закончил, и это — *послесловие*:

...Хочу закончить свою книгу. Вот и всё. Меняю себя на неё. Мне кажется, что она вцепилась в меня, как якорь. В вечности меня спросят: «Как ты обошёлся со своими дарованиями, что сделал для людей?» Поскольку я не погиб на войне, меняю себя не на войну, а на нечто другое. Кто поможет мне в этом, тот мой друг... Мне ничего не нужно. Ни денег, ни удовольствий, ни общества друзей. Мне жизненно необходим покой. Я не преследую никакой корыстной цели. Не нуждаюсь в одобрении. Я теперь в добром согласии с самим собой.

Думаю, я полностью высказался в отношении того, что считаю наиболее важным, всё «разжевал», всё демисти-

фицировал, «указал на луну» не одним только пальцем, а всей пятернёй.

Вероятно, некоторые читатели — шокированы, кто-то негодует, кому-то «ни жарко, ни холодно», а кто-то смог благодаря проделанному вместе со мной путешествию приблизиться к своему «Я» и шлёт мне оттуда волны симпатии, кои я с благодарностью принимаю и шлю им ответный привет.

По правде говоря, у меня нет никакого образа будущего. Между массовым слиянием с «Я» и действительностью, *какая она есть*, зияет огромная пропасть — достаточно выйти на улицу или в интернет. Но свой путь я избрал и, пожалуй, буду двигаться в том же самом направлении.

В свете последних военно-политических событий хочу сказать, что не верю в узкий национализм, более того, презираю его. Не верю я и в религиозный фундаментализм, ибо ясно вижу, что к высоким этажам он не приводит. Нет никакого христианского «Я» или русского «Я», или евразийского «Я» — есть просто Дух, который, как уже неоднократно говорилось, дышит и дышит, и дышит, где хочет.

Я верю, нет, *знаю*, что Бог существует, и верю Богу, как внешнему, так и внутреннему. Если бы я как-то иначе назвал *Инструкцию*, то *Евангелие Кундалини*:

Они спрашивают тебя о Часе: «Когда он наступит?». Скажи: «Воистину, знание об этом принадлежит только моему Господу. Никто, кроме Него, не способен открыть время его наступления. Это знание тяжко для небес и земли. Он настанет внезапно». Коран

Вам надо пророчеств? Нате!
Вам больше не отсидеться,

Не спрятаться за *своего* Христа,
Магомеда, за мантию Будды
С пузом для загадывания моста
Через выпавшие зубы.

Клянусь высекающими искры,
Клянусь единорожьим рогóм,
Клянусь «е равно мц в квадрате»:
Больше не отложить на потом,
Что положила Праматерь.

Клянусь пробуждённой невестой —
Час настал!

Развернулась
Спиральная
Скатерть.

Что ещё сказать... Если будете в левостороннем Лон-
доне, то переходя дорогу в неположенном месте, вначале
посмотрите направо, и только затем — налево.